

серия
«Люди России»

К.В.Гусев

В.М.ЧЕРНОВ

ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

Москва
РОССПЭН
1999

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 98-01-16277

Гусев К.В.

Г 96

В.М.Чернов. Штрихи к политическому портрету (Победы и поражения Виктора Чернова). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 207 с.

Книга известного историка К.В.Гусева — первая в отечественной исторической литературе политическая биография В.М.Чернова — политического лидера, философа и публициста, одной из крупнейших и колоритнейших фигур политической истории России начала XX века. В ней прослежен сложный политический путь основателя, лидера и главного теоретика большой и влиятельной партии эсеров, «мужицкого министра», председателя Учредительного собрания, начавшийся в народнических организациях Тамбовской губернии и завершившийся через полвека в Нью-Йорке; изложены его философские взгляды, проанализирована практически-политическая деятельность с ее удачами и неудачами, несбывшимися надеждами и оправдавшимися прогнозами. В монографию включены не публиковавшиеся ранее письма Чернова о положении в эсеровской эмиграции и две фактически неизвестные читателю статьи, в которых в яркой, острой форме говорится о его видении и оценке событий революции 1917 г. и содержится весьма интересный прогноз: что ждет Россию при новом режиме.

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999.

© К.В.Гусев, 1999.

ISBN 5-86004-126-8

Введение

«Вначале было Слово» — так начинается библейская история мироздания. В споре с идеалистами материалисты часто приводят эту фразу, как образец искаженного представления о процессах развития общества, и возражают: «Вначале было дело». Но если взглянуть на историю политических партий, то, не вдаваясь в многовековую философскую дискуссию, можно утверждать, что она со всей очевидностью свидетельствует: в данном случае вначале, безусловно, было все же слово. Известный постулат марксизма гласит: идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. Однако прежде, чем превратиться в материальную силу, идея должна быть кем-то выдвинута, сформулирована, так сказать, брошена в материальный мир. История политических партий, как правило, и начинается с того, что появляется человек или группа людей, которые предлагают обществу какую-либо идею или теорию, и, если она соответствует тем или иным устремлениям той или иной части общества и находит в нем отклик, вокруг нее объединяются последователи и единомышленники, и таким образом складывается ядро будущей партии и выявляются ее лидеры.

Строго придерживаясь основополагающего принципа исторического материализма о решающей роли народных масс в истории, советские историки часто обходили другое замечание основателей марксизма: судьба движения, особенно вначале, во многом зависит от того, кто стоит во главе его¹. Об этом говорит тот факт, что советская историография политических партий, за исключением, хотя и с некоторыми оговорками, большевиков, оказалась обезличенной. В затрагивающих эту тему работах по отечественной истории содержится очень мало сведений о промахах и неудачах, взлетах и падениях, взаимоотношениях их лидеров. В подавляющем большинстве книг и статей им давалась односторонняя оценка, опирающаяся на несколько повторяющихся и соответствующим образом подобранных аргументов. Кроме того, давалась она, если можно так выразиться, лишь по конечному результату, который, в свою очередь, определялся тем, что до недавнего времени все политические деятели, как и партии, делились только на две категории — революционеры и контрреволюционеры. Колебания, сомнения, изменение точек зрения и политики, анализ их причин оставались «за кадром». А ведь политические биографии

многих крупных политиков, и В.М.Чернова в том числе, никак не укладываются в прокрустово ложе подобного деления.

В свое время было распространено крылатое выражение, дескать, историки должны писать историю идей, а не историю людей. Но можно ли представить себе историю какой-либо политической партии без ее лидера, так же как и оторвать лидера, его политическую биографию от истории возглавлявшейся им партии? Поэтому так или иначе и в представлении историка, и в представлении человека, просто интересующегося отечественной историей, кадеты ассоциировались и ассоциируются с П.Н.Милюковым, меньшевики — с Ю.О.Мартовым², а социалисты-революционеры — с В.М.Черновым.

Основатель, лидер, главный теоретик и идеолог крупнейшей политической партии дореволюционной России, философ, с которым длительную дискуссию вел В.И.Ленин³, автор самой популярной у крестьян аграрной программы, министр Временного правительства, председатель Учредительного собрания... Что же представлял собой этот человек? О нем можно говорить как о воплощении классического центризма со всеми его достоинствами и недостатками, но при этом отнюдь не в сугубо отрицательном смысле, который некогда вкладывался в это понятие.

В свое время политики называли английского премьера Ллойд-Джорджа⁴ мастером компромиссов, и с этим эпитетом он и вошел в историю. В.М.Чернова мастером компромиссов не назовешь, поскольку большинство из предложенных им компромиссов не состоялись. Тем не менее он к ним всегда стремился, пытаясь занять некую центристскую позицию, и поэтому практически был вынужден непрерывно отражать и нападку справа, и защищаться от критики слева, и, как это ни странно, такая позиция создавала ему устойчивое положение лидера центра и всей партии. Видимо, прав был один из его соратников Н.Ракитников, который говорил, что В.М.Чернов «лучше, чем какой-либо другой член партии, всегда олицетворял единство партии»⁵.

Он искал компромисса и в теории, поэтому академик И.М.Майский, еще будучи не академиком, а политиком, писал: «Немножко Канта, немножко Маркса, немножко Михайловского и Лаврова, немножко социализма, немножко отсечины — такова программа Виктора Чернова и всей партии эсеров»⁶. В.М.Чернов неоднократно пытался примирить различные течения в своей партии, и на ее первом съезде прилагал немало усилий для объединения правого и левого крыла, но предотвратить раскола не мог — ушло и правое крыло, бывшие легальные народники, образовавшие партию «народ-

ных социалистов», и крайняя левая группа, создавшая близкий к анархистам «Союз социалистов-революционеров максималистов»⁷. Эту же цель преследовала его длительная литературная дуэль с группой «Народ»⁸ в годы гражданской войны, но финал был тот же.

В.М.Чернов был сторонником террористической тактики и неоднократно выступал в ее защиту, однако его колебания при рассмотрении дела о провокаторстве Е.Ф.Азефа⁹ дали последнему возможность, после того как партийный суд приговорил его к смерти, скрыться. Во время первой мировой войны интернационалисты упрекали В.М.Чернова в непоследовательности и уступках шовинистам, а правые — в «циммервальдизме» и поддержке В.И.Ленина. Как министру Временного правительства левые предъявляли ему претензии в уступках кадетам, а кадеты добивались его отставки, считая слишком левым. После установления советской власти большевики объявили В.М.Чернова контрреволюционером, а Колчак¹⁰ — арестовал и выслал.

И все эти перипетии не простое стечение обстоятельств. С именем В.М.Чернова связаны попытки найти «третий путь», опереться на «третью силу», построить «третью власть». Причем их нельзя рассматривать как какую-то прихоть эсеровского лидера. Они отражали настроения средних социальных слоев, стремившихся избежать крайностей и выйти из кризиса с наименьшими потерями. Удержаться на занятой позиции было нелегко. В результате подчас складывалось парадоксальное положение: оставаясь признанным идейным вождем партии, В.М.Чернов в то же время утрачивал роль политического лидера.

В.М.Чернов — одна из крупнейших и колоритнейших фигур в истории общественной мысли и политической истории России начала XX века, в свое время либо невольной, либо, главным образом, сознательно отодвинутой на задний план и освещавшаяся далеко не объективно, часто с пренебрежительным оттенком. Да, он был человеком, сотканным из колебаний, но во всех ситуациях он прежде всего оставался самим собой. В.М.Чернов был незаурядным, умным и дальновидным, хотя и нередко ошибавшимся политиком и великолепным публицистом. Так, незадолго до Октябрьского вооруженного восстания он дал очень трезвый анализ политического положения и пришел к выводу, что победа большевиков наступит как следствие «пустопорожней» политики правящих демократических партий, но это предупреждение его партией услышано не было. «Заметки из политического дневника» долго оставались неизвестными читателю, а они представляют большой интерес и с точки зрения оценки расстановки политических сил, ибо

меняют многие сложившиеся в работах по истории революции 1917 г. в России стереотипы, и с точки зрения характеристики самого автора и, наконец, дают представление о В.М.Чернове как публицисте.

Взлет его популярности, расцвет политической деятельности и поражение как политика приходится на чрезвычайно сложный, острый и противоречивый период отечественной истории, и, видимо, правильно будет считать, что зенит политической карьеры В.М.Чернова — избрание председателем Всероссийского учредительного собрания, после роспуска которого его звезда быстро закатывается.

Многое сказалося на выборе В.М.Черновым своего пути в революционном движении и, наверное, прежде всего то, что он уже с самого начала был связан с сильной народнической группой. Бомба, брошенная И.И.Гриневицким 1 марта 1881 г. на Екатерининском канале в Санкт-Петербурге, взорвала не только карету Александра II¹¹. Она вдребезги разбила и партию «Народная воля», хотя «осколки разбитого вдребезги» оказались достаточно крупными. Они разлетелись в двух направлениях. Одни видели свою задачу в решении экономических вопросов, в улучшении деревенского быта, рационализации крестьянского хозяйства и сосредоточили усилия на осуществлении, по выражению А.Блока, «матерьялистских малых дел»¹². Либеральные народники, как называли сторонников этого направления, видели свою перспективу в легализации народничества и превращении его в отдаленном будущем в парламентскую партию.

Другие, объявляя себя истинными наследниками «Народной воли», звали вернуться «назад к семидесятым», продолжить террористическую деятельность, считая индивидуальный террор главным средством решения политических проблем свержения самодержавного строя, стремились к созданию нелегальной революционной партии. Наиболее крупной организацией этого направления была партия «Народное право» (народоправцы) — революционно-демократическая организация, оформившаяся в 1893 г. на съезде в Саратове. Она ставила своей целью объединение революционных и оппозиционных сил России для свержения самодержавия. Ее основателями были народовольцы М.А.Натансон, И.С.Тютчев, О.В.Аптекман, публицисты и писатели Н.Ф.Анненский, А.И.Богданович¹³, близко к ней стояли Н.К.Михайловский и В.Г.Короленко¹⁴. Народоправцы имели свои организации в Петербурге, Орле, Нижнем Новгороде, Перми, Уфе, Баку, Харькове, Ростове-на-Дону и других городах. Партия вела нелегальную работу среди интеллигенции, учащихся, рабочих и одновременно принимала участие в деятельности легальных правительствен-

ных организаций. В числе требований, выдвигавшихся ею, были создание представительного народного правления путем всеобщего голосования, неприкосновенность личности, политическое самоопределение наций.

В 1894 г. последовала цепь арестов, была ликвидирована подпольная типография, разгромлены ряд местных организаций. В 1896—1898 гг. уцелевшие народоправцы выпустили несколько изданий — сборник «Наше время», брошюру «Первый год Николая II», листовки. В начале 90-х гг. большинство членов «Народного права» влились в партию эсеров. В партии «Народное право» и начинал свой путь политического деятеля и теоретика неонародничества сын бывшего крепостного крестьянина, получившего на государственной службе личное дворянство, и потомственный дворянин Виктор Чернов.

Глава I.

МОЛОДОЙ ЛИДЕР НОВОЙ ПАРТИИ

Он родился в г. Камышине Саратовской губернии 19 ноября (1 декабря) 1873 г.¹, учился в Саратовской гимназии и уже в юности дома от отца постоянно слышал, что рано или поздно вся земля должна отойти от помещиков к крестьянам. Будучи гимназистом, под влиянием и по протекции своего старшего брата Владимира Виктор вступил в народнический кружок. Однако его приверженность к народничеству укрепилась не сразу, и вскоре он оказался членом кружка, созданного офицером-толстовцем². Но это было мимолетное увлечение.

Популярность идей толстовцев в обществе ни в какое сравнение не шла с влиянием народничества. Среди интеллигенции конца прошлого века была широко распространена идея долга перед народом, духовными отцами которой были Н.К.Михайловский и П.Л.Лавров³, «властители дум» тогдашней молодежи. Книга П.Л.Лаврова (Миртова) «Исторические письма» была хорошо известна в интеллигентской среде. Согласно его теории двигателем прогресса является интеллигенция — группа личностей, вырабатывающих потребность и направление развития. Поскольку эта способность «критически мыслящих личностей» «тащить историю» получена ими ценой порабощения в прошлом большинства народа, постольку интеллигенция должна оплатить ему свой долг распространением знаний, совершенствованием условий жизни, внесением справедливости в общественные отношения. «Народ в то время был нашей религией», — писал В.М.Чернов в своих воспоминаниях.

В такой атмосфере идеи толстовцев не захватили гимназиста Виктора Чернова, озабоченного поисками «готовящегося восстать народа по городским харчевням и базарным площадям»⁴. Его воображение куда больше привлекали «нигилисты», воспринимавшиеся по роману И.С.Тургенева «Отцы и дети», и социалисты со страниц «Что делать?» Н.Г.Чернышевского, поэтому большое значение для формирования политических взглядов молодого революционера имело его знакомство с саратовским народовольцем А.В.Сазоновым⁵. По случайному стечению обстоятельств, не вовремя придя к нему на квартиру, ученик 8 класса гимназии первый раз подвергся аресту. Он был отпущен, но тем не менее его репутация оказалась подмоченной, и В.М.Чернов подал прошение о переводе его в Юрьевскую гимназию в г. Дерпте (ныне Тарту), после

окончания которой в 1892 г. поступил на юридический факультет Московского университета.

И в Дерпте, и в Москве В.М.Чернов был связан с кружками народнического направления, принимал активное участие в студенческом движении и как один из организаторов Всероссийского студенческого съезда добивался его самостоятельности и единства. Но народничеством его интересы в студенческие годы не ограничивались, весьма интересуется В.М.Чернова и марксизм, правда, в несколько своеобразной форме. Он считал, что как противник марксизма должен знать его лучше, чем сторонник. В это время у него складывается свое восприятие марксизма, при котором, признавая экономическую теорию Маркса, он отрицал ее социальное содержание и, в первую очередь, как убежденный народник безоговорочный экономический детерминизм.

В.М.Чернов видел недостатки «классического народничества», его патриархальность, и похоже, что уже с самого начала шел по пути поиска некоего «третьего пути», третьего решения для российских социальных проблем. Оно должно было находиться где-то между народничеством и марксизмом. Фактически он в это время искал решения их спора о судьбах капитализма в России. Этот спор, конечно, был в России главным фронтом борьбы идей, и весьма актуальным, поскольку победа одной из сторон предопределяла пути дальнейшего развития российского общества. Таким образом, студент Чернов хорошо понимал суть проблемы и сделал свой выбор.

Пожалуй, решающее влияние на выбор В.М.Чернова оказала его встреча в 1893 г. с М.А.Натансоном — старейшим представителем революционного народничества. М.А.Натансон был старше В.М.Чернова на 23 года и участвовал в революционном движении с 1869 г. как один из организаторов уже ставшей легендой «Земли и воли». Землевольтцы считали крестьянскую общину основой особого, некапиталистического пути развития России и хотели приспособить цели и лозунги движения к революционным стремлениям, уже существующим среди крестьян, являющихся «стихийными социалистами». Программа «Земли и воли» предусматривала передачу всей земли крестьянам для ее равномерного распределения «мирским самоуправлением». Она представляла «бунтарское направление» в народничестве и, исходя из неизбежности «насильственного переворота», предлагала вести агитацию «делом» — организацией бунтов и демонстраций. «Земля и воля» была, в частности, организатором вошедшей в историю политической демонстрации у Казанского собора в Петербурге в 1876 г., которая знаменовала вступление в организованное общественное движение поддержавших землевольтцев рабочих. Предусматривалась в программе земле-

вольцев и «дезорганизация государства» путем уничтожения «наиболее вредных или выдающихся представителей правительства», т.е. индивидуальный террор. Сторонники террористических методов после раскола «Земли и воли» образовали в 1879 г. самостоятельную организацию — партию «Народная воля». М.А.Натансон с 1872 по 1887 г. находился в ссылке. Среди сторонников народничества пользовался большим авторитетом и впоследствии вместе с В.М.Черновым стал одним из организаторов и вождей партии социалистов-революционеров.

Естественно, что взгляды М.А.Натансона сказались и на теоретических воззрениях, и на практической деятельности молодого революционера. Он-то и вовлек в 1893 г. В.М.Чернова вместе с его братом Владимиром и сестрой Надеждой в «Партию народного права». В следующем 1894 г. «потомственный дворянин, сын чиновника В.М.Чернов» Петербургским губернским жандармским управлением был «привлечен к дознанию» по делу о подпольной смоленской типографии «Партии народного права» и до апреля 1895 г. содержался под стражей в Петропавловской крепости. В тюрьме он усиленно штудировал труды И.Канта⁶, К.Маркса, П.Струве⁷ и окончательно пришел к выводу, что патриархальное народничество не имеет будущего, оно отстало от современности, но и марксизм не способен удовлетворить общество, ибо абсолютизирует экономический детерминизм, все человеческие отношения подменяет голыми экономическими интересами и отрицает человеческую индивидуальность, силу воздействия духовного начала на исторический процесс. Исходя из этого, В.М.Чернов признает экономическую теорию Маркса и в то же время отвергает вытекающие из нее перспективы экономического развития. В России неизбежно грядет замена мелкого производства крупным (это идет от Маркса), однако замена должна произойти мирным путем, с использованием общинных форм собственности и общины как главной ячейки производства... (это уже от классического народничества).

Из тюрьмы он в 1895 г. вышел уже законченным социалистом, и не просто социалистом, а социалистом-революционером. Освобожденный под залог в 1000 рублей и поручительство отца, В.М.Чернов выехал в Камышин, а затем, поставленный на три года под гласный надзор полиции без права проживать в столицах, столичных губерниях и университетских городах, выслан в Тамбов. Годы, проведенные в этом городе, сыграли очень большую роль в политической карьере и личной жизни Виктора Михайловича. Он работал в губернском земстве, сотрудничал в «Тамбовских губернских ведомостях» и «Саратовском дневнике». В Тамбове разворачивается его публицистическая деятельность. В статье «Философские изъяны экономи-

ческого материализма» он изложил свои философские и социологические взгляды на извечный спор марксистов и народников, свое видение перспектив революционного движения и модернизации общественного строя России. По собственному признанию, статья была изложением его «кредо» как философа, социолога, общественного и политического деятеля. Именно на этом пути выросла популярность В.М.Чернова.

В 1895 г. в «Орловском вестнике» была опубликована серия статей о капитализме, об «интеллигентском пролетариате», о Ф.Энгельсе. В следующем году в журнале «Новое слово», затем переименованном в «Начало», были напечатаны его «Письма из провинции», в которых речь шла о культурных начинаниях в провинции, об общине и аграрном вопросе. Можно считать, что именно в Тамбове В.М.Чернов приступил к разработке аграрной теории будущей партии эсеров, ставшей центром ее программы. Сам Виктор Михайлович писал об этом периоде в своей автобиографии, что его «основной точкой зрения... было революционно-политическое народничество, позитивизм в области философии, строгий марксизм в экономике. Воспитывался сначала на Добролюбове и Чернышевском, затем Михайловском, затем Марксе»⁸. Содержание его статей, опубликованных в ведущем народническом журнале «Русское богатство» и в «Вопросах философии и психологии», подтверждает, что, во-первых, их автор твердо встал на неонароднические позиции, и, во-вторых, дают представление о концепции, которая вскоре легла в основу подготовленной им программы будущей партии.

В Тамбове 25 января 1898 г. Виктор Михайлович женился на директрисе местной воскресной школы Анастасии Николаевне Слетовой, активной участнице народнических кружков, и сблизился с ее братом — Степаном Николаевичем Слетовым⁹, автором популярных пропагандистских брошюр «Как министр заботится о крестьянах», «О революционной работе в деревне», который впоследствии вместе с ним стал одним из основателей партии социалистов-революционеров, членом ее ЦК и Боевой организации, одним из первых историографов партии.

Народнические группы в Тамбовской губернии вызвали довольно интенсивную для того времени работу среди крестьян, учащейся молодежи, рабочих-железнодорожников; они создали так называемые «летучие библиотеки», пользовавшиеся успехом. «Очень интересно начинает житься в нашем богоспасаемом городке, — говорилось в одном из перлюстрированных полицией писем. — Дело в том, что там поселилась одна парочка — некая Слетова со своим мужем Черновым, — и взбаламутила эта парочка тамбовское стоячее болото, и пошли круги в семинарию и гимназию, в рабочий люд и т.д. Какие

теперь там завелись хорошие библиотеки, как много славных людей объявилось»¹⁰.

Наиболее же перспективным оказалось другое начинание В.М.Чернова. В селе Павлодар он создал первую революционную крестьянскую организацию «Братство для защиты народных прав». В его уставе было сказано, что оно намерено добиваться, чтобы земля перестала быть собственностью помещиков и других частных землевладельцев, а перешла бы в руки всего трудящегося крестьянского народа, потому что земля создана не руками и не трудами человеческими и, стало быть, не может «никакому отдельному человеку принадлежать, а должна быть достоянием всех, кто добывает себе пропитание земледельческим трудом»¹¹. Отмены частной собственности организация должна была добиваться «по возможности законными средствами», но в крайнем случае в борьбе крестьян за свои права допускались и насильственные. Чернов организовал съезд крестьянских представителей нескольких уездов, который одобрил «Письмо ко всему русскому крестьянству» с призывом объединиться в тайные «Братства для защиты народных прав»¹².

Фактически документы «Братства для защиты народных прав» — это первый вариант программы «социализации земли», которая стала основой решения аграрного вопроса и привлекла к эсерам симпатии крестьянства. Принципы, на которых строилось «Братство для защиты народных прав», впоследствии легли в основу первой всероссийской крестьянской организации — Крестьянского союза, — созданного эсерами накануне революции 1905 — 1907 гг. Кроме того, В.М.Чернов считал одной из главных задач создаваемых «Братств» подготовку крестьянского восстания, для которого следует накопить силы, не растрчивая их на отдельные вспышки¹³. «Взбаламученная» с помощью В.М.Чернова губерния стала цитаделью будущей партии социалистов-революционеров. Тамбовский губернский комитет эсеров энергично использовал тактику индивидуального террора, в Тамбове вышла на политическую арену будущий лидер партии левых эсеров знаменитая Мария Спиридонова¹⁴, в Тамбовской губернии эсер Антонов¹⁵ поднял один из наиболее крупных антибольшевистских мятежей, получивший название «антоновщины». Таким образом, семя, брошенное В.М.Черновым и Слетовыми, упало на благоприятную почву.

В мае 1899 г. В.М.Чернов вместе с женой выехал за границу в Швейцарию. Там он становится видной фигурой. «Чернов живет в Берне, ведет большую пропаганду среди молодежи и пользуется успехом, ему удалось в Берне образовать шесть кружков с.-р. среди учащихя, — доносил директору департамента полиции Л.А.Ратаеву его агент Е.Ф.Азеф. — Им поставлена типография-школа для желающих обучаться набору»¹⁶.

В Берн В.М.Чернов приехал окрыленный успехами своей деятельности в Тамбовской губернии и убежденный в правоте народников, считавших крестьянство главной революционной силой российского общества. «Я с самого начала стоял на крестьянской точке зрения... Я отстаивал важность, необходимость и возможность работы в крестьянстве, основываясь на опыте нашей Тамбовской группы. За границу я уехал именно с той целью, чтобы изданием соответственной литературы содействовать работе среди крестьянства», — так позже характеризовал он цель своей поездки в Швейцарию в показаниях комиссии по делу Е.Ф.Азефа¹⁷.

За границей в это время функционировали несколько народнических групп, среди которых выделялась «Группа старых народовольцев», сплотившаяся в 1891 г. вокруг П.Л.Лаврова. С ним В.М.Чернов встретился в Берне «Дочерней организацией» группы после смерти ее основателя стала образовавшаяся в феврале 1900 г. в Париже «Аграрно-социалистическая Лига», руководящее положение в которой занял В.М.Чернов. Она поставила своей целью «расширить русло общего революционного и, в частности, рабочего движения путем привлечения к нему трудовых масс деревни»¹⁸. Так было сказано в документе, издаваемом об учреждении «Лиги». Ее программа была изложена в написанной В.М.Черновым брошюре «Очередной вопрос революционного дела». «Мы глубоко убеждены, — писал автор, — что будущее России может принадлежать только такой партии, которая сумеет найти точку опоры не только в городе, но и в деревне, которая сумеет в своей программе гармонически слить воедино представительство и защиту интересов фабрично-заводского рабочего класса и массы трудового крестьянства. Без всякой опоры в крестьянстве и тем более против его воли никакая революционная партия не сможет нанести в России серьезного, решительного удара буржуазно-капиталистическому режиму, который у нас умеет мирно уживаться вместе с обломками дворянско-крепостной эпохи, под крылышком абсолютизма»¹⁹.

Фактически в брошюре, таким образом, впервые в русском революционном движении четко сформулирована мысль, что союз фабрично-заводских рабочих и крестьянства является необходимым условием победы революции. Исходя из этого, «Аграрно-социалистическая Лига» определяет свою задачу: «издание и распространение народной революционной литературы, одинаково пригодной как для крестьянства, так и для городских фабричных и промысловых рабочих»²⁰.

Действовавший на территории России «Северный союз социалистов-революционеров» в 1896 г. выпустил «Основные положения программы социалистов-революционеров», в которых

объявил о своей приверженности к программе «Народной воли» и что его авторы считают подготовительными мерами социального переворота пропаганду и агитацию, а решительными — террор и массовую революционную борьбу. В ноябре 1901 г. представители «Северного союза» за границей встретились с представителями «Южной партии социалистов-революционеров» и «Аграрно-социалистической Лиги».

«Южная партия социалистов-революционеров», в сферу деятельности которой входил и Тамбов, один из наиболее крупных и значительных осколков «Народной воли», образовалась в августе 1897 г. на съезде народнических групп в Воронеже и принадлежала к народническим группам, наиболее близко подошедшим к социал-демократам. В принятом ею на своем IV съезде летом 1900 г. «Манифесте партии социалистов-революционеров» указывалось, в частности, что главной силой революции может быть лишь «городской фабричный пролетариат крупных промышленных центров»²¹, поскольку массовое крестьянское движение в настоящее время невозможно.

На встрече было достигнуто соглашение о создании партии социалистов-революционеров, о чем «Революционная Россия», ставшая центральным органом новой партии, объявила в январе 1902 г. Важно отметить, что объединение произошло не на платформе «Южной партии социалистов-революционеров», а на платформе, предложенной «Северным союзом социалистов-революционеров», «Аграрно-социалистической Лигой» и объединившей наиболее рьяных сторонников террора «Рабочей партией политического освобождения России», которые провозглашали лозунг «назад к 70-м» и объявляли террор одним из главных тактических методов политической борьбы. Избранный в состав ЦК В.М.Чернов вместе с М.Р.Гоцем²² возглавил центральный орган партии. Он был и главным автором большинства из опубликованных в 77 номерах газеты статей по вопросам программы и тактики партии

В.М.Чернов не ограничивался публицистической деятельностью. В 1900 — 1902 гг. он объехал ряд европейских городов, где выступал перед студентами и эмигрантами, пропагандируя и защищая идеи партии в дискуссиях с В.И.Лениным, Ю.О.Мартовым, Г.В.Плехановым²³, Л.Д.Троцким²⁴, и небезуспешно. В Париже он читал лекции по аграрному вопросу в «Русской школе общественных наук». В Берне в руководимом им молодежном кружке разгораются острые споры между эсерами и марксистами. «Теперь у нас устроился огромный кружок под руководством Чернова, который хочет наше стадо сделать народниками, а марксисты, являясь на эти собрания, стараются спорами влиять на них в противоположную сторону, — писала М.М.Литвинову одна из участниц этих дискуссий. — ...Чем же

можно объяснять эту веру в народничество? — задает вопрос автор письма. — Я не думаю, что эти люди, умудренные опытом, оставались так глубоко убеждены в торжестве идеи, не имея прочного обоснования и фактов, доказывающих целесообразность взглядов; так кто же тогда прав?»²⁵

Вопрос поставлен вполне правомерно, поскольку народничество, о разгроме и исторической дискредитации которого уже в то время с уверенностью говорили социал-демократы, а потом повторяли вышедшие в советское время работы по истории большевистской партии и революционного движения в России, не только продолжало жить, но вновь набирало силы. Косвенно этот факт признал даже В.И. Ленин, заметивший, что развитие «несомненно революционного крестьянского движения» вызвало «оживление старчески-дряхлого народничества»²⁶. Сомнения выражает, по-видимому, сторонница социал-демократии, что усиливает интерес к письму. Ведь в лоно народничества, как известно, в это время вернулись и некоторые социал-демократы. Вероятно, его «оживление» связано прежде всего с тем, что требования неонародников соответствовали устремлениям больших социальных слоев, кроме того, нельзя сбрасывать со счетов сохранившееся среди интеллигенции, ее массовых отрядов особенно, отношение к народническим традициям.

Но если говорить о конкретной обстановке в российской политической эмиграции, то, наверно, тут немалую роль играла личная убежденность В.М.Чернова. Он стал особенно активно выступать после того, как вошел в редакцию «Революционной России», отмечал С.Н.Слетов, и в немалой степени благодаря «реферативной» кампании В.М.Чернова социаллисты-революционеры стали расти²⁷. Его знание крестьянской жизни, крестьянской психологии, аграрного вопроса, его эрудиция не могли не произвести впечатления на восприимчивую аудиторию. Тем более, что деятельность нового политического лидера разворачивалась, по выражению Александра Блока, в «век акций, рент и облигаций и малодейственных умов»²⁸. И именно в эти годы, в процессе разработки программы партии, ее тактических принципов Виктор Михайлович Чернов занимает место признанного главного идеолога и теоретика социалстов-революционеров, которое сохранил на все время существования партии эсеров.

Большинство статей этого периода посвящены аграрному вопросу и работе партии среди крестьян. В серии статей «Типы капиталистической и аграрной эволюции», опубликованной в журнале «Русское богатство», автор развивает идею о положительных и преобладающих для России отрицательных чертах капитализма в сельском хозяйстве. Далее в статьях «Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве»,

«Характер современного крестьянского движения», в «Программе революционной деятельности в деревне», принятой на I съезде «Аграрно-социалистической Лиги», и др. фактически разработана будущая аграрная программа партии. Впрочем, не только аграрная, но и общая программа эсеров. Именно в работах этого периода отразилось формирование взглядов В.М.Чернова и на классовую структуру общества, и на политику социалистов-революционеров, и на тактику борьбы с самодержавием.

Среди этого комплекса связанных между собой проблем В.М.Чернов все же бесспорно на первое место выдвигает аграрный вопрос, и делает это, с точки зрения его общей концепции революционного процесса, вполне обоснованно. Рассматривая перспективы его развития в аграрной России в манифесте Крестьянского союза «Ко всем работникам революционного социализма в России», одним из авторов которого он был, к рабочим и крестьянам, основным силам в борьбе с царизмом, В.М.Чернов добавляет еще и интеллигенцию. Заявляя о необходимости «присоединения крестьянского движения к прочим силам революции» и развертывании пропаганды среди пролетариата, крестьянства, в армии и передовых слоях образованного общества, он на риторический вопрос: что могут интеллигенция и пролетариат без крестьянства, а тем более вопреки крестьянству, и что могут интеллигенция и пролетариат вместе с крестьянством, в первом случае ответа не дает, а во втором лаконично отвечает: «все». Возвращаясь к лозунгу народников «Земля и воля», манифест предлагает «звать мужика Землей к Воле» и «вести через Волю к Земле»²⁹. Сказанное означает, что В.М.Чернов и другие авторы манифеста понимали, что для крестьянина главное — земля и ему еще надо доказывать, что ее он не сможет получить без воли.

Разрабатывая программу социализации земли, В.М.Чернов исходил из возможности развития сельского хозяйства по некапиталистическому пути. Он не отрицал, подобно народникам, развития капитализма в России и признавал, как уже отмечалось, экономическую теорию К.Маркса, однако дополнял ее своими рассуждениями о его позитивных и негативных сторонах, сочетание которых якобы определяет тип национального капитализма. «Капитализм как таковой, — считал В.М.Чернов, — никаких положительных сторон не имеет, они принадлежат сочетанию сил, крупному производству, кооперации». Капитализм способствует развитию кооперативных форм труда и производства в крупных общественных размерах, которые «объединяют в сплоченную социальную силу наемных рабочих». Отрицательными чертами капитализма являются кризисы, власть денег, анархия производства. «У нас, — писал

В.М.Чернов, — развит более чем где-либо особый, специальный вид капитализма, именно капиталистический паразитизм, т.е. эксплуатация капиталом непосредственных производителей без соответственной реорганизации из мелкого примитивного — в крупное, основанное на приложении новейшей технологии»³⁰. Российский капитализм, по мнению лидера новой партии, отличался наименее благоприятным соотношением между исторически-прогрессивными и хищническо-разрушительными тенденциями, что и было им внесено в программу эсеров.

В своей экономической концепции В.М.Чернов, что весьма важно, отдавал распределению предпочтение над производством. Социалистический строй с экономической точки зрения есть не что иное, как «колоссальная потребительская организация», в нем осуществляется целесообразное и сознательное подчинение производства организованному общественному потреблению. «Теория, динамика и статика потребления, — пишет он в «Основных вопросах пролетарского движения», — для нас есть особая, хотя и почти еще не написанная глава политической экономии».

В отличие от марксизма, доказывал В.М.Чернов, у нас «вопросы распределения и потребления не отодвинуты на задний план вопросами производства, но выдвинуты во всю меру своего удельного веса». Причем чем ближе мы будем подходить к социализму, тем больше вопросы потребления и распределения будут выдвигаться на первый план. В конце концов и торговля будет заменена «организованным доставлением продуктов потребления»³¹.

Именно с распределением, а не производством В.М.Чернов связывал и положение в обществе той или иной социальной группы, принадлежность к тому или иному классу. «По нашему мнению, — писал он, — разделение общества на классы стоит в непосредственной связи именно с отношением распределения, а потому и отличительный признак принадлежности к тому или другому классу берется прежде всего из этой сферы». Рассуждая о месте в обществе крестьянства, он не отрицает, что «земледелец формально пролетарием не был» и формально «оставался собственником своих средств производства, самостоятельным предпринимателем, хозяином». Однако при этом в российском обществе «трудовое крестьянство играет ту же социальную роль, что и пролетариат: создание того национального фонда неоплаченного труда, прибавочной стоимости, из которого черпают и за счет которого живут все эксплуатирующие, паразитические элементы общества»³².

Из этого исходили эсеровские лидеры и при определении социальной опоры своей партии. «Настоящая социалистическая партия, — утверждалось в программных эсеровских доку-

ментах, — должна объединять весь рабочий класс-народ: и трудовое крестьянство, и наемных рабочих (пролетариев), и тружеников-интеллигентов, учителей, фельдшеров, докторов, писателей, т.е. всех живущих трудом, а не безтрудовым доходом»³³. Тогда среди интеллигенции иногда иронизировали, что, дескать, членом партии эсеров вполне может быть и жандарм, поскольку живет на свою зарплату.

Что касается самой интеллигенции, то ее позицию В.М.Чернов оценивал, исходя из национального типа капитализма. Он утверждал, что степень ее тяготения к социализму прямо пропорциональна отрицательным сторонам капитализма. Для России характерно преобладание именно отрицательных сторон, следовательно, интеллигенция будет поддерживать социалистические устремления, и, таким образом, движущими силами будущей революции будут пролетариат, трудовое крестьянство и интеллигенция. Но поскольку в тройце, составляющей «рабочий класс», крестьяне были самой многочисленной категорией, они в этом триедином классе естественно выдвигались на первый план.

Примат распределения в работах В.М.Чернова и других теоретиков социалистов-революционеров сочетался с проповеданной народниками субъективной социологией. Поскольку человек, употребляя выражение В.М.Чернова, является «мерилом истины», постольку именно его эмоциональная природа, потребность, субъективное состояние духа и определяют истину, в то время как «экономические данные лишь ограничивают проявление потенций, заложенных в человеческой природе». Поэтому партия должна отойти от этого критерия, и объектом ее воздействия должен быть «не богат и не бедняк, не буржуа и не пролетарий, не помещик и не крестьянин, не интеллигент и не дикарь, — писал один из близких к В.М.Чернову эсеровских идеологов, — а каждый из них постольку, поскольку он есть человеческая личность, способная к непрерывному, всестороннему развитию»³⁴.

Мотив приоритета потребления явно прослеживается и в теоретических основах программы партии эсеров, подготовленной ее главным теоретиком. «Социальный прогресс человечества, выражающийся в борьбе за установление общественной солидарности и за всестороннее гармоническое развитие человеческой личности, — утверждалось в ней, — предполагает не только развитие безличных классовых антагонизмов, но и вмешательство сознательных борцов за истину и справедливость. Его необходимым условием является рост власти человека над естественными силами природы в соответствии с ростом населения и его потребностей. Но в современном буржуазном обществе рост этот совершается не на началах планомерно организо-

ванного общественного хозяйства, а на началах разрозненности и конкуренции индивидуальных хозяйств, частной собственности на средства производства, превращения их в капитал и отлучения от них непосредственных производителей»³⁵. Из процитированного постулата В.М.Чернов делал вывод, что основная экономическая проблема состоит в увеличении производительности труда вообще, «чтобы она не отставала от роста населения, а шла впереди его и, таким образом, позволяла дальнейшее качественное развитие, прогресс потребностей»³⁶.

Но, относя крестьян к рабочему классу, В.М.Чернов в то же время считал, что те и другие, будучи сторонниками социализма, тем не менее придут к нему разными путями. Исходил он при этом из теории относительной устойчивости крестьянского хозяйства. «Законы развития сельского хозяйства, — заявляли ее авторы, — совершенно иные, чем в индустриальной (фабрично-заводской) промышленности. Если в индустрии концентрация капитала не только факт, но при условии частной собственности на капитал — закон, если здесь мелкие хозяйства, не выдерживая конкуренции крупных предприятий, поглощаются последними, то в сельском хозяйстве наряду с мелкими погибают и крупные хозяйства, а за счет обоих растет среднее трудовое крестьянское хозяйство»³⁷. В.М.Чернов, опираясь на эту теорию, поставил, что называется, все точки над *i*: «В конце концов речь идет о двух совершенно различных типах аграрной эволюции. Один — капиталистический тип, имеющий своей вершиной частную монополию... Другой тип — некапиталистический, с развитием сельскохозяйственной кооперации и прогрессивной эволюции сельской общины в качестве этапов пути, ведущих к тому же самому конечному результату»³⁸. И если говорить о России, то в ней сельское хозяйство, через использование общины, может и должно пойти по некапиталистическому пути.

В литературе, в связи с критикой народнических взглядов, сложилось впечатление, что В.М.Чернов и другие теоретики неонародничества идеализировали крестьянскую общину. Однако это не дает полного отражения отношения к ней. Неонародники действительно считали общину ячейкой будущего социализма, а крестьянина — стихийным социалистом, но вместе с тем категорически отвергали обвинения критиков в поддержке, консервации отживших форм отношений в деревне, заявляя, что в посткрепостнических условиях община уже не статична, а динамична, и важны не общинные формы сами по себе, а начала уравнительности, на которых она строится и которые следует распространить на всю страну. «Не мертвые общинные формы и не переживший их "традиционный" дух общины нам важны, — писал В.М.Чернов, — а "аграрно-социалистическое

сознание", выработанное крестьянами в динамической общине, сознание "права каждого на землю"»³⁹. На этом В.М.Чернов и его соратники и построили знаменитую программу «социализации земли», которая обеспечила эсерам поддержку крестьянства, а впоследствии была В.И.Лениным включена в принятый II Всероссийским съездом Советов декрет «О земле».

Личное крестьянское хозяйство, утверждали теоретики неонародничества, потому и устойчивее крупного, что идет к коллективизму через общину и кооперацию, но победить эта тенденция развития может лишь при условии полной ликвидации помещичьего землевладения, перехода земли в общенародное достояние и ее уравнительного распределения среди тех, кто ее обрабатывает. В проекте программы партии (1904 г.) говорилось, что эсеры стоят «за социализацию всех частновладельческих земель, то есть за изъятие их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и распоряжение демократических общин на началах уравнительного землепользования»⁴⁰. Его автор В.М.Чернов признавал, что саму идею социализации, как и развития крестьянской кооперации, он во многом заимствовал из программ западной социал-демократии, соединив ее с историческими условиями, сложившимися в России, и его отношение к ней, в отличие от того, как ранее изображалось, было не апологетическим и не однозначным.

«Социализация земли еще не уничтожает всякую эксплуатацию в деревне, потому что крестьянство эксплуатирует не один лишь капитал, вложенный в землю, но и другие виды капитала»⁴¹, — писал он. Выступая на I съезде эсеров, В.М.Чернов подчеркивал, что и «при ней в деревне до рая будет далеко, и эксплуатация там не уничтожается окончательно; капитал всегда сумеет найти дорогу в деревне и взять там свое». Однако она создает фундамент для борьбы за решение социальных задач в деревне, для «обобществления крестьянского труда, кооперативного и общинного хозяйства». Разницу между социализацией и национализацией он видел в том, что в первом случае право распоряжения землей и земельной рентой принадлежит крестьянской общине, союзам общин, кооперациям, а во втором — государству. Социализация земли гармонически сочетает интересы государства и права личности, поскольку сплачивает трудовое земледельческое население в один «уравнительный, сообща поднимающий благосостояние всех тружеников-земледельцев рабочий класс, рабочий народ деревни»⁴². Она рассчитана на некапиталистическую эволюцию, на прямой рост общественных форм собственности, на постепенную социализацию трудового хозяйства, в то же время не загоняя его в «избитую колею "государственного социализма"».

Преимущества социализации лидер эсеров видел и в том, что она может быть осуществлена без изменения существующего капиталистического строя, реформистским путем, через изъятие земли из товарного оборота. Социализация земли сама по себе не означает перехода к социалистическому строю, не меняет существующего порядка, но как ячейка социализма, введенная в существующий строй, она в его пределах создает силу, его разрушающую. Она ослабляет и роль государства, поскольку связана с децентрализацией. «Круг ведения муниципалитета, коммуны городской или сельской в области национального труда и национального потребления на новых началах становится весьма ограниченным». Вместе с тем, автор программы видел и определенные противоречия между конечной целью и методами ее достижения. С точки зрения буржуазии, желательнее уничтожение не только помещичьего, но и общинного землевладения, поскольку его сохранение препятствует расширению «крепких» хозяйств зажиточных мужичков за счет разоряющихся «трудовых крестьянских хозяйств». «Право распоряжаться свободно своим участком земли, облегчение процесса мобилизации земель, их купли-продажи — один из боевых лозунгов буржуазного лагеря», — констатировалось в эсеровских документах⁴³.

В представлениях основной массы крестьян земля была «божья», и эсеры считали своей задачей не допустить замены сложившегося представления частнособственнической психологией, которая неприемлема для социалистов и с которой им потом придется бороться. «Частная крестьянская собственность, — констатировал В.М.Чернов, — вообще чрезвычайно живуча», и стимулировать эту «живучесть» значит дать ей «лишние шансы» не только в борьбе против крепостничества и капитализма, но и против социализма⁴⁴. Для того, чтобы этого не произошло, партия должна сделать все необходимое с целью воспрепятствовать укреплению частнособственнической психологии и, увеличивая крестьянское землепользование, решать эту проблему на основе не личной, а социализированной собственности. Эсеры полагали, что после свержения самодержавия и установления республики власть вначале перейдет к «либерально-демократической оппозиции», к которой они отнесли «Союз освобождения» (ядро будущей главной партии российской буржуазии — кадетов), т.е. к либеральной буржуазии, отнюдь не разделявшей их проектов решения аграрного вопроса. В этих условиях у идеологов социализации, в их рассуждениях, просматривается не лишнее оснований беспокойство: не усилит ли она в той или иной степени частнособственническую психологию среди крестьян?

Фактически В.М.Чернов старался найти такое решение, которое удовлетворило бы крестьянство и вместе с тем не вело бы к укреплению частной собственности на землю, что может помешать установлению социалистического строя. В итоге поисков в программе партии, принятой ее первым съездом в январе 1906 г., появилась формулировка, в которой было сказано, что в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, опираясь на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, в особенности на распространенное среди него убеждение, что земля ничья и что право на пользование ею дает лишь труд, партия будет стоять за социализацию земли, т.е. за изъятие земли из товарного оборота и обращение из частной собственности в общенародное достояние. «Все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями (расселение и переселение, заведование земельным фондом и т.п.), пользование должно быть уравнилельно-трудовым, т.е. обеспечивать потребительскую норму на основе приложения собственного труда, единолично или в товариществе, рента путем специального обложения должна быть обращена на общественные нужды, пользование землями, имеющими не узкоместное значение (обширные леса, рыбные ловли и т.д.), регулируется соответственно более широкими органами самоуправления; недра земли остаются за государством, земля обращается в общенародное достояние без выкупа, за пострадавшими от этого имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям личного существования»⁴⁵.

Создание программы социализации земли безусловно было крупным достижением В.М.Чернова. Конечно, ряд положений программы были вряд ли осуществимы и выглядели утопичными. Например, крайне сложно было обеспечить уравнилельность в целом по России. В одних губерниях было обширное помещичье землевладение, и распределение помещичьей земли после ее отчуждения могло значительно увеличить крестьянское землепользование, а в других ее было мало, и поэтому, будучи переданной крестьянам, она не могла обеспечить потребительскую норму. Следовательно, выравнивания можно было достичь лишь путем перемещения большей массы крестьянских хозяйств из малоземельных губерний в многоземельные. Во-вторых, семьи многорабочие получили преимущество перед семьями, в которых было мало рабочих рук. В то же время потребление не находилось в прямой пропорциональной зависимости от

полученной по трудовой норме земли, и поэтому в таких хозяйствах увеличивалось количество товарной продукции, и уже в этом было заложено зерно взрыва уравнительности.

Социализация земли, вопреки надеждам эсеров, не могла воспрепятствовать развитию в сельском хозяйстве буржуазных отношений. Однако она очень четко отражала стремления крестьянства, соответствовала его представлениям о наиболее справедливом решении аграрного вопроса. В ней подчеркнуто, что земля передается крестьянам без выкупа. Крестьянство уже знало по опыту, что такое выкупные платежи, оно никоим образом выкупа не принимало, поэтому партии, предлагавшие выкуп помещичьих земель хотя бы по «справедливой оценке» и «за умеренное вознаграждение», в первую очередь кадеты, рассматривались ими как враги крестьян. Крестьянство испытывало земельный голод. «Земля наша малая, куренка и того выпустить некуда», — так говорит крестьянин в «Плодах просвещения» Л.Н.Толстого. Естественно, что при таком малоземельи его никоим образом не могло удовлетворить и требование возвращения отрезков, т.е. общинных земель, «отрезанных» в пользу помещика при размежевании помещичьих и крестьянских наделных земель при проведении реформы 1861 г., с которым выступили социал-демократы.

В представлении крестьян частная собственность на землю означала собственность помещичью, в устранении которой были заинтересованы все социальные слои деревни: и бедняки, и зажиточные хозяйства. Она мешала всем. Созданная В.М.Черновым программа решала коренную задачу: полную ликвидацию помещичьего землевладения, наделение крестьян землей в количестве, достаточном для обеспечения нормального существования семьи. При этом фактически социализация земли запрещала применение в сельском хозяйстве наемного труда. Но поскольку в большинстве мелких хозяйств наемный труд не применялся или использовался в весьма ограниченных размерах, их вполне устраивал трудовой принцип распределения земли. Крестьяне, не без оснований, опасались спекуляции землей, ее скупки, и это также было учтено в программе — земля изымалась из товарного оборота (другое дело, насколько реально это можно было сделать в рамках буржуазного строя) и не могла быть предметом купли-продажи.

Следует иметь в виду, что крестьянство враждебно относилось к царской администрации (пожалуй, к ней было больше претензий, чем к царю), а программа предполагала освободить его от государственной опеки, в том числе и будущего государства, поскольку распоряжение земельной собственностью предполагалось децентрализовать. Подводя итог, можно обоснованно констатировать направленность аграрной программы эсеров

не только против помещичьего землевладения, но и против сословного строя в целом, ее антисамодержавный характер. Она была наиболее близкой для крестьян и в наибольшей степени обеспечила партии социалистов-революционеров их поддержку и популярность в демократических слоях общества. В остальном программа партии эсеров мало чем отличалась от программ других демократических партий.

В политической области выдвигались требования замены монархии республикой, «полной демократизации всего государственного и юридического строя на началах свободы и равноправности». В социально-экономической области предлагалось ввести рабочее законодательство: сокращение рабочего дня, установление минимума заработной платы, государственное страхование, законодательную охрану труда, ограничение женского и детского труда, прогрессивный налог на доходы и наследство, отменить косвенные налоги. Программа признавала, что преобразования общества будут идти под руководством несоциалистических сил, т.е. революция будет по своему характеру буржуазной и власть перейдет в руки буржуазных элементов, а партия эсеров будет в качестве парламентской оппозиции оказывать «влияние на изменение общественного строя и ход законодательства». Эсеровские идеологи полагали, что будущая революция может быть «политической», если к власти придет буржуазия, и «социальной», когда зайдет за ее границы. Социальная революция — это революция уже не буржуазная, но еще не социалистическая, она направлена и против помещиков, и против капитализма. В первую очередь, за «рамки капитализма» выходила как раз социализация земли, которая, по их утверждению, в условиях буржуазного строя препятствовала капиталистическому развитию деревни.

В.М.Чернов видел два пути решения аграрного вопроса: или самовольный захват крестьянами помещичьей земли, или передача земли крестьянам на основе решения Учредительного собрания. Второй вариант он считал более предпочтительным, хотя не исключал и первого, при котором Учредительному собранию остается лишь конституционно закрепить переход помещичьей земли к крестьянам. Вред самовольных «захватов», так называемого «аграрного террора» В.М.Чернов видел, в первую очередь, в том, что они могут усилить стремление крестьян укрепить частную собственность на землю и тем самым затруднить введение уравнильного землепользования. Поэтому он отдавал предпочтение варианту, по которому крестьяне спокойно ждали бы решения Учредительного собрания. И он, конечно, в известной мере был прав, ибо вряд ли крестьянин легко откажется от собственности на отобранную им у помещиков землю.

Глава II. ТЕРРОР...

Центристская позиция, которую стремился занять и укрепить В.М.Чернов, уже при образовании партии находилась в явном противоречии с его тактическими установками, которые предполагали широкое использование, выражаясь современным языком, экстремистских методов. Будучи последователем народовольцев и «крестником» М.А.Натансона, он воспринял от них тактику индивидуального террора, которую защищал и отстаивал при обсуждении вопросов тактики партии. Такое соединение, с одной стороны, утверждения, что «социализация земли», изъятие ее из товарного оборота, может быть осуществлена в рамках существующего строя, что она вместе с прогрессивным налогом на наследство и некоторыми другими мерами является вводимыми в него «ячейками социализма», а с другой — призывов изменить этот строй через цепь террористических актов и дало право современникам назвать созданную им программу партии «революционным авантюризмом». Но сказанное не означает, что на этом основании Чернова следует отнести к разряду авантюристов. Речь можно вести лишь о программе, в которой сочетались не совместимые, по мнению критиков, требования. Даже авторы определения подчеркивали, что не следует смешивать авантюризм в обычном понимании слова с авантюризмом революционным.

Пропаганду террора начала с первых номеров редактируемая В.М.Черновым «Революционная Россия», во втором номере которой, вышедшем в мае 1901 г., был опубликован призыв к его развертыванию. Правда, уже с первых публикаций, а газета вообще террору посвятила немало статей, выявилось неоднозначное отношение к нему в складывающейся партии социалистов-революционеров. В программной статье «Террористический элемент в нашей программе» подчеркивалось: «Мы первые будем протестовать против всякого одностороннего использования терроризма. Отнюдь не заменить, а лишь дополнить и усилить хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда». Постоянным и основным делом партии газета объявляла «революционизирование масс», а террор — одним из технических средств, которые партия использует, «исполняя тяжелый долг, вытекающий из трижды тяжелых условий современной русской жизни»¹. Автором статьи, по собственному признанию, был В.М.Чернов. «Террористический элемент в

нашей программе" написал я, потом дорабатывал с Г.Гершуни»². Тем не менее, вслед за этим в другом номере та же «Революционная Россия» все, что не относится к террору, определила в разряд «мелочей» и призвала: «У кого больше сил, больше возможностей и решимости — тот пусть не успокаивается на легкой работе, пусть ищет и отдается крупному делу — пропаганде террора в массах... подготовке слож-ных террористических предприятий»³.

Вторая точка зрения была преобладающей. Ее придерживался и В.М.Чернов, который впоследствии, во время одной из дискуссий о терроре, признался, что статья «Террористический элемент в нашей программе» была опубликована с вполне определенной целью: «предотвратить распад еще слабых партийных элементов, часть которых не признавала индивидуальный террор как метод, форму политической борьбы»⁴. Редактор центрального органа в данном случае имел в виду прежде всего либеральных народников, группировавшихся вокруг журнала «Русское богатство». Тем не менее, сказанное не помешало Виктору Михайловичу впоследствии осудить «наличность некоторой этаким психологической чуждости, психологической розни, с одной стороны, между большинством членов БО, а с другой стороны, между большинством общепартийных работников, в частности руководящих работников. Рознь эта сводилась к тому, что у некоторых членов БО была заметна далеко не равномерная, так сказать, расценка различных родов революционной работы. Им представлялось, что всякие другие виды работы являются как бы видами работы второстепенной ценности, второстепенной и в смысле политическом, и в смысле, так сказать, моральном»⁵.

Это слова человека, который, сам непосредственно не участвуя в террористической деятельности, стоял у истоков названной «Боевой организации (БО)». Ее как раз во время переговоров об объединении с «Аграрно-социалистической Лигой» во главе с В.М.Черновым в 1901 г. начал формировать возглавлявший «Рабочую партию политического обновления России» Г.Гершуни, инициатива которого вполне совпадала с позицией В.М.Чернова. «Что касается террора, то я всегда относился к нему положительно», — говорил он следственной комиссии по делу Азефа, но считал, что успешным он будет, «когда фактически образуется отряд, который будет вести террористическую борьбу»⁶. В седьмом номере «Революционной России» было объявлено об образовании Боевой организации (фактически она была создана раньше, но лишь после нескольких удачных террористических актов официально признана Центральным Комитетом партии эсеров) и опубликованы ее Устав и соглашение с ЦК. «Согласно решению партии

из нее выделилась специальная боевая организация, принимающая на себя — на началах строгой конспирации и разделения труда — исключительно деятельность дезорганизационную и террористическую. Эта боевая организация получает от партии, через посредничество ее центра, общую директиву относительно выбора времени для начала и приостановки военных действий и относительно круга лиц, против которых эти действия направляются. Во всем остальном она наделена самыми широкими полномочиями и полной самостоятельностью. Она связана с партией только через посредничество центра и совершенно отделена от местных комитетов. Она имеет вполне обособленную организацию, особый личный состав (условиями самой работы, конечно, крайне немногочисленный), отдельную кассу, отдельные источники средств»⁷.

Первым руководителем Боевой организации стал Г.А.Гершуни, которого затем сменили сначала Е.Ф.Азеф, а после него — Б.В.Савинков⁷. Все трое находились в близких отношениях с В.М.Черновым, принимавшим участие во всех неоднократно возникавших в партии дискуссиях о судьбах террористической тактики и в партийных расследованиях, связанных с деятельностью Боевой организации. Но и здесь он был верен себе и часто стремился избежать однозначного, категоричного решения и отношения его с руководством Боевой организации развивались не гладко.

Большая дискуссия по вопросу о центральном терроре возникла на I съезде партии социалистов-революционеров. Причем проблема возникла в непосредственной связи с другой — какой партией станут социалисты-революционеры — легальной или нелегальной. Часть будущих членов вновь создаваемой партии, в основном из числа бывших легальных народников, высказалась за отказ от нелегальных форм деятельности, т.е. в первую очередь от террора, и превращение партии в возможно более широкую партию парламентского типа. Другая часть настаивала на сохранении партии как нелегальной и продолжении террора. Наконец, третьи предлагали компромисс: пусть партия состоит из двух частей — широкой легальной и узкой нелегальной, тогда, дескать, можно будет сохранить и террор.

На съезде с большой речью по вопросу об отношении к террору выступил В.М.Чернов. «Понимание необходимости при первой же возможности организовать открытую партию у нас есть, но оно дополняется еще другим пониманием — необходимости упорного расчищения пути суровой борьбой, натиском организованных конспиративно-боевых сил. Мы работаем для будущей открытой организации даже тогда, когда по внешности пользуемся противоположным методом — уходим в подполье, кропотливо во тьме кроем оружие и втайне готовим удары

по врагу, — говорил он. — Но, может быть, настало время проститься с нелегальной, главной частью работы? Ничего подобного, напротив: организации, выступившие открыто и легально, как, например, крестьянский всероссийский союз, железнодорожный союз и т.д., теперь загоняются в подполье. Я ставлю товарищам первый вопрос: считаем ли мы возможным обойтись дальше без террора? Если это очевидно невозможно, то возможна ли организация такой партии, в программе которой стоит террор? А если это невозможно, то что же возможно? Здесь-то и выступает следующее предложение товарищей: параллельно открытой партии почему бы не быть партии конспиративной, сохраняющей прежние приемы борьбы? Удвоим себя, будем существовать в двух лицах. Затруднение по-видимому устранено, но только по-видимому. На его место встает новое затруднение: каждая партия должна иметь определенную тактику, на каждый вопрос партия должна отвечать открыто. Как же стали бы отвечать обе партии на самые больные, самые острые вопросы? Если они будут отвечать одинаково, то, следовательно, это будет одна партия, и двойное существование ее никого не обманет. Если будут отвечать различно или если одна будет на известные вопросы отвечать, а другая умалчивать, то дело неизбежно кончится их расхождением... неизбежно возникнут трения и борьба. Да разве мыслимо быть рядом в двух партиях?»⁸

Съезд не принял окончательного решения, и уже после поражения декабрьского вооруженного восстания вопрос о терроре обсуждался на заседании избранного съездом Центрального Комитета. На этом обсуждении В.М.Чернов высказался против продолжения террористических актов, считая их недопустимыми после Манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего населению основы гражданских свобод и обещавшего созвать законодательную Государственную думу. «Мы говорим, что рабочий класс должен быть верховным законодателем, — возражал В.М.Чернов сторонникам разделения партии на две части, — но путь к такой организации, которая осуществит "прямое народное законодательство", лежит через Кавдинское ущелье, и через это ущелье необходимо идти сомкнутым строем, тесными группами, в нем не пройдешь широко развернутым строем»⁹. В своем обширном выступлении он подчеркивал, что правительству верить нельзя и единственной гарантией завоеванных прав является реальная сила революции — сила организованных масс и сила террора. Из сказанного он делал вывод: террор надо остановить, но Боевую организацию ни в коем случае распускать нельзя, ее следует держать «под ружьем», поскольку она, в случае наступления контрреволюции, обязана выступить с народом и на

защиту народа. Свою позицию В.М.Чернов подтвердил позже и на II Чрезвычайном съезде партии в связи с обсуждением вопроса о Думе. На съезде речь шла, в частности, о согласовании террористической деятельности с общей тактикой социалистов-революционеров. В.М.Чернов обосновал поддержание от террора во время I Думы и предложил придерживаться этой же тактики и во время II Думы. Съезд поддержал лидера, внесенная им резолюция была принята единогласно.

Сохранение центрального террора выдвигалось, таким образом, в качестве одного из аргументов, подтверждающих невозможность разделения партии на две части. Фактически Виктор Михайлович предложил некое компромиссное решение: прекратить террористическую деятельность, не отказываясь от террора и не распуская Боевую организацию. С такой постановкой вопроса был категорически не согласен Б.В.Савинков, выступавший за продолжение террора, утверждая, что бездействующую Боевую организацию сохранить нельзя, она безусловно придет в упадок, утратит необходимые для ее функционирования качества. Позиция заместителя руководителя Боевой организации очень напоминала известное и обоснованное замечание А.П.Чехова, что, если на стене повешено ружье, оно непременно должно выстрелить. Однако большинство участников обсуждения поддержали предложение В.М.Чернова. Но точку поставило не оно, а заявление тогдашнего руководителя Боевой организации Е.Ф.Азефа: «Держать под ружьем невозможно. Это слова. Я беру на свою ответственность: Боевая организация распущена»¹⁰.

Позиция В.М.Чернова не помогла сохранению единства партии, и в этом отношении компромисс не удался. Лидеры группы «Русского богатства» А.В.Пешехонов, Н.Ф.Анненский, В.А.Мякотин¹¹ и их последователи вскоре вышли из партии эсеров и образовали свою партию — народных социалистов (энесов) более правого направления, и одной из причин раскола стало нежелание большинства эсеров отказаться от террора и ограничиться легальной, парламентской деятельностью.

В сентябре 1906 г. на Иматре, в Финляндии состоялось заседание ЦК, на котором рассматривался вопрос об организации покушения на премьер-министра П.А.Столыпина¹². Руководители Боевой организации поставили на нем вопрос о доверии к ней в связи с рядом неудач и с тем, что в партии раздавались голоса, осуждавшие ее приемы борьбы. Азеф заявил Савинкову, что недовольство Боевой организацией в партии достигло крайнего предела и обвинил в этом Чернова, ведущего, по его словам, за кулисами активную агитацию против нее, с чем Савинков согласился. ЦК не только официально под-

твердил свое доверие, он закрыл глаза на некорректное поведение Чернова и с целью успокоения Боевой организации копировал в свой состав Савинкова. Но этим дело не ограничилось. Б.В.Савинков и Е.Ф.Азеф заявили, что в связи с недостаточностью средств они не могут взять на себя ответственность за успех покушения и просят снять с них соответствующие полномочия. Однако ЦК, и в том числе В.М.Чернов, отставки не принял и обязал их продолжить подготовку террористического акта против П.А.Столыпина. Впоследствии Савинков говорил, что оказался жертвой интриг Азефа, но тем не менее, трещина, появившаяся в отношениях главного террориста и главного идеолога партии, чем дальше тем больше расширялась. Выступая через несколько дней с докладом, Б.В.Савинков сказал, что Боевая организация лишена инициативы, лишена подвижности, старые методы раскрыты полицией и не могут дать результатов, а новых пока нет, и взял на себя и Азефа вину за рутину в боевой работе. Радикальное решение, по мнению Б.В.Савинкова, заключалось в технических усовершенствованиях и изменении структуры Боевой организации.

Предложения «террориста № 1» были отклонены при участии В.М.Чернова. Это симптоматично, ибо через некоторое время его точка зрения изменилась. Азеф и Савинков после этого заявили, что не могут взять на себя руководство Боевой организацией, и были оба освобождены ЦК, возложившим руководство ею на члена ЦК С.Н.Слетова и члена Поволжского областного комитета Гроздова. Но далеко не вся организация приняла их руководство и после ухода прежних руководителей распалась на три группы.

Характерным для В.М.Чернова, его отношения к террору является поведение в трагическом для партии эсеров деле «великого провокатора» Е.Ф.Азефа. При активном участии Е.Ф.Азефа был организован ряд успешных террористических актов, в частности убийство министра внутренних дел В.К.Плева¹³ и московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича¹⁴. Одновременно, будучи с 1892 г. агентом царской полиции, он выдал ей подпольную типографию эсеров в Томске, дважды — состав Боевой организации эсеров, предотвратил ряд покушений. В партии Азеф пользовался безграничным доверием. Так, после разгрома томской типографии и последовавших арестов руководство партии, решив издать третий номер «Революционной России» за границей, именно на него возложило осуществление своего решения. «Азефу, — писал казначей партии А.А.Аргунов, — мы поручили все, как умирающий на смертном одре. Мы ему рассказали все наши пароли, все без исключения связи (литературные и организационные), всех людей, все фамилии и адре-

са и отрекомендовали его заочно своим близким. За границей он должен был явиться от нас, как представитель союза (Северного союза социалистов-революционеров. — *К.Г.*) с полной доверенностью от нас»¹⁵.

Азеф знал, что полиция и охранка интересуются В.М.Черновым и высоко оценивают его роль в партии эсеров. Он писал в одном из своих донесений в сентябре 1904 г.: «Вы уверены, что Чернов и его супруга знают все. Допустим, хотя я и не уверен в этом — но ведь все, что знает Чернов, не передаст же он мне. Я могу только стараться в разговорах и расспросах наводить его на то, чтобы он говорил как можно больше по интересующему нас вопросу, но надо это делать осторожно, и потом, результат всякой встречи и всякого разговора не от меня только зависят. Относительно покушений никогда нельзя узнать деталей, которые известны только тем, кто занимался этим, да и то не всем... Теперь перехожу к конкретному. От Чернова... я узнал только, что теперь стоит государь на очереди»¹⁶. Следует заметить, что Азеф не очень искренен и, возможно, набивает себе цену. Ведь он был заместителем руководителя Боевой организации, а затем, после ареста Г.Гершуни, по его рекомендации стал ее руководителем. Азеф вместе с Н.П.Ракитниковым, А.А.Аргуновым, М.А.Натансоном и В.М.Черновым был избран в первый ЦК партии, который состоял всего из пяти членов.

Полиция охотилась за Черновым, но не всегда удачно. Его соратник А.А.Аргунов в своих воспоминаниях рассказал о таком случае. Сильный отряд полиции и конной жандармерии окружил здание, где размещалась редакция «Мысли» и где нелегально собирался ЦК эсеров. Предупрежденные осведомителем, они намеревались арестовать сразу весь, или почти весь, Центральный Комитет. Когда «был опознан Чернов (Владимир), то на лице Статковского (полицейский чиновник, руководивший операцией. — *К.Г.*) появилась счастливая улыбка (поймали Виктора Чернова), и он буквально не отходил от арестованного, следуя за ним из комнаты в комнату. Переписанных отправили с городовым в тюрьму. На улице собралась огромная толпа, преимущественно из наших рабочих-наборщиков. Арестованных стали отбивать. Первые двое увезенных были отбиты, но не сумели воспользоваться свободой. Толпа расправлялась перед окнами с пойманным шпионом. Его били нещадно». Далее события развивались следующим образом. Пока шел обыск, приехал редактор издательства, депутат Государственной думы Соломко и заявил о неприкосновенности его кабинета, как члена Думы. Статковский заколебался, но затем распорядился обыскать кабинет и забрать собравшихся в нем. Однако присутствовавшие обратились к городовым и за-

явили, что они понесут ответственность, если подчинятся противозаконным распоряжениям Статковского, нарушив установленную Его Величеством неприкосновенность жилища депутатов Государственной думы. Часть городских ушла. Статковский стал звонить начальству, а находившиеся в кабинете заперли дверь и забаррикадировались. Окно из кабинета выходило на Екатерининский канал и было не очень высоко над землей. В то время как отряд конных жандармов был занят тем, чтобы оттеснить толпу на соседнюю улицу, Чернов вылез в окно и скрылся, сочувственно принятый толпой. Вслед за ним выпрыгнул Аргунов. Но «операция» была замечена, и третьему участнику выпрыгнуть уже не удалось. Забаррикадированная дверь была взломана, неприкосновенность жилища депутата была нарушена¹⁷. Эта акция совершилась, видимо, не случайно, буквально накануне опубликования царского манифеста о роспуске Думы.

Члены ЦК эсеров выехали в Финляндию и долгое время находились там, пока в марте 1907 г. не вернулись в Петербург и до мая совершали своего рода инспекционные поездки на места. И на этот раз Чернов стал объектом слежки, видимо, по распоряжению Азефа. На второй день его отъезда из Петербурга из редакции журнала «Русское богатство» поступило сообщение, что полиция знает о поездке, куда и когда поехал Чернов, и что его скорее всего «возьмут». Чернову была отправлена телеграмма и даже послан специальный гонец, чтобы предупредить об опасности. По возвращении Чернов сказал, что никакой слежки за собой не заметил, однако впоследствии на допросе одного из членов Петербургского комитета эсеров охранник, чтобы показать осведомленность полиции, заявил ему, что, дескать, полиции было известно о пребывании Чернова в Баку, но «мы не трогали его, ибо считали в данный момент нецелесообразным арестовывать крупного писателя-теоретика»¹⁸.

Сигналы о том, что в руководстве партии есть провокатор, начали поступать еще в 1900 г., однако Азеф назван не был, а поскольку был выявлен провокатор Татаров¹⁹, то все сочли, что речь шла именно о нем. Перед этим вопрос о том, кто является провокатором, обсуждался руководителем московских эсеров О.С.Минором²⁰, Б.В.Савинковым, видным деятелем партии, сторонником террора Н.С.Тютчевым²¹ и В.М.Черновым. «Встал Чернов, — пишет в своих воспоминаниях Б.В.Савинков. — Он долго и горячо говорил, рассказывая, что, по его мнению, подозрителен N, человек самостоятельных и оппозиционных центральному комитету взглядов, но хорошо всем известный и несомненно стоявший выше всяких подозрений. Когда Чернов кончил свою речь, все рассмеялись, и он рассмеялся первый. До того были обвинения N не похожи на

правду»²². Видимо, в таких случаях большую роль играла эмоциональность Виктора Михайловича.

Он вел и допрос Татарова перед тем, как по решению ЦК он был убит. Но отношение Чернова к Азефу поколеблено не было, как и многие другие, он относился к нему с безграничным доверием и даже восхищением. Когда однажды при подготовке покушения Б.В.Савинков посетовал на вмешательство Азефа, он получил от В.М.Чернова резкую отповедь. Позже, когда на Азефа пали уже обоснованные подозрения, отношение к нему Чернова, как и многих других лидеров, не изменилось. Он не верил в обвинения и всячески защищал Азефа, который был разоблачен В.Л.Бурцевым²³.

В.Л.Бурцев не был эсером и в политике хотел занять позицию, как бы примиряющую их с социал-демократами. В частности, он пытался организовать издание, в котором можно было бы выступить с программой: «Ни Ленин, ни Чернов, ни реакция». Сопоставление фамилий, кстати, для того времени характерное. В.Л.Бурцев считал себя, и не без оснований, специалистом по выявлению провокаций.

Разоблачение опиралось, главным образом, на сведения, сообщенные бывшим сотрудником полиции Бакаем²⁴. Когда о связи Бакай с Бурцевым стало известно департаменту полиции, Бакай был арестован. Чтобы предотвратить возможность расправы с ним и сохранить главного свидетеля провокационной деятельности Азефа, Бурцев решил устроить побег Бакай из ссылки. Кстати говоря, после разоблачения Азефа как секретного сотрудника полиции полицейские чины, в том числе непосредственно работавший с Азефом руководитель заграничной службы департамента полиции Л.А.Ратаев, считали, что Азеф совершил предательство в отношении полиции, в которой проработал 16 лет, а революционеры — в отношении партии эсеров, где его активная деятельность в качестве руководителя Боевой организации и члена Центрального Комитета продолжалась 10 лет.

Бакай первоначально был сослан в Тюмень, где вскоре ему было объявлено, что на днях он будет перевезен в более отдаленный район Сибири (предположительно в Обдорск). В тот же день он скрылся из Тюмени и приехал в Финляндию, в Териоки. Помогла ему в побеге специально посланная Бурцевым для этой цели в Тюмень Е.В.Савинкова — сестра зам. руководителя Боевой организации эсеров Б.В.Савинкова. При встрече с Бурцевым Бакай спросил его: кому Вы, Владимир Львович, говорили, что устраиваете мой побег? На ответ Бурцева — никому — Бакай сказал: странно. В Тюмени меня должны были арестовать по телеграмме из Петербурга в Тобольск. Значит, кто-то там донес о возможности побега. «Об этом побеге, —

пишет В.Л.Бурцев, — я сказал Чернову, Чернов, как оказалось, сообщил об этом Азефу, и Азеф, следовательно, мог сообщить эти сведения в департамент полиции»²⁵. Вспоминает Бурцев и о другом эпизоде. Отправляя в Сибирь Савинкову, он обратился через Чернова к эсерам за недостающими для финансирования поездки деньгами: «Я сообщил ему, — пишет Бурцев, — что деньги нужны для устройства побега высланного в Сибирь, который может быть очень полезен в борьбе с департаментом полиции. Я просил Чернова оставить между нами, для чего мне нужны деньги, и абсолютно никому об этом не сообщать. Часть денег я получил от Чернова тогда же, а остальную сумму он хотел принести мне еще через неделю в мою гостиницу, в Выборг в два часа дня. Недостающие деньги я занял и тотчас же отправил в Сибирь Савинковой. В назначенный день я сидел в своей гостинице и ждал Чернова. Раздался стук в дверь. Я сказал "войдите". Дверь открылась, и на пороге вместо Чернова я увидел... Азефа»²⁶. Он пришел по поручению Чернова. Из разговора с ним Бурцев понял, что Азеф знает о готовящемся побеге Бакая. Он назвал ему и другую связь и лишь еще одну, которая его, видимо, интересовала, назвать не смог, поскольку о ней Бурцев Чернову ничего не говорил, кроме простого упоминания, что есть четыре серьезных источника получения сведений из департамента полиции.

В августе 1908 г. в Париже Бурцев узнал о том, что в Лондоне проходит съезд эсеров и что на нем присутствует Азеф. В это время по его делу уже шло расследование, и тот факт, что несмотря на это он приглашен на съезд, побудил Бурцева написать «письмо-экспресс» участнику съезда А.Теплову, который, как и многие другие, не знал о партийном расследовании и считал Азефа революционером, стоящим выше всяких подозрений. Теплов потребовал объяснений у организаторов съезда, которые объявили обвинение Азефа безумством и клеветой и сообщили, что намерены привлечь Бурцева к суду за клевету.

И после эсеровского съезда обвинение Азефа оставалось неизвестным для членов партии, однако многие тем не менее слышали, что обвиняется какой-то видный член партии, и полагали, что Бурцев обвиняет Чернова. «На одном из многочисленных собраний в Париже, где Чернов давал отчет о Лондонском конгрессе, он с негодованием говорил о распространяемой клевете против наиболее видного члена ЦК партии и о том, что до последнего времени они были неуловимы, но теперь удалось поймать "уже за хвост" и клеветник скоро будет разоблачен и пригвожден к позорному столбу. Не все знали, кого обвиняют в провокации, — вспоминал Бурцев, — не все знали, что в клевете Чернов обвиняет меня. Своими нападка-

на меня Чернов сорвал тогда у своей аудитории много бурных аплодисментов»²⁷.

Для суда над Азефом, как считали одни, или Бурцевым, как считал Чернов, в качестве судей были назначены один из старейших народовольцев, в свое время предпринявший попытку освободить Н.Г.Чернышевского, Г.А.Лопатин²⁸, одна из немногих оставшихся членов Исполнительного Комитета «Народной воли» В.Н.Фигнер²⁹ и идеолог анархизма, видный революционер П.А.Кропоткин³⁰. Первое заседание суда проходило на квартире представителя эсеров во II Интернационале И.А.Рубановича³¹. Партию эсеров на суде представляли трое — В.М.Чернов, Б.В.Савинков и М.А.Натансон, все люди, в то время близкие между собой и настроенные в пользу Азефа.

Обсуждение начал В.М.Чернов, поставив вопрос: дает ли В.Л.Бурцев слово в случае, если суд признает его виновным, прекратить кампанию против Азефа? На что Бурцев ответил отрицательно. Непосредственный разбор дела начался с четырехчасовой речи В.М.Чернова, в которой он изложил биографию Азефа, представил его как одного из основателей и главных деятелей партии эсеров, организатора террористических актов против Плеве, великого князя Сергея Александровича, участника покушения на Николая II. Особо он остановился на попытках департамента полиции бросить тень на Азефа(!) и, по пунктам опровергнув все обвинения Бурцева, просил суд обвинить последнего в клевете.

В 1905 г. ЦК эсеров получил записку, в которой указывалось, что в партии есть два провокатора — Татаров и Азеф (фамилия Азефа была искажена). Татаров был изобличен и убит по постановлению ЦК. Это дело заслонило остальные, и вторым провокатором никто не занялся. Теперь же Чернов, ничтоже сумняшеся, заявил, что департамент полиции якобы специально пожертвовал столь важной для него фигурой, как Татаров, чтобы бросить тень на Азефа. Такую подоплеку Чернов усматривал и во всех других случаях, когда на Азефа падало какое-то подозрение. Сведя все к попыткам полиции скомпрометировать Азефа, он выразил изумление, как это другим, в первую очередь Бурцеву и тем, кто его поддерживал, не ясны интриги охраны.

На незнакомых с ним Азеф при первых встречах производил подчас очень неприятное впечатление. В частности, Савинков в «Воспоминаниях террориста» приводит разговор с И.Калевым после его встречи с Азефом: «Он не понравился тебе? Да? — Нет... Но знаешь я не понял его и может быть не пойму никогда»³². Чернов знал это и, как опытный оратор, призвал «хорошенько всмотреться в его открытое лицо, и в его чистых, чисто детских глазах нельзя не увидеть бесконечную

доброту», и, разузнав, «нельзя не полюбить этого действительно доброго человека и доброго семьянина»³³ — кстати, немалые суммы, получаемые от охранки, — жалование у него было 600 руб., на 100 руб. больше, чем у губернатора, плюс наградные он тратил на содержание любовницы. При этом Чернов старался показать себя тонким знатоком психологии.

По мнению Бурцева, суть поведения Чернова в деле Азефа состояла в том, что он действовал под «гипнозом партийности», который побуждал его рисовать Азефа таким, каким он нужен был для партийных целей. Такую оценку Бурцев не преминул отнести и к будущим событиям. «В деле защиты Азефа Чернов и Натансон рассуждали о провокации именно так, потому что интересам своей партии они привыкли слепо подчинять все — интересы Родины, принципы, правду, логику. В политике они такими, впрочем, всегда были, и это они особенно ясно доказали несколько лет спустя, когда для России начиналась новая, свободная жизнь и когда они ради интересов своей партии все погубили»³⁴. Заметим, однако, что Чернов потом разошелся со своим учителем, и они оказались в разных партиях.

Бурцев прав — действительно, позиция Чернова производит довольно странное впечатление. Он считал, что Бакай и А.А.Лопухин (начальник департамента полиции, которого впоследствии судили за то, что он подтвердил сотрудничество Азефа с полицией и передал эсерам копию своего письма премьер-министру П.А.Столыпину по поводу обращения к нему Азефа)³⁵ были подосланы, что налицо заговор против Азефа, что разоблаченные провокаторы нужны были лишь для того, чтобы дискредитировать Азефа. Но главное все же не в этом, а в том, что Чернов фактически дал ему возможность скрыться. Именно это правомерно ставили ему в вину и соратники по партии, в этом он обвинял себя и сам.

События развивались следующим образом. На заявление Б.В.Савинкова, что суд над Бурцевым оскорбление для партии и Боевой организации, Чернов ответил: «Оскорбления для боевой организации я не вижу — ведь судят не Азефа, а Бурцева». Савинков возразил ему, что суд тем не менее не выгоден для Центрального Комитета, на что последовал уверенный ответ: «Почему? Бурцев будет раздавлен. Ему придется каяться на суде»³⁶.

Исходя из своей позиции безусловной невинности Азефа, Чернов на суде не только защищал его, но и обвинял Бурцева. «Вначале он шаг за шагом разбивал его доказательства, — пишет Б.В.Савинков в «Воспоминаниях террориста». — Он объяснил причины казни Зильберберга и Сулятицкого (эсеровские террористы, выданные полиции Азефом. — К.Г.) и ука-

занных обвинением арестов, — по его и нашему общему мнению, незачем было искать этих причин в провокации Азефа: аресты могли произойти естественным путем, через наружное наблюдение, казнь же Зильберберга и Сулятицкого, против которых на суде не было никаких улик, могла, конечно, свидетельствовать о наличии провокации, но еще ни в коем случае не указывала именно на Азефа.

Затем Чернов остановился на самой сущности обвинений. Он указал, что источником их являются два лица. Одно из них — Бакай — бывший провокатор, агент охранного отделения. Уже это одно заставляет недоверчиво относиться к его показаниям. Но и далее — рассказ Бакай страдает неточностью: так, например, сообщая, что Раскин (одна из фамилий, данных Азефу департаментом полиции. — *К.Г.*) в 1904 г. в Варшаве посетил N, он не устанавливает в точности дату этого посещения, чем обесценивает свои показания. Другое лицо — бывший директор департамента полиции Лопухин, человек, хотя, конечно, и компетентный в вопросах провокации, но едва ли заслуживает доверия большего, чем Азеф, много лет работавший в партии.

Чернов отказывался выяснить во всех подробностях загадочную историю показаний Лопухина — к этому он не имел данных. Но он как одну из допустимых гипотез предлагал следующую: правительство уже давно стремится деморализовать партию, обвиняя одного из видных ее вождей в провокации. Так было в 1905 г., когда из полицейского источника было получено пресловутое анонимное письмо (впоследствии было установлено, что письмо было написано чиновником, недовольным особым положением Азефа и завидовавшим высокой оплате его услуг. — *К.Г.*); так было в 1906 г., когда Азефа обвинял Татаров; так было в 1907 г., когда из Саратова были получены сведения о важном провокаторе Валуйском (Азефе) (в письме сообщалось о приезде Азефа в Саратов, его пребывании там и встречах с чинами полиции. — *К.Г.*). Так, конечно, есть и сейчас. Только теперь главную роль играют Бакай и Лопухин, а игрушкой в их руках является Азеф... Чернов просил обвинить Бурцева в легкомысленном обращении с чужим именем и признать факты, им сообщенные, неосновательными, исходящими из недостоверных источников»³⁷.

На суде Черновым был допрошен Бакай, однако, хотя он и уловил в показаниях свидетеля некоторые противоречия, допрос каких-либо существенных результатов не дал, более того, у членов суда Г.А.Лопатина и П.А.Кропоткина сложилось впечатление, что Бакай говорит правду. Но это не убедило Чернова, который, поддержанный Савинковым и Натансоном, требовал допроса и Лопухина. Более того, по свидетельству Б.В.Са-

винкова, будучи уверенным, что обвинения Азефа лишены не только основания, но и правдоподобия, все трое решили в случае вынесения оправдательного приговора Бурцеву идти на прямой конфликт с судом. Суд объявил перерыв. Тем временем Лопухин показал приехавшему к нему в Петербург Аргунову свое письмо к Столыпину и рассказал о визите Азефа, просившего его отказаться от своих показаний Бурцеву. В декабре в Лондоне состоялось свидание Лопухина с приехавшими к нему Черновым, Аргуновым и Савинковым, которое не оставило никаких сомнений в провокационной роли Азефа. Надо было решить, как дальше поступать в отношении Азефа.

Азеф на суде не был и формальному допросу не подвергался. Теперь вопрос стоял так: либо убить Азефа немедленно, без предварительного допроса, ибо после допроса он тотчас бы скрылся, либо провести еще дополнительное предварительное расследование. Кроме того, надо было иметь в виду, что убийство Азефа могло вызвать преследование русской эмиграции со стороны французской полиции. Предполагалось, и не без оснований, что смерть Азефа без предварительного, обставленного судебными гарантиями допроса вызовет неоднозначную реакцию и партийное общественное мнение с ней вряд ли примирится. Для принятия решения в декабре 1908 г. было созвано совещание эсеров, находившихся в то время в Париже. На нем присутствовали 15 человек, в том числе Чернов. Вопрос был поставлен перед участниками так: возможно ли убить Азефа немедленно, не приступая к допросу, или необходимо дополнительное расследование и решение должно быть вынесено в зависимости от его результатов. Четыре человека, в том числе Савинков, высказались за первое решение, восемь человек, в том числе Чернов, — за второе.

Б.В.Савинков так описывал это совещание в незавершенной статье о В.М.Чернове: «Париж. Квартира покойного Рубановича. Полутемно. Нас человек пятнадцать. Ораторствует, конечно, Чернов. Сначала слышно то, что он как всегда: "Нельзя не признаться... Нужно сознаться... Принять во внимание... Не упускать из виду"... Потом: "Несмотря на интриги Бурцева... Лопухин в своем показании... Нет сомнения... Честь партии социалистов-революционеров..."

- Так что, по-вашему, ликвидировать?
- Да или нет?
- Нет... то есть я хотел сказать да...
- Да... то есть нет.
- Я не понимаю.
- ЦК против, я — за... Я член ЦК.
- Значит?

— Значит, надо, знаете, осторожно... Не здесь, не в Париже... Ведь нельзя рисковать всем составом ЦК. Надо, знаете, где-нибудь, ну, в Италии, что ли...

— Но он убежит.

— Вы думаете?

— Уверен.

— М-м... Наверное этого сказать нельзя. Сложный психологический случай. С одной стороны... С другой стороны...»³⁸. Было решено расследование продолжить, одновременно подготовливая убийство Азефа, которое должно быть совершено в Италии. С этой целью предпологалось снять там уединенную виллу, на которую Чернов и Савинков под каким-либо предлогом должны были привезти Азефа.

ЦК решил немедленно приступить к допросу Азефа, который было поручено провести Чернову, Савинкову и некоему «Николаю» (боевик Суховых). При этом было постановлено ни в коем случае на допросе не убивать. Савинков считал такое решение равносильным постановлению освободить Азефа, однако, в то же время, правомерным. Ошибка, по его мнению, была совершена раньше. Надо было убить Азефа сразу, как только его виновность была установлена. Сделано это не было, ЦК встал на путь «формального суда, защиты и слова. Дорога эта неизбежно приводила к допросу Азефа и, следовательно, и к его бегству. Центральный Комитет не имел права платить за смерть Азефа арестом единственного теоретика партии Чернова, без Чернова же допрос был невыносим»³⁹. Это было написано в 1910 г., потом Савинков несколько иначе относился к Чернову, но в данном случае его слова подчеркивают положение Чернова в партии эсеров и, что важно прежде всего, как ее теоретика.

Допрос Азефа состоялся 5 января 1909 г. на его квартире. Вел его Чернов. Азеф отрицал предъявленные ему обвинения. В ходе допроса Чернов сказал Азефу: «Мы предлагаем тебе условие — расскажи откровенно о своих отношениях с полицией. Нам нет нужды губить твою семью. Дегаев и сейчас живет в Америке... Принять предложение в твоих интересах»⁴⁰. Поскольку Азеф продолжал отрицать свою связь с полицией, Чернов задал ему вопрос: «Ты ничего не желаешь прибавить к своим ответам?» и, получив ответ: «Нет. Ничего», предупредил Азефа: «Мы даем тебе срок: завтра до 12 часов. Ты можешь обдумать наше предложение». Савинков добавил: «Завтра в 12 часов мы будем считать себя свободными от всех обязательств»⁴¹. Во втором часу ночи Азеф вместе с женой скрылся, выехав в Германию.

Бегство Азефа, как и следовало ожидать, отрицательно отразилось на репутации Чернова. «Несмотря на всю поздней-

шую доказанность предательства Азефа, несмотря на всю статистику повешенных и сосланных из-за его предательства, главари партии социалистов-революционеров все-таки дали возможность Азефу скрыться» — констатировал в «Записках жандарма» полковник Спиридович⁴².

В связи с выдвигавшимися обвинениями Бурцева было принято следующее заявление: «Мы, нижеподписавшиеся, представители партии социалистов-революционеров сим заявляем: ввиду того, что расследованием Центрального Комитета подтвердился факт провокации Азефа, Центральный Комитет партии социалистов-революционеров берет назад предъявленное им тов. Бурцеву обвинение во всех этого обвинения частях.

Я, В.Л.Бурцев, со своей стороны отказываюсь от обвинения, предъявленного мной Центральному Комитету партии социалистов-революционеров. О вышеизложенном обе стороны постановили довести до сведения судебной комиссии»⁴³. Заявление подписали В.Л.Бурцев, Б.В.Савинков, М.Бобров (М.Натансон), О.Гарденин (В.Чернов).

Дело Азефа вызвало тяжелый кризис в партии эсеров, но во время дискуссии о дальнейшей судьбе террористической тактики В.М.Чернов был одним из ярких сторонников ее сохранения. Сначала вопрос о терроре обсуждался на конференции «Заграничной федерации групп содействия». Конференция, в которой участвовало 49 делегатов, в своей резолюции заявила, что «вследствие провокации террористическая деятельность партии не получила должного размаха и теперь должна быть возобновлена планомерно на основе серьезной подготовки и строгого политического расчета, исключаящего всякую нетерпеливость, хотя бы она и диктовалась законной потребностью как можно скорей восстановить поколебленный в глазах общества престиж террора... Для обеспечения террористической борьбы необходимыми личными силами и материальными средствами должны быть приложены дружные и сокоупные усилия всей партии»⁴⁴.

Накануне V Совета партии, состоявшегося в апреле — мае 1909 г., складывалось впечатление о некотором неустойчивом равновесии между противниками и сторонниками террора, однако на самом Совете расстановка сил сложилась явно в пользу тех, кто стоял за сохранение террора в арсенале партии. И этому в значительной степени способствовала его поддержка видными деятелями партии, в первую очередь В.М.Черновым. Выступая на Совете, он заявил, что террор оправдал себя в прошлом и сохраняет свое значение в настоящем. Отвергнув не так давно предложения Б.В.Савинкова, теперь Чернов большую часть своей речи посвятил, так сказать, его современному технологическому оснащению. «Непосредственная зада-

ча, стоящая сейчас перед нами, — говорил он, — это вопрос о восстановлении боевой деятельности и восстановлении боевой организации. Я беру здесь боевую организацию не в кавычках, не как название, я беру сущность этого слова. Я бы пригласил вас не смотреть на дело с такой точки зрения, что вот мы хотим сейчас, поскорее "сделать Столыпина" или "сделать" царя — нет! Мы хотим воссоздать как нечто длительное и организованное боевую деятельность, мы хотим сплотить имеющиеся боевые силы, мы хотим положить начало террористической кампании... Еще несколько слов о способах ведения террористической борьбы. Если мы действительно хотим вести террористическую борьбу, то это нас ко многому обязывает. Мы не можем мириться с тем, чтобы в области боевой техники господствовали одни и те же, раз найденные проблемы, нельзя, чтобы здесь царствовала рутинность... Террор есть разновидность вооруженной борьбы, разновидность войны. Теперь война ведется и под землей, и под водой, а скоро будет вестись и над землей — в воздухе. Я уже не говорю о прогрессе во взрывчатых веществах и о возможностях действия на расстоянии. Что же, неужели мы останемся безучастными зрителями этого технического прогресса, неужели он своими гигантскими шагами пройдет мимо нас, перешагнет через нас? Плохие же мы были в таком случае бойцы. Я не строю сейчас никаких воздушных замков, не предлагаю никаких прожектерских утопий. Я утверждаю лишь, что восстановить террористическую борьбу — это значит, между прочим, произвести ряд новых технических изысканий, иметь для этого специальную техническую группу (или группы), стремиться утилизировать последнее слово науки для прикладных задач нашей борьбы. Террор будет террором в действительном смысле этого слова только тогда, когда он будет революционным применением наивысшего для данного момента технического знания. Я понимаю, что такой высоты он не может достигнуть одним шагом. Но ведь я говорю не о завтрашнем дне, а о длительном процессе возрождения нашего террористического дела. И я утверждаю, что либо мы должны поднять террор на необходимую высоту, либо не из-за чего и огород городить»⁴⁵.

Эмоциональный призыв оратора возымел свое действие — большинством голосов Совет принял решение о продолжении террористической деятельности. Признавая, что в связи с разоблачением Азефа партия переживает серьезный кризис, Совет заявил, что это не может «заставить выпустить оружие из своих рук или временно отложить его в сторону». Но кроме того Совет образовал Судебно-следственную комиссию для изучения всех обстоятельств, относящихся к делу Азефа. Комиссия больше года занималась расследованием и только в

1911 г. в Париже было опубликовано «Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа». На это время Чернов фактически отстранился от руководства партией. Он вышел из состава редакции «Знамени труда» и в группе лидеров крупной роли не играл. В докладе Комиссии ряд положений были направлены прямо против него. Перед публикацией «Заключения» членам бывшего ЦК и Заграничной делегации партии было предоставлено право ознакомиться с ним и внести свои замечания. Этим правом воспользовались не согласившиеся с «Заключением» Чернов и его ближайшие соратники Аргунов, Раkitников, Рубанович.

Их замечания не вошли в «Заключение», и вышли в свет в виде приложения к нему, при этом замечания Чернова были подвергнуты цензуре и сопровождались резкими комментариями Комиссии. Вполне возможно, что сложившаяся ситуация отражала борьбу за лидерство в партии, что ее создавал кто-то из тех, кто хотел бы занять место Чернова. Таким человеком, по мнению историка Р.А.Городницкого, мог быть М.А.Натансон⁴⁶. Однако поскольку исчерпывающих доказательств нет, его точку зрения можно отнести к разряду не лишенных оснований гипотез. Предательство Азефа вызвало у части партии разочарование в терроре, однако ее большинство нашло в раскрытии провокатора Азефа лишь ответ на то, «почему террор не дал революции всего, что он мог дать и что он даст при своем возвращении». Но надежды были тщетны, террор не возродился, несмотря ни на решение Совета, ни на заклинания Чернова. После решения V Совета партии было совершено всего четыре террористических акта. В 1909 г. были убиты начальник каторжной тюрьмы в Тобольске и взорван на конспиративной квартире начальник Петербургского охранного отделения полковник Карпов. В 1911 г. имели место два последних террористических акта — в Вологде был убит тюремный инспектор Ефимов за применение телесных наказаний заключенных и тяжело ранен начальник Зерентуйской тюрьмы Высоцкий.

В.М.Чернов и в этой обстановке продолжал защищать террор. Когда в начале 1911 г. Заграничная делегация партии решила отказаться от ранее запланированного террористического акта, он выступил с достаточно резкими возражениями. «Нахожу, что в этом конфликте, если он будет, право будет на стороне Б.О., — заявил Чернов. — Со своей стороны выражаю крайнее сожаление о том, что накануне завершения бросается на произвол судьбы чрезвычайно важное дело, на которое уже затрачено так много партийных денег. Нахожу, что именно этим решением все предыдущие затраты обращаются в загубленный напрасно капитал, чем наносится большой ущерб партийным интересам»⁴⁷. Любопытно, как Виктор Михайло-

вич значительно позже, в 1924 г., объяснял причины прекращения деятельности Боевой организации, возлагая ответственность, хотя как всегда с оговорками, на Савинкова: «Слишком ли неблагоприятны были внешние обстоятельства, вмешался ли случай, или Савинков оказался несостоятельным, как «единный глава» новой террористической организации, только из нее ровно ничего не вышло... Быть может прав был Азеф, который говаривал: «Павел Иванович (один из конспиративных псевдонимов Савинкова. — К.Г.) чересчур импрессионист, чересчур невыдержан и нервен». Быть может прав был Карпович, говоривший, что «без Азефа Савинков не тот, что был при Азефе: эффектен по-прежнему, да кишка тонка, коротка: пустоцвет»⁴⁸.

Прав был не Чернов, а его противники, указывавшие, что террор уже сыграл свою роль, разбудив общество и до известной степени дезорганизовав правительство, и большего от него ждать нельзя. Общество привыкло к террору, правительство приспособилось к нему и больше его не боится. И во многом они были правы. Чернов призывал к возобновлению террора как ответа на реакционную политику правительства в условиях спада массовой борьбы, в условиях программного кризиса партии это, действительно, попахивало авантюризмом, непониманием сложившейся в результате поражения революции ситуации. Террор умер, хотя официально партия так и не отказалась от использования террористической тактики в политической борьбе.

Но Чернов не был бы Черновым, если бы его позиция и в отношении возрождения и усиления индивидуального террора была однозначной. Защищая террор как эффективный метод политической борьбы, он в то же время опубликовал в редактируемом им журнале «Заветы» повесть Б.Ропшина (литературный псевдоним Б.В.Савинкова) «Конь бледный», а затем его же роман «То, чего не было», получивший благодаря неоспоримым литературным достоинствам широкое распространение. В них бывший руководитель бывшей Боевой организации не только фактически отрекался от террора и своих бывших товарищей, допуская в их адрес двусмысленные инсинуации, но и изобразил деятельность своей партии и революцию в весьма неприглядном свете. Публикация вызвала большое недовольство в партии. За подписями почти всех ее активных деятелей Чернову как редактору было направлено письмо, в котором они «отказывались от солидарности с редакцией, решившей поместить произведения Ропшина». Чернов в ответ написал критическую статью о романе, но одновременно оправдывал его публикацию намерением защитить «широкую, действительную, а не фиктивную свободу мысли и критики», что также вызвало в революционных кругах отрицательную реакцию⁴⁹.

Глава III. В ЛЕВОМ ЦЕНТРЕ...

Первые грозные раскаты, возвещавшие начало революции 1905—1907 гг. и вызвавшие активизацию деятельности эсеровских эмиграционных организаций, застали В.М.Чернова за границей. Уже как признанный лидер партии социалистов-революционеров он представлял ее на Парижской конференции российских революционных и оппозиционных партий и на Амстердамском конгрессе II Интернационала, а в апреле 1905 г. принял участие в конференции российских революционных партий в Женеве. В России стала расти численность эсеровских организаций. «Революционная Россия» обратилась в эти дни с призывом: «Всколыхните дремлющие, но живые силы во всех, даже самых глухих, заброшенных селах, поднимите самые глубокие низы народной массы магическим кликом: за землю и волю!.. Зовите крестьян на борьбу за землю, конечно за всю землю, а не за какие-нибудь кусочки, зовите для завоевания ее не в частную собственность, а в общественное владение всего народа... Вооружайте народ, идите сами с оружием в руках в его первых рядах»¹. Аграрная программа Чернова начинала работать. Фраза о «кусочках» не случайна, она прямо адресована аграрной программе социал-демократов, которые требовали лишь возвращения крестьянам отрезков — той части общинных земель, которая отошла к помещикам после реформы 1861 г.

Остро ощущалась необходимость консолидации сил, выдвижения широкой политической программы, поскольку в случае, если будет введено представительство, парламентское правление, надо будет вести парламентскую борьбу, обеспечить большинство голосов избирателей... Ведь пока еще не предполагалось, что партия откажется от участия в избирательной кампании по выборам в Государственную думу. Присутствие лидера было необходимо, да и сами политические лидеры рвались в Россию. Вслед за изданием высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г.² 21 октября была объявлена амнистия, и эмигранты решили воспользоваться ею. По сообщению департамента полиции, они полагали, что теперь могут «безнаказанно прибыть в пределы Империи и встать в ряды борцов за достижение конечных целей».

Отечество встретило своего «блудного сына» не очень приветливо: «социалист-революционер Виктор Михайлович Чер-

нов, социал-демократ Владимир Ильич Ульянов» (опять рядом!) были названы в числе тех, кто подлежит розыску и установлению «неусыпного наблюдения за ними»³. Полиция сообщила своим агентам, что Чернов, вероятно, прибудет в пограничный город Вержболово с болгарским паспортом на имя Николая Лопатцова 22 или 23 октября. Чтобы агенты не упустили поднадзорного, учитывая, что они его давно не видели, департамент приложил описание внешности В.М.Чернова: «Среднего роста, плотный, шатен, лицо пухлое, курносый, борода кругом ровная, молодая, волосы давно не стрижены, затылок большой, носит котелок и темно-серую шляпу»⁴. Портрет, Чернову на нем 32 года, отличался от того описания, которое было сделано шесть лет назад, после того как он скрылся из Тамбова: «Рост 2 аршина 6 $\frac{1}{2}$ вершков, телосложения среднего, волосы темно-русые, слегка курчавые, лоб открытый, средний, лицо овальное, голое»⁵. Так что и внешне Чернов стал выглядеть человеком более зрелым, уважаемым, что соответствовало и его положению как политического лидера.

Он действительно прибыл в Петербург в конце октября и сразу перешел на нелегальное положение, на котором и находился три года, до следующей эмиграции. В основном он кочевал по редакциям газет и журналов и квартирам своих соратников. Его штаб-квартирой чаще всего была редакция легальной, хотя и недолго существовавшей газеты «Сын отечества», инициатором издания которой был В.М.Чернов и которую он редактировал вместе с оставшимися пока с ним в одной партии А.В.Пешехоновым и В.А.Мякотинным.

В.М.Чернов с головой ушел в революцию. Позже он говорил на I съезде эсеров: «Мы кипим вместе с жизнью и живем жгучими и острыми ощущениями минуты»⁶. Революция шла по восходящей линии, и в условиях подъема революции партия эсеров выступала, хотя и не без некоторых отклонений, с позиций революционного демократизма. И прежде всего это относится к ее позиции в аграрном вопросе и работе среди крестьянства. Партия в этот период открыто призывала крестьян к захвату помещичьей земли, причем делать это коллективно — целыми деревнями и общинами. Еще в то время, когда Чернов находился в эмиграции, в мае 1905 г. ЦК эсеров предпринимает попытки создать общероссийскую крестьянскую организацию, объявив от имени съезда представителей партии, работающих в деревне, об образовании Центрального крестьянского союза партии социалистов-революционеров. Названный ЦК призвал крестьян провести 27 июня — 2 июля 1905 г. всеобщую экономическую и политическую стачку. Однако призыв к такой массовой акции был преждевременным,

влияние партии на крестьян было еще недостаточным для ее осуществления. Стачка не состоялась. Но это тоже было важно. В частности, В.М.Чернов сделал из неудачи достаточно четкий и ясный вывод, сравнив положение партии в крестьянстве с «щепоткой соли, брошенной в большое пресноводное озеро».

В.М.Чернов не преувеличивал значение Манифеста 17 октября и, в отличие от группы «Русское богатство», не считал его достаточным основанием для отказа от нелегальной партии. В статье «Прошлое и настоящее», опубликованной в 1906 г., одной из лучших его статей того периода, дана содержательная оценка Манифеста и весьма обоснованная характеристика политики правительства после его объявления. Появление Манифеста В.М.Чернов считал победой пролетариата, однако «победой авангардной, за которой должна последовать концентрация сил с обеих сторон», поскольку «прочная победа не может быть достигнута без одновременного натиска сил городского пролетариата и огромных масс трудового крестьянства»⁷. Залогом победы революции, подчеркивает автор, может быть лишь ее синтетический характер⁸. Что касается правительства, то оно, «держа общество под обаянием радужных перспектив, набросанных туманными контурами в Манифесте 17 октября, должно было спокойно, под благовидными предложениями оттягивать фактическое исполнение своих посулов». Однако оно не удержалось на тактике выжидания, стало нервничать, а «не будь черносотенной эпопеи, не было бы и Московского восстания»⁹.

В.М.Чернов считал, что в этих условиях эсеры должны оставаться «партией революционного социализма и положение в стране не дает оснований для вывода, будто все проблемы становятся уже эволюционными и от революции можно отказаться». Такая позиция нашла свое отражение не только в его отношении к террору, но и к созданию массовых организаций. «Положение в высшей степени непрочное, — говорил он. — Правительство фактически сильнее, чем оно думает. Мы гораздо слабее, чем кажемся»¹⁰. Такая оценка была через некоторое время подтверждена поражением декабрьского вооруженного восстания. Одной из насущных проблем, диктуемых обстановкой, по мнению В.М.Чернова, было достижение возможно более широкого охвата масс, в первую очередь крестьянства, партийным влиянием, используя для этой цели любые массовые организации. «Особенно важным, — писал он впоследствии, — казалось мне и моим товарищам перенести движение из городов в деревни, захватить крестьянство, сделать реальной силой едва начавший формироваться Всероссийский крестьянский союз»¹¹.

Создатель популярной аграрной программы правильно выбрал основное направление работы партии. Он, с одной стороны, видел необходимость укрепления положения партии в массах, а с другой — реальную возможность решить эту задачу. На первом съезде Всероссийского крестьянского союза в мае 1905 г. В.М.Чернов не присутствовал. Не было его и на Учредительном съезде Союза (июнь — август 1905 г.). Он приехал накануне так называемого делегатского съезда, который проходил в Москве 6—10 ноября, и моментально сориентировался, поняв всю важность первой крестьянской организации.

На съезде произошло очередное столкновение с социал-демократами, закончившееся не в пользу последних. Занимая решительную позицию по программно-политическим вопросам, В.М.Чернов колебался и был нерешителен в вопросах тактики партии. Выступая на заседании Петербургского совета рабочих депутатов, он в первой же речи призвал «к осмотрительности, к более последовательной и выдержанной тактике вместо резких революционных импровизаций», а к таким «импровизациям» он относил, например, требование установить 8-часовой рабочий день. Мотивируя свое отношение к развитию революционного движения в городах, Чернов ссылаясь на то, что «нужно больше всего бояться изолированности пролетариата в борьбе»¹². Одновременно в своей речи 9 ноября на Всероссийском крестьянском съезде, с которой он выступил при обсуждении резолюции о тактике, В.М.Чернов призвал крестьян последовать примеру рабочих. Подчеркнув, что рабочие, не дожидаясь Учредительного собрания, сами устанавливают свободу слова, собраний, вводят 8-часовой рабочий день и т.д., он предложил, чтобы и крестьяне сами осуществили свое право на землю. В споре между сторонниками мирного и немирного изъятия помещичьих земель он склонялся на сторону первых, но в резолюцию предложил внести компромиссную формулу, гласившую, что переход земли к народу «совершится мирным путем, но если понадобится, то насильственным»¹³. Съезд солидаризировался с аграрной программой эсеров «о передаче земли народу на основах уравнительного землепользования и при условии передачи земли тем, кто на ней трудится».

Летом 1905 г. «Революционная Россия» писала: «Товарищи, вооруженное восстание наш лозунг. И да пребудет оно до тех пор, пока не совершится дело революции. За работу!»¹⁴. А теперь в Москве ее редактор прилагал усилия, чтобы убедить Московский комитет эсеров отказаться от участия в вооруженном восстании. Однако безрезультатно. Московские эсеры вопреки его советам приняли участие в декабрьском вооруженном восстании.

Съезд принес несомненный успех партии социалистов-революционеров и укрепил авторитет ее лидера. Определенную роль в этом, по принципу контраста, сыграло поведение социал-демократов. Во-первых, в ответ на прямой вопрос об отношении к переходу всей земли крестьянам они заявили, что будут против передачи крестьянам тех имений, где помещики ведут передовое хозяйство. Во-вторых, социал-демократы настойчиво требовали, чтобы им было дано право решающего голоса, в то время как съезд представителям партий предоставил совещательный голос, чем воспользовались эсеры, завоевав симпатии съезда, и на чем проиграли, вступив с ним в конфронтацию и покинув его, социал-демократы.

После крестьянского съезда положение В.М.Чернова как лидера партии еще более упрочилось на ее первом съезде (декабрь 1905 — январь 1906 г.), на котором он, по свидетельству Вишняка, играл исключительную роль, и прежде всего как мастер компромиссов. Съезд по своему составу был достаточно разношерстным. «Всю эту разноголосицу, — вспоминал Вишняк, — приводил к некоему общему знаменателю В.М.Чернов. Он был головой выше других членов съезда. И ему не было абсолютно чуждо ни одно из разноречивых мнений, высказывавшихся на съезде. В то время он в совершенстве владел искусством составлять растяжимые формулы, которые можно толковать и так, и так. Чернов был главным докладчиком и оппонентом от имени ЦК партии, автором почти всех резолюций и редактором протоколов»¹⁵. Нельзя не признать, что в этой несколько ироничной характеристике черты, свойственные В.М.Чернову как политику, его многолетним соратником отражены довольно удачно.

Будучи делегатом от центрального органа партии — «Партийных известий», он выступил докладчиком по основным программным и тактическим вопросам. Представляя от имени редакции «Революционной России» программу партии, В.М.Чернов выступил с докладом «Относительно общего теоретического введения в программу», который содержит «полное социально-политическое кредо партии», однако «только формулирует, а не доказывает его»¹⁶. Съезд принял его предложение рассмотреть ее по частям. Закljučая обсуждение, Тучкин (под этим псевдонимом выступил на съезде Виктор Михайлович) сделал весьма любопытное замечание: «Вынужден поделиться с вами чувством живейшего огорчения. Нежданно-негаданно я оказался взятым на замечание по подозрению в склонности к марксизму». Правда, замечает он, этой же участи не избеж и Михайловский. Тучкин-Чернов категорически отверг обвинения, будто бы в проекте нет этического обоснования социализма, в склонности к исключительно экономическому рассмотрению истории, к ис-

торическому материализму. При этом он ссылается на положения программы (кстати, одно из наиболее часто критиковавшихся марксистами) о «росте власти человека над природой», которое является, дескать, отнюдь не чисто экономическим понятием¹⁷. В данном случае В.М.Чернов и марксисты сошлись, хотя и с противоположных позиций.

Хотя в дискуссии на съезде некоторые делегаты утверждали, что аграрная сторона программы достаточно разработана в статьях А.В.Пешехонова и В.М.Чернова¹⁸, именно ей докладчик посвятил значительную часть своего обширного (он сам заметил, что «испугался» его объема) заключительного слова. В частности, он отверг замечание, будто бы заявление, что программа обеспечивает всем трудящимся право на землю и спасет от эксплуатации в деревне, лишь иллюзия. (Видимо, сомнения в реальности уравнительного землепользования были не только у марксистов, считавших аграрную программу эсеров утопической.) Она обеспечивает указанное право, но не спасение от эксплуатации, ибо спасти от нее «может лишь уничтожение всех форм капитала»¹⁹.

С другим докладом В.М.Чернов выступил при обсуждении рабочей программы и общего построения программы-минимум. Структура, предложенная им, выглядела так: политическая программа, финансовая, рабочая, земельная, муниципально-земская. И та, и другая после бурных дискуссий были приняты практически единогласно, за них голосовали 55 делегатов из 56. Более того, утвердив программу партии, съезд под бурные аплодисменты делегатов вынес благодарность «молодому гиганту, который пять лет нес на своих плечах всю тяжесть ее теоретической разработки»²⁰. Это была не просто победа. Это был триумф.

В.М.Чернов делал на съезде и доклад о тактике партии. Естественно, что в условиях революции в центре внимания оказался вопрос о вооруженном восстании. Съезд проходил после поражения декабрьского вооруженного восстания в Москве, и на нем присутствовали участники боев на Красной Пресне. Перед их лицом В.М.Чернов признал, что декабрьские события в Москве, дело рук пролетариата и революционной интеллигенции, показали возможность вооруженного восстания. При обсуждении же вопроса о призыве крестьян к революционному захвату помещичьих земель весной 1906 г. он не только выступил как докладчик против, но и убедил съезд согласиться с его мнением.

В.М.Чернов видел, что революция потерпела поражение, наступила реакция, и весь государственный строй монархической России превращен «в один боевой механизм, направленный против революции», а «пулеметы и расстрел водворяют

эру белого террора». Однако революция — это длительный процесс, по ходу которого периоды реакции и свобод еще не раз будут сменять друг друга. К восстанию нельзя относиться легкомысленно. Для достижения поставленной партией цели вооруженное восстание просто необходимо, но восстание победоносное, а сейчас крестьянское восстание может стать «разрозненным, недружным и несплоченным». Причину такого характера он видел в отсутствии у партии достаточного влияния в деревне. «Пусть одержит временную победу буржуазия, — говорил в заключение докладчик. — У нас будет конституционная монархия»²¹ — и, как всегда, предложил компромиссное решение: не отказываясь в принципе от восстания, на чем настаивало правое крыло съезда, в то же время не предрешать вопроса и дать ЦК право «своевременно найти единую тактическую линию поведения для всей партии». Предложения большинством голосов (39 против 19) были приняты²². Победа вновь осталась за В.М.Черновым.

О том, насколько высоко в этот период поднялся авторитет В.М.Чернова среди эсеров, свидетельствуют и результаты голосования при выборах ЦК: признанный глава и руководитель громадной партии, так именovala его печать, получил 46 голосов из 64. Однако при всем влиянии и авторитете ему не удалось предотвратить уход из партии правой группы «Русского богатства» во главе с А.В.Пешехоновым и крайне левой, близкой к анархистам группы эсеров-максималистов. С первыми Чернов разошелся не только в вопросах о терроре и вооруженном восстании, но также и в подходе к решению аграрного вопроса.

Что касается вооруженного восстания, то ЦК по отношению к нему занимал не очень устойчивую позицию. Так, после решения крестьянского съезда, принявшего резолюцию Чернова, ЦК тем не менее создал «Боевой комитет», на который возложил техническую подготовку выступления. Надо иметь в виду, что в это время партия социалистов-революционеров входила вместе с социал-демократами в «левый блок», с действиями которого В.И.Ленин связывал все успехи революции. Московский комитет эсеров вместе с Московским комитетом РСДРП подписал в декабре 1905 г. призыв Московского совета рабочих депутатов к вооруженному восстанию. Летом 1906 г. манифест «Ко всему крестьянству», призывавший крестьян к борьбе «за землю и волю», свержению монархии и передаче власти рабочим и крестьянам, подписали левые фракции Государственной думы, ЦК РСДРП, ЦК ПСР, Всероссийский крестьянский, Всероссийский железнодорожный и Всероссийский учительский союзы. (Все три союза находились под эсеровским влиянием.) Подпись ЦК ПСР, вместе с подпи-

сями ЦК РСДРП, фракции трудовиков и социал-демократов в Думе, стояла и под обращением «Ко всему народу» (июнь 1906 г.) с призывом к низвержению царизма и переходу власти к революционному народу. Эти документы даже большевики, в первую очередь В.И. Ленин, считали оформлением левой политической коалиции.

Что касается аграрного вопроса, то В.М.Чернов оценил проповедуемый «народными социалистами» «особый путь» развития России как отказ от требований демократической республики, распространение иллюзий о возможности проведения широкой земельной реформы без свержения самодержавия и отрицание вооруженного восстания как средства политической борьбы. «Нам с ними не по дороге», — таков был его вывод. В России «существуют рядом и кабальные отношения, пахнувшие дореформенной стариной и крепостным правом, и оазисы крупной индустрии, связанные тесной органической связью, делающей ее ареной всеобщих стачек такого масштаба и темпа, которые незнакомы даже самым передовым промышленным странам Запада, — писал Виктор Михайлович. — В России не сведены еще счеты с чисто азиатской патриархальной опекой самодержавного режима, опутавшего всю страну колоссальной бюрократической паутиной, в которой судорожно бьется, изнемогая в мучительных усилиях, население»²³. Не правда ли, яркая и соответствующая действительности картина. При таком положении вещей вполне правомерно утверждение, что в России сохранили свою жизненность и значение социальные вопросы, составлявшие суть крестьянских войн, дополненные современным вопросом «о борьбе между трудом и капиталом».

Трудности развития преобразований, по мнению Чернова, усугублялись наличием сильного, многочисленного бюрократического аппарата, разрастание которого вызвано уродливым развитием народнохозяйственного организма: ростом промышленности, стимулированной искусственно за счет эксплуатации деревни. Поэтому главное — перестройка деревни в интересах многомиллионного крестьянства, т.е. «перераспределение всех производительных сил страны на основе создания в хозяйственной области развивающейся трудовой деревенской демократии»²⁴. Иными словами, это была программа формирования российского фермерства.

В споре с энесами Чернов подчеркивал, что социализация земли способна раскрепостить крестьянство, предоставить крестьянину максимум свободы для развития своего хозяйства. Программа же народных социалистов является «централистской и бюрократической», согласно ей «государство, остающееся буржуазным и опирающееся на признание святости

принципа частной собственности и частной предприимчивости, является единственным колоссальным поземельным собственником», в «непосредственной зависимости» от которого «находятся массы мелких и иных арендаторов»²⁵. Защите народными социалистами монархического строя, якобы из-за боязни оттолкнуть мужика, Чернов противопоставлял обязательную непримиримость к монархии, как силе, враждебной народу. Однако все сказанное нельзя воспринимать как окончательный разрыв с энесами. Чернов еще не один раз будет пытаться установить контакты с А.В.Пешехоновым и другими деятелями народно-социалистической партии.

Максималисты протестовали против эсеровской программы-минимум и считали, что надо сразу идти к осуществлению программы-максимум. Конкретно они настаивали, чтобы в программу помимо социализации земли была включена и социализация фабрик и заводов. В.М.Чернов протестовал против попыток «подменить великие и сложные задачи социализма наивными и упрощенными решениями», т.к. если социализация земли не представляет собой покушения на государственные устои, то социализация фабрик и заводов возможна лишь после окончательной победы рабочего народа и установления, если понадобится, его «временной революционной диктатуры»²⁶. Призывы Чернова как сторонника богатства и разнообразия индивидуальной мысли в партии и к тем, и к другим поступиться «оттенками личных мнений для координации общих действий» остались гласом вопиющего в пустыне. Центризм лидера не сработал, сохранить единое направление и избежать раскола не удалось.

В перспективе Виктор Михайлович оказался прав. Внесенный эсерами в первой Государственной думе от имени трудящихся аграрный законопроект собрал 33 подписи и получил название «Проект 33-х». Гораздо больше подписей собрали подготовленный народными социалистами «Проект 104-х». Этот факт В.И.Ленин оценил как провал эсеровского «социализма». Однако его вывод излишне поспешен. Он и сам фактически позже признал это, включив составленный эсерами крестьянский наказ в Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом советов.

На I и II Чрезвычайном (12–15 февраля 1907 г.) съездах много внимания было уделено вопросу об отношении к Думе. С одной стороны, эсеры, в том числе В.М.Чернов, усматривали в Думе некий «революционный центр» и связывали с ней свои конституционные иллюзии — надежды на изменение политического строя Российской империи. На этом основании они призывали «беречь Думу». С другой — их лидер на I съезде партии выступил с большой речью, в которой, под ап-

лодисменты, призвал к бойкоту Думы, полагая, что на избирательные собрания в качестве выборщиков можно идти лишь для выступления против выборов и Думы²⁷. Решение о бойкоте было принято единогласно, и партия, таким образом, не имела в ней своей фракции. Фракция трудовиков, вносящая законопроект 33-х, была образована из депутатов-крестьян разных демократических направлений. Это не могло не сказаться на отношении к аграрным законопроектам.

На II съезде В.М.Чернов высказался против бойкота. Он считал необходимым принять участие в выборах. По мнению делегатов, докладчик правильно оценил обстановку. Возражение встретило лишь его предложение направить работу фракции на «подъем» Думы²⁸. В общем же съезд партии полностью поддержал ее лидера, приняв все внесенные им резолюции. Во второй Государственной думе, избранной в феврале 1907 г., эсеры имели свою фракцию из 37 депутатов. В этой, более левой, чем первая, Думе эсеровский законопроект собрал уже 105 подписей (отношение Думы к аграрному вопросу было одной из причин ее роспуска Николаем II через 100 дней после созыва), что свидетельствовало о росте влияния эсеров. Поэтому есть достаточно оснований говорить о правильности линии В.М.Чернова на усиление работы среди крестьян как пути превращения эсеров в массовую крестьянскую партию. Она приносила свои плоды, хотя дело, конечно, было не в социалистичности программы, а в ее антипомещичьей направленности.

Немалый вклад в сближение между партией и крестьянами — депутатами Думы внес лично Виктор Михайлович. Он участвовал в заседаниях фракции трудовиков, критиковал «Проект 104-х», особенно за предусмотренный в нем выкуп помещичьей земли, и ратовал за ее безвозмездную передачу крестьянам, поддержал позже, уже после свержения самодержавия, воплощенную в жизнь крестьянскую идею о создании на местах для участия крестьян в земельной реформе земельных комитетов. В.М.Чернов достаточно четко представлял себе настроения крестьянства и возможности приобщения крестьян к социализму без уничтожения их веками сложившегося жизненного уклада, не уничтожая их как класс, иными словами, пути превращения крестьян в фермеров. Это весьма важно, ибо в дальнейшем сыграло большую роль в судьбе партии и в судьбе самого Виктора Чернова.

Вместе с тем он оставался сторонником террора, что отразилось на его отношении к тактике партии после так называемого третьеиюньского государственного переворота, когда была распущена II Государственная дума и резко изменен в пользу правящих классов избирательный закон. На состояв-

шемся в июле 1907 г. III Совете партии и затем на Первой общероссийской конференции (Лондон, 21 июля — 1 августа 1908 г.), где В.М.Чернов выступил с основным докладом, было решено отказаться от участия в выборах III Государственной думы и бойкотировать ее, чтобы не поддерживать фикцию конституционного строя. Эсеры объявили III Думу реакционной, «картонной», «опереточной» и т.п. и сочли возможным использовать лишь «внепарламентские» средства борьбы. Конечно, Дума была реакционной, но в условиях поражения революции и наступления реакции было неразумно отказываться от одной из немногих оставшихся легальных возможностей выражения своих взглядов.

В резолюции «О тактике современного момента», опубликованной во втором номере редактируемого В.М.Черновым «Знамени труда», наступление реакции не рассматривалось как конец революции, в ней события 1905 — 1907 гг. трактовались как ее «пролог» и предсказывалась неизбежность нового революционного взрыва. В.М.Чернов считал революцию 1905 — 1907 гг. революцией переходного типа, которая в силу сложности стоящих перед ней задач приобрела «затяжной» характер, но не может закончиться, пока основные вопросы не будут решены. В какой-то степени он был прав — если иметь в виду, что причины, вызвавшие революцию, сохранились и, значит, сохранилась и возможность революционного взрыва. Однако именно в данный момент революция бесспорно потерпела поражение, и надежда на то, что этот взрыв произойдет в ближайшее время, была беспочвенной. Выступая за бойкот Думы, В.М.Чернов призывал эсеров идти в профессиональные союзы, кооперативы, культурные общества, отказаться от пренебрежительного отношения к работе в них. Но и подготовка к вооруженному восстанию с повестки дня не снималась, хотя в то же время в эсеровских документах подчеркивалась усталость масс, отсутствие революционного подъема, «скованность массовой народной энергии», т.е. фактически речь шла о призыве масс к действиям, к которым сами же призывавшие считали их в данный момент неспособными.

В качестве ближайших целей определялось собиранье сил партии и масс, а в качестве ближайшей задачи — усиление политического террора. Итак, опять террор как ответ на действия реакции, как основа тактики борьбы в новых условиях. В резолюции Лондонской конференции по докладу В.М.Чернова и последовавшем решении IV Совета партии указывалось, что в сложившейся обстановке следует «относиться отрицательно, из тактических соображений, к проектам частичных массовых выступлений, в которых, по условиям настоящего момента, может происходить бесплодная растрата народной энергии»,

но надо «настойчиво выступать за все те методы борьбы, которые, предполагая стовор, сами толкают массы к дальнейшей более широкой и прочной организации»²⁹. К таким действиям докладчик и делегаты и отнесли террористическую деятельность, предложив сосредоточить все силы на усилении политического террора. Предлагалось также не упускать из виду теоретическую и практическую боевую подготовку партийных масс и работу в войсках. Но ни решения, ни призывы положения не меняли. Сил у партии для их осуществления не было. Партия распадалась, из нее уходила интеллигенция. Среди эсеров, признавал Чернов, царили «идейный столбняк, состояние растерянности и недоумения»³⁰. Наблюдая этот процесс из Франции, куда он эмигрировал в 1908 г., Чернов писал, что «организация растаяла, улетучилась»³¹.

Нельзя не сказать и еще об одном факторе, содействовавшем ослаблению партии, — это столыпинская аграрная реформа, которая была направлена на разрушение общины. Выход, начиная с 1907 г. и до начала первой мировой войны, почти 2 млн крестьянских дворов из общины не мог не повлиять на отношение самих эсеров к своей программе «социализации земли», в которой община занимала центральное место. Появляются сомнения в ее правильности, а значит, в «святая святых» партии. Одна группа эсеров объявила, что «социализация» возможна и без общины, а крестьянство по своей природе класс не социалистический, другая — считала, что разрушение общины лишает «социализацию земли» смысла и надо от нее отказаться. Автор же программы пытался в этих разногласиях занять любимую среднюю позицию, заявляя, что община важна, но и в процессе ее распада у крестьян вырабатывается «аграрно-социалистическое» сознание. Получалось: и с общиной хорошо, и без нее вроде бы неплохо.

Наконец, сильнейший удар по престижу партии и лично по В.М.Чернову нанесло предательство Е.Ф.Азефа. В январе 1909 г., во время следствия по делу Азефа, ЦК объявил о своем намерении сложить полномочия, и в мае 1909 г. V Совет партии принял его отставку. Во вновь избранный ЦК В.М.Чернов уже не вошел. Он был избран в состав редакции центрального органа партии «Знамя труда». Однако и там он пробыл недолго. В 1910 г. В.М.Чернов отошел от работы в редакции, да и «Знамя труда» к этому времени стало терять роль центрального органа. После опубликования в 1911 г. «Заключения судебно-следственной комиссии по делу Азефа», в котором члены ЦК обвинялись в том, что дали возможность Азефу скрыться, он, считая, что «мы не оправдали себя как руководители и практические работники»³², вышел из редакции и из состава Заграничной делегации партии. На какое-то

время В.М.Чернов фактически вообще отошел от партийных дел, остался лишь редактором историко-партийного журнала «Социалист-революционер» и целиком занялся литературно-публицистической деятельностью.

Отстранение В.М.Чернова и реакция на него в партии были сразу же замечены полицией. «Уход Чернова из партии, — доносил из Парижа чиновник для особых поручений при министре внутренних дел 27 апреля 1911 г., — произвел в ее кругах удручающее впечатление, так как с его уходом партия лишается главного своего руководителя и писателя»³³. В это же время В.М.Чернов разошелся со Слетовой, хотя политические связи у него с ней сохранились и Слетова продолжала играть в партии крупную роль вплоть до Учредительного собрания, членом которого была избрана. Его вторая жена Ольга Алексеевна Колбасина обладала некоторым капиталом, что позволило супругам снять виллу «Парадиз» в местечке Фещано в Италии, куда они переехали из Франции и где В.М.Чернов познакомился с А.М.Горьким.

Их объединило общее стремление через издание, в котором излагались бы взгляды всех направлений социалистической мысли, способствовать объединению прогрессивных сил России. Сотрудничество привело к появлению журнала «Современник», который выходил в Петербурге в 1911—1915 гг. и в котором В.М.Чернов взял на себя руководство критическим и общественно-политическим отделами, хотя его участие в издании было весьма кратковременным. Вследствие конфликтов, возникших в редакционном совете, в конце 1911 г. Чернов вышел из состава редакции. Однако сотрудничество с А.М.Горьким на этом не прервалось. В январе 1912 г. В.М.Чернов вместе с ним, под своей редакцией стал издавать в Петербурге журнал «Заветы». Сотрудничество было прервано после публикации уже упоминавшихся произведений В.Ропшина (Б.В.Савинкова), которая привела к расторжению А.М.Горьким своего договора с журналом. В начале первой мировой войны журнал был закрыт правительством.

Партия эсеров переживала трудное время. Один из ее лидеров В.М.Зензинов писал по поводу деятельности ЦК: «Мы стремились, чтобы тлеющий огонек нашей партии не погас окончательно»³⁴. И он не погас главным образом не в результате стараний лидеров, а потому, что положение в стране не улучшилось, ни земли, ни воли крестьяне не получили, и эсеровские идеи были живы. В конце первой мировой войны ряды социалистов-революционеров и сочувствующих им стали расти, их влияние усиливалось, одновременно в связи с вступлением России в войну перед партией встали новые вопросы, и среди них кардинальный — об отношении к войне. Оно с

самого начала было неоднозначным. Партия разделилась на оборонцев, призывавших к гражданскому миру во имя победы над внешним врагом, и интернационалистов, считавших войну империалистической и выступавших за ее прекращение.

В.М.Чернов со своим учителем М.А.Натансоном заняли интернационалистскую позицию. Первым крупным шагом, открыто декларировавшим разногласия в партии и их отношение к войне, было выступление на состоявшейся в феврале 1915 г. в Лондоне конференции социалистов стран Антанты. На ней были оглашены две декларации делегации партии социалистов-революционеров, состоявшей из четырех человек. В первой, подписанной ее представителем во II Интернационале И.Рубановичем и А.Кубовым, утверждалось, что интересы русской демократии совпадают с интересами демократии европейской. Если победа Германии и Австрии будет означать «торжество силы над правом», торжество милитаризма, то победа тройственного согласия (Англия, Франция, Россия) укрепит передовые европейские демократии, «подавит одну из живейших реакционных сил Европы».

Противоположная точка зрения была изложена в декларации «второй половины» делегации, подписанной Ю.Гардениным (В.М.Чернов) и М.Бобровым (Натансон). «Конференция, по нашему мнению, должна решительно отгородиться от всяких попыток идеализации войны и надежд на то, чтобы победа в ней одной из воюющих сторон разрешила такие задачи, разрешения которых до этой войны мы ждали лишь от внутренних побед социализма и трудовой демократии», — говорилось в ней. Войну авторы объявляли злом, «которое, к сожалению, не удалось предотвратить необходимым для этого активным сопротивлением рабочих масс обеих враждующих сторон и которому необходимо скорее положить конец восстановлением их нарушенной политической солидарности и координированного политического действия». В декларации осуждалась идеализация «освободительных» и «культурных» последствий победы одной из воюющих сторон, а призыв к гражданскому миру и партийному разоружению квалифицировался как «призыв, на деле разоружающий лишь элементы, имеющие основания быть недовольными существующим порядком, связывающий руки партиям будущего, оставляющий консервативные элементы полными господами положения». Победа одной из сторон не обеспечит прочного мира, для этого необходим рост «внутри всех государств народного движения, решившего положить конец всем секретным дипломатиям, политике заговоров, тайных союзов, вооружений и безответственного ведения внешней политики»³⁵.

В июле 1915 г. в Москве было созвано совещание представителей социалистов-революционеров, народных социалистов, трудовиков, а затем в Петрограде — съезд представителей народнических течений с целью консолидации оборонцев. Участвовавшие в нем представители 30 групп из 11 городов признали неизбежность обороны от внешнего насилия и необходимость создания правительства, способного обеспечить победу. Главную роль на съезде играл лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе А.Ф.Керенский³⁶, который тогда членом партии эсеров еще не был. В.М.Чернов к организации совещания и проведения съезда отношения не имел. Он, опять вместе с М.А.Натансоном, принял участие в проходившей в сентябре 1915 г. в Швейцарии, в Циммервальде антивоенной конференции социалистических партий, одним из инициаторов которой был В.И.Ленин. На ней В.М.Чернов занял любимую центристскую позицию, выступая и против войны, и против разрыва с оборонцами. Здесь начал распадаться ранее столь дружный тандем Чернов—Натансон, поскольку последний занял более левую позицию, войдя в созданную В.И.Лениным циммервальдскую левую группу. Тем не менее правые лидеры демократических и лидеры буржуазных партий в дальнейшем не могли простить В.М.Чернову его «циммервальдизма». Принимал он участие и в конференции в Кинтале (апрель 1916 г.), являвшейся продолжением «Циммервальда».

Но, вероятно, его духовный отец более реалистично представлял себе настроение низов партии, ибо в декабре 1915 г. на Петроградской городской конференции был подвергнут резкой критике внесенный оборонцами проект резолюции об отношении к войне на том основании, что она недостаточно резко и ясно отграничивает свою точку зрения от плехановцев³⁷ и вообще лиц, призывающих к обороне страны в данный момент. И даже раздавались голоса об отделении Петроградской организации от оборонцев, а избранный в мае 1916 г. городской комитет заявил, что «Петроградский комитет всецело разделяет точку зрения, высказанную Циммервальдским манифестом, и просит заявить Бернскому интернациональному бюро о присоединении его к Циммервальдской организации». В партии, таким образом, выжились три группировки: правая — оборонцы во главе с Н.Д.Авксентьевым³⁸, ратовавшая за «войну до победного конца», левая — интернационалисты, возглавляемые М.А.Натансоном, Б.Д.Камковым³⁹, М.А.Спирidonовой, выпустившие до февраля 1917 г. до ста прокламаций с призывами «Долой войну!», «Долой самодержавие!», и центр, стремящийся примирить и правых, и левых, идеологом которого был В.М.Чернов. Поскольку центр был наиболее многочисленной частью партии (наиболее малочисленной груп-

пой вначале были левые эсеры), можно сказать, что за Черновым шла ее основная часть.

В основе центристской позиции В.М.Чернова лежала выдвинутая им теория «третьей силы». Об этом следует сказать, так как впоследствии она служила и обоснованием политики эсеров во Временном правительстве и, особенно, на начальном этапе гражданской войны. Поскольку войну ведут два «мировых политических треста», задача социалистов заключается в противопоставлении им «третьей силы». Такой «третьей силой» является международное социалистическое движение. В брошюре «Война и "третья сила"», вышедшей в Женеве в 1915 г., В.М.Чернов писал, что левое течение в социализме обязано противостоять «всякой идеализации войны и всякой ликвидации — ввиду войны — основной внутренней работы социализма». Международное рабочее движение должно вмешаться в борьбу империалистических сил, ибо только оно может стать той «третьей силой», которая заставит обе стороны прекратить войну. Однако для успешного вмешательства, для формирования «третьей силы», на что должны быть направлены усилия левых социалистов, надо на основе общесоциалистической мирной программы добиться единства движения, объединить всех — и оборонцев, и левых, и центр, и пацифистов. Вместе с тем, автор считал задачей партии эсеров и вообще социалистов «превращение переживаемого цивилизованным миром военного кризиса в кризис революционный» и призывал их переходить к «революционному наступлению на основы буржуазного господства и буржуазной собственности»⁴⁰.

Глава IV. МУЖИЦКИЙ МИНИСТР

В свое время один из очевидцев и участников Февральской революции Н.Н.Суханов¹ писал, что никто не ждал революции, все лишь что-то «предчувствовали», «ощущали», а знал лишь департамент полиции. Однако он, видимо, несколько преувеличил осведомленность полиции. Если судить по докладом министра внутренних дел Протопопова² царю, он был уверен, что дело ограничится некоторыми беспорядками, которые будут быстро ликвидированы. Не совсем прав Суханов и в оценке представлений лидеров политических партий. В.И.Ленин в 1915 г. сказал, что Россия вновь идет к революции, а В.М.Чернов не исключал возможности, что именно Россия окажется той страной, которая начнет переустройство мира на социалистических началах.

Сказанное не означает отрицания того, что Февральская революция началась стихийно и что многие политические партии не были к ней готовы. Революционная волна на своем гребне высоко взметнула партию эсеров, и это объяснялось тем, что за ней пошла интеллигенция, воспитанная на идеях народничества, крестьянство, поддерживавшее аграрную программу уравнительного землепользования, да и немалая часть рабочих. В общем, при всей стихийности вспышки следует все же иметь в виду, что дело тут не только в «мелкобуржуазной волне», подавившей пролетариат своей численностью, как было принято писать, опираясь на высказывания В.И.Ленина³. Тут сказались и предыдущая работа партии по созданию популярной программы, и личный авторитет ее лидеров, в том числе В.М.Чернова, и ее близость к настроениям средних слоев, на которых в значительной степени была рассчитана его центристская позиция. К тому времени, когда В.М.Чернов вернулся из эмиграции, партия получила большинство и заняла ключевые позиции в Советах, солдатских комитетах, профсоюзах, вступивший в нее в марте А.Ф.Керенский стал министром юстиции Временного правительства.

8 апреля 1917 г. через Стокгольм В.М.Чернов с группой эсеров вернулся в Петроград. Повторилась знаменитая картина: апрель, Петроград, Финляндский вокзал, огромная толпа встречающих, броневик. Опять имена лидера эсеров и лидера большевиков оказываются рядом. Первое выступление В.М.Чернова состоялось сразу по возвращении в Петроград-

ском совете. Свой первый доклад он посвятил не аграрному вопросу, а вопросу о войне, и, хотя он только что вступил на российскую землю, его доклад уже отразил назревание правительственного кризиса. В.М.Чернов, отметив огромное впечатление, которое произвели на Западную Европу призывы Совета к демократическому миру, сказал далее, что в Европе нашли распространение и заявления министра иностранных дел П.Н.Милюкова противоположного характера. В результате создалось впечатление, что Временное правительство в основном вопросе расходится с Советом, а декларация правительства об отказе от империалистических целей войны прошла незамеченной. Исходя из этого, В.М.Чернов предложил потребовать от правительства, чтобы оно официально, в форме дипломатической ноты передало союзникам свое «Обращение к гражданам России». После речи В.М.Чернов был включен в состав контактной комиссии, которая 11 апреля поставила этот вопрос перед Временным правительством.

И.Г.Церетели писал об этом визите будущего министра: «Это была одна из самых дружеских наших встреч с правительством. Чернова, впервые появившегося в Маринском дворце, члены правительства поздравляли с приездом, некоторые из них вспоминали о прежних с ним встречах, расспрашивали о положении на Западе... Сейчас же после открытия заседания Чернов подробно обосновал наше предложение. Предвидя возражения Милюкова, он особенно настаивал на том, что предлагаемый нами шаг ни в коем случае не подвергает опасности прочность нашей связи с западными союзниками... Он указывал, что заявление правительства революционной России об отказе от старых, империалистических целей будет встречено там с сочувствием и поставит там в порядок дня, в самой благоприятной для нас форме, вопрос о пересмотре общесоюзнических целей войны»⁴.

На этом заседании правительства В.М.Чернов разъяснил, что в пояснительной ноте неприемлемо «не отгораживание от сепаратного мира (революционная демократия и в то время единодушно отвергала эту идею), а выдвижение лозунгов, под знаменем которых империалисты всех стран боролись с нашими демократическими лозунгами общего мира». Вместе с тем В.М.Чернов не выдвинул требования об отставке П.Н.Милюкова с поста министра иностранных дел, а ограничился тем, что в «сдержанной форме», отдавая должное его научным заслугам, «сделал указание, скорее для будущего, чем для настоящего» (по мнению И.Г.Церетели), что он «мог бы быть более полезен стране в роли министра просвещения, чем в роли министра иностранных дел»⁵. Что скрывалось за этой репликой? То ли действительное мнение, что в сложившейся

обстановке П.Н.Милюков не справится с обязанностями министра иностранных дел, то ли вежливый намек на то, что ему следует уйти в отставку, то ли, наконец, что, предвидя правительственный кризис, Виктор Михайлович деликатно намекал на возможность предоставления ему самому занимаемого Павлом Николаевичем поста. Наверное, не просто случайность, что свои первые выступления по возвращении в Россию он посвятил не аграрному вопросу, а вопросу о войне. Так же как не случайно при начале переговоров о коалиционном правительстве предполагалось, что В.М.Чернов займет в нем пост не министра земледелия, а министра иностранных дел.

Переговоры о вхождении социалистов в состав правительства начались без В.М.Чернова. Апрельский кризис, поводом для которого послужила вызвавшая возмущение народа нота П.Н.Милюкова правительствам союзных держав о верности союзническим обязательствам, застал его в Москве. Но как только он вернулся в Петроград, его немедленно включили в качестве представителя партии эсеров в делегацию Исполкома Петроградского Совета, которой было поручено вести переговоры о формировании правительства. Изменив свою позицию уже на заключительной их стадии, В.М.Чернов заявил, что «в эсеровских и вообще народнических кругах то ограниченное количество мест, которое правительство предлагало советским представителям, вызовет большое недовольство. Мы подчинимся решению Исполнительного Комитета не требовать социалистического большинства в коалиционном правительстве. Но нужно добиваться увеличения мест советских представителей, прежде всего перехода в их руки Министерства внутренних дел и Министерства продовольствия»⁶.

Под давлением Петроградского Совета Министерство земледелия, вопреки сопротивлению возглавлявшего его в первом составе Временного правительства кадета А.И.Шингарева⁷, было разделено на министерство земледелия, в котором портфель министра получил 1 мая В.М.Чернов, и министерство продовольствия, главой которого стал лидер партии народных социалистов А.В.Пешехонов⁸.

Первоначально при обсуждении возможного состава будущего коалиционного правительства предполагалось, что В.М.Чернов войдет в него в качестве министра иностранных дел. Такое предложение исходило, в частности, от Натансона, представлявшего левое крыло партии эсеров. Однако Чернов от этого поста отказался, мотивируя отказ тем, что он как автор аграрной программы партии должен заниматься подготовкой аграрной реформы, осуществлением на практике социализации земли. Но главной была, пожалуй, другая причина: он считал, что назначение его, социалиста-интернационалиста, министром

иностранных дел вызовет тревогу правительств союзных держав и тех кругов общества, которые отрицательно относились к общей международной идеологии социалистов. И в этом отношении В.М.Чернов был совершенно прав — в указанных кругах никак не хотели простить его «циммервальдизма».

Приступая к исполнению обязанности министра земледелия в первом коалиционном правительстве, В.М.Чернов понимал, что положение у него будет не из легких, поскольку большинство в правительстве принадлежало его противникам (6 «министров-социалистов» и 10 «министров-капиталистов»), включая главу правительства князя Г.Е.Львова⁹. Вероятно, поэтому он поставил в качестве условия своего вхождения в состав Временного правительства предоставление министерского портфеля меньшевику-интернационалисту, своему другу И.Г.Церетели. Вместе с тем он недостаточно реально оценивал роль и возможности министров-социалистов в правительстве. Об этом говорит его речь на заседании Петроградского совета. После доклада о создании коалиции, с которым выступил его председатель Н.С.Чхеидзе¹⁰, резко против участия в правительстве социалистов выступил Л.Д.Троцкий, заявивший, что считает коалиционную политику ошибкой, «буржуазным пленением Совета». В.М.Чернов объявил его «страхи» абсолютно необоснованными, поскольку при существующем в революционной России соотношении сил советская демократия, войдя в правительство, становится его направляющей и движущей силой. Эта иллюзия сохранялась у него так же недолго, как недолго в его руках находился портфель министра.

Л.Д.Троцкий оставил интересную запись о том, какое впечатление на слушателей произвела речь его оппонента. «На фоне общего моего впечатления от официальной февральской России, от тогдашнего меньшевистско-эсеровского Петроградского совета, — писал он в своих воспоминаниях, — вырисовывается и сейчас, точно это было вчера, одна физиономия эсеровского делегата. Ни кто он, ни откуда он я не знал и не знаю. Должно быть, из провинции. Видом он был похож на молодого учителя из хороших семинаристов. Курносое, почти безусое лицо, простовато-скуластое, в очках... Чернов объяснял, почему именно он и другие вошли в правительство... Семинарист глядел на оратора глазами сосредоточенного обожания. Так должен чувствовать и смотреть верующий богомolec, попавший в пресловутую обитель и сподобившийся услышать поучения пресвятого старца... — Вот как она выглядит, наша, или, вернее, их революция! — говорил я себе на этом первом увиденном и услышанном мною Совете 1917 г. ...Это лицо навсегда осталось в памяти, как образ февральской револю-

ции — ее лучший образ, простовато-наивный, низовой, мещанско-семинаристский»¹¹.

Эпизод, описанный Троцким, оставляя в стороне свойственную автору иронию, говорит о популярности В.М.Чернова и о том, почему для партии эсеров его участие в правительстве было так важно. «Популярность Чернова в партии и крестьянских массах была так велика, — пишет И.Г.Церетели, — что всякий раз, как партия ощущала потребность собрать воедино свои силы и бросить их на защиту какой-либо решающей политической акции, вся партия, за исключением левых эсеров, объединялась вокруг Чернова. Так это было и при образовании коалиционного правительства. Ни у кого в рядах партии, даже среди правых социалистов-революционеров, не было сомнения, что партию должен был представлять в правительстве Чернов, только участие которого и могло обеспечить правительству максимальную поддержку партийных кадров и крестьянской массы»¹².

Замечание о «даже правых социалистах-революционерах» брошено не случайно. Среди эсеровских руководителей у Чернова было немало противников, в том числе относительно влиятельная группа крайних правых, сложившаяся в эмиграции вокруг газеты эмигрантов-оборонцев «Призыв». Фактически это была оппозиционная фракция в заграничной организации эсеров, которую возглавлял Чернов, примкнувший к циммервальдистам. Февральская революция объединила противников на платформе советской демократии, но не до конца, и Чернов подвергался нападкам правых социалистов-революционеров.

Дать согласие на участие партии в правительственной коалиции, как и вообще определить ее политическую линию должен был III съезд социалистов-революционеров, проходивший в Петрограде в мае — июне 1917 г. На этом съезде В.М.Чернов выступил с докладом о войне, который он сделал в осложнившейся внутрипартийной обстановке. В партии появилась быстро набиравшая силы левая оппозиция (нелишне заметить, что в числе ее лидеров был учитель Чернова М.А.Натансон), и главным вопросом, по которому левые эсеры разошлись с правыми, был вопрос о войне. Отражением сложившейся ситуации было то, что на съезде наряду с докладом В.М.Чернова прозвучал содоклад одного из лидеров левой оппозиции Б.Д.Камкова, который резко отверг основной тезис докладчика об изменении империалистического характера войны после победы Февральской революции. «Хотим мы этого или не хотим, но такова логика вещей, что поскольку существует империалистическая коалиция и поскольку мы не можем себя ис-

ключить из коалиции... постольку, принимая участие в этой войне, мы ведем войну империалистическую»¹³.

В.М.Чернов не ограничился вопросом об отношении к войне. В своем докладе он дал характеристику Февральской революции и расстановки политических сил после нее. «Россия, — говорил он, — выскочила из рамок чисто буржуазного государства... В основе основ русской экономической жизни, в жизни деревни, в земледелии зреет переворот, который будет брешью в буржуазном праве, который будет закладывать кирпичи в фундамент нового трудового права, нового правотворчества»¹⁴. Таким образом, он не считал Февральскую революцию чисто буржуазной. Его точка зрения на нее в известной степени совпадает с точкой зрения большевиков, утверждавших, что она зашла дальше буржуазно-демократической, но не дошла до социалистической. Однако более четко эту во многом совпадающую с выводом В.И.Ленина мысль В.М.Чернов выразил несколько позже. Таковы были рассуждения главного теоретика партии, а на практике он рассматривал революцию именно как буржуазную, которую в силу ее характера следует делать вместе с буржуазией. Фактически эсеры, ранее утверждавшие, что буржуазная революция в России невозможна, так как российская буржуазия слишком реакционна, теперь встали на точку зрения меньшевиков, призывавших к союзу с буржуазией.

Впрочем, некоторые лидеры меньшевиков говорили, что, наоборот, глава меньшевиков-интернационалистов Ю.О.Мартов «распял себя между Лениным и Черновым» или что меньшевики оказались «зажатыми между эсерами и кадетами». Впоследствии многие меньшевистские деятели любили повторять эту мысль для того, чтобы возложить главную ответственность за свое поражение на эсеров, в том числе их лидера.

В.М.Чернов назвал III съезд эсеров «великим праздником» партии, вышедшей на авансцену истории. Он не отрицал, что война до крайности обострила все противоречия Российской империи и поэтому революция и перешла границы буржуазной, но в то же время утверждал, что «железная логика войны» не позволяет России «выскочить из ада», и призывал поддерживать Временное правительство. Против участия в коалиционном правительстве выступила лишь часть левых эсеров (против было подано 27 голосов, хотя левых эсеров на съезде было 42 делегата). Но и левые, тем не менее, не предлагали отозвать из правительства министров-эсеров В.М.Чернова и А.Ф.Керенского.

Как показал съезд, в партии явно обозначались три группировки — правая, левая и центр, который возглавлял Чернов. Пока именно центр определял политику партии в целом. Это

показали и выборы ЦК — первым в него вошел В.М.Чернов, от левых был избран один М.А.Натансон, а военный министр А.Ф.Керенский был «прокачен» 138 голосами против 136.

Перед В.М.Черновым, как признанным лидером, вставала задача борьбы за сохранение единства партии. А то, что он пользуется большим авторитетом, сохраняет положение лидера, показал состоявшийся в мае 1917 г. I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. При выборах Центрального исполнительного комитета за В.М.Чернова было подано 810 голосов (кстати, эсеров на нем было 537 из 1115 делегатов), за ним шел А.Ф.Керенский — 804 голоса, а кандидаты от левых эсеров М.А.Спиридонова и Б.Д.Камков получили: первая — 7, а второй — 10 голосов.

На этом съезде В.М.Чернов, выступая уже как министр земледелия, заявил, что подготовлен проект о запрещении земельных сделок и министр юстиции уже дал телеграмму на места об их приостановлении. Причем сообщение было выдержано в таком тоне, как будто вопрос можно считать в принципе решенным. Но Чернов заблуждался, и его оптимизм был не оправдан — закон принят не был. Как раз в этот момент на сессии Главного Земельного Комитета развернулась дискуссия вокруг слова «все» — «все земли переходят к трудовому земледельческому населению» — за его исключение под влиянием кадетов проголосовало большинство комитета. Чернов потребовал вторичного голосования и, казалось бы, достиг успеха — на этот раз большинство проголосовало за сохранение формулировки в первоначальном виде, но противодействие принятию законопроекта в общем лишь усилилось. Министр признавал, что земельные законопроекты министерства и Главного Земельного Комитета вызывают ожесточенное сопротивление. Одни вообще не выходят за пределы разрабатывающих организаций, другие публикуются с большим опозданием и «изрядно помятые» многочисленными купюрами, третьи лежат в недрах правительства и никак не могут дожидаться утверждения. Он назвал и главных противников — Постоянный Совет объединенных дворянских обществ, местные съезды земельных собственников, крупная финансовая буржуазия.

Крестьянские требования об изъятии земель из товарного оборота соответствовали черновской аграрной программе, и 17 мая министр юстиции П.Н.Переверзев запретил старшим нотариусам до особого распоряжения оформлять акты о продаже земли. Это и имел в виду министр земледелия, говоря о телеграмме своего коллеги по правительству. Он подготовил законопроект «О мерах к сохранению неприкосновенности земельного запаса», который не был принят из-за протестов указанных В.М.Черновым органов, к которым лишь сле-

дует добавить Частное совещание Государственной думы, еще не утратившее своего влияния на правительство¹⁵.

В то же время позиция автора «социализации земли» в этой ситуации была двойственной, поскольку он решительно выступал против самовольного захвата крестьянами частновладельческих земель. Во-первых, утверждал В.М.Чернов, захват помещичьей земли внесет в и без того расстроенное народное хозяйство еще больше сумятицы и, во-вторых, создаст определенные трудности для осуществления в дальнейшем программы уравнилельного землепользования, т.к., безусловно, взятую уже землю будет весьма сложно (если не невозможно) изъять и пустить во всеобщий «черный передел». В итоге может вспыхнуть борьба за землю. «Вот вам решение аграрной проблемы. Здесь может быть различный метод — метод сепаратного разрешения земельного вопроса на отдельных местах, отдельными явочными действиями, отдельными захватами, пусть, — прибавим это магическое всеспособное слово — "организованными", — говорил министр 5 июня, обращаясь к делегатам I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. — Но это остается тем же сепаратным, тем же розничным методом разрешения колоссальных проблем, стоящих перед русской революцией, тем же розничным методом, который грозит не упростить, а усложнить дело, которое новой Россией должно быть сделано... В пределах одной волости могут быть громадные имения, на которые с завистью посмотрят несколько соседних волостей. И, кроме того, товарищи, не ясно ли вам, что если бы этим сепаратным путем подошли бы к разрешению аграрной проблемы России, то по всей армии, по всему фронту поднялся бы крик: "Землю уже делят! Если мы не поспеем к дележу, то мы останемся обделенными". И получился бы, быть может, сплошной побег с фронта, чтобы не опоздать к дележке. И что же, это облегчило бы наши задачи или затруднило бы во много раз?»¹⁶.

Увещевания лидера эсеров воспринимались руководством партии, большинством делегатов съезда, но не крестьянством. Резолюция Всероссийского съезда крестьянских депутатов, выступление «мужицкого министра» на съезде рабочих депутатов, на пленумах Главного земельного комитета трактовались ими как призыв к отобранию земли у помещиков. На него ссылались агитаторы на местах, призывая к захвату помещичьих имений. «Довольно мы вас слушали, земля теперь наша крестьянская и министр крестьянский. В комитете есть от него указание». Эта своеобразная ситуация осложняла положение Чернова в правительстве. Его премьер Львов говорил по этому поводу, что помимо Чернова в правительстве есть еще пять министров-социалистов, «но ни об одном из них нет таких разго-

воров. А вот о Чернове так думают, и так говорят, и дело не ограничивается разговорами»¹⁷.

В.М.Чернов, выражаясь современным языком, и так стоял на левом фланге коалиционного правительства, а крестьянами, сам того не желая, был отодвинут еще левее. С его деятельностью деревня связывала решение аграрного вопроса в пользу крестьянства, в то время как кадеты рассматривались как «враги народа» (термин, получивший хождение в России в то время). Сам В.М.Чернов считал свою деятельность в этой области основной, и в правительстве его главная борьба с «правой» частью развернулась вокруг аграрного вопроса, который по-прежнему оставался одним из острейших. Как член правительства он занимался и другими вопросами, и в первую очередь вопросом о войне. На этом же съезде Советов рабочих и солдатских депутатов бывший кандидат в министры иностранных дел выступил с большой речью по поводу письма лидера английской Независимой рабочей партии (лейбористов) Макдональда¹⁸, в которой изложил свою точку зрения на соотношение правительственной и общественной внешнеполитической деятельности.

«Поставивши перед Англией, внутри Англии демократию и правительство лицом к лицу перед вопросом (о пересмотре целей войны. — К.Г.), на который правительство должно ответить, а демократия должна проверить этот ответ и определенным образом отнестись к нему, — говорил В.М.Чернов, — наше предложение имеет, с нашей точки зрения, одну задачу: облегчить действия социалистических демократий этих стран. На это наша надежда: если она не подоспеет, то тогда наше дело переговоров с дипломатами безнадежно... Вот почему, товарищи, совершенно нет никакой необходимости в дипломатическом порядке идти быстрее, чем мы можем идти в порядке интернационального, социалистического, демократического, рабочего классового действия»¹⁹. Таким образом, Чернов как интернационалист отдаст приоритет демократическому движению перед дипломатическими мерами правительств и, более того, ставит успех вторых в прямую зависимость от первого. С другой стороны, он косвенно оправдывает медлительность Временного правительства и категорически выступает против ультимативности требований к союзникам. «Как форсировать переговоры с союзниками? Чем? — задает оратор риторический вопрос. — Поставить им ультиматум, говорят нам... Наш ультиматум, ультиматум нашим союзникам, что он может дать?» Чернов полагал, что на однозначный ответ союзников «да» или «нет» рассчитывать не приходится, а именно на такой ответ рассчитывали сторонники ультимативной постановки вопроса. «Но, товарищи, если они ответят не простым "да"

или простым "нет", а, например, следующим простым путем они ответят: "С великими державами не разговаривают ультиматумами"? Если они так ответят и просто не примут никакого разговора?.. Скажет ли нам спасибо Независимая рабочая партия и британская социалистическая партия Англии? Легче ли нам будет вести войну со своим империализмом, или этот гордый ответ британского правительства правительству России поставит их в более трудное положение?»²⁰

Следует заметить, что В.М.Чернову не были чужды и надежды на революцию в странах — противниках России. В частности, он об этом говорил в беседе с послом Англии в России Бьюкененом²¹, во время организованной по просьбе посла встречи с министрами-социалистами. Министр сказал Бьюкенену, считавшему революцию в Германии невозможной, что и в России вплоть до февральских дней многие считали революцию утопией, а на возражение собеседника против этой аналогии, поскольку, дескать, среди русского народа разрасталось брожение, ответил, что на поверхности русской жизни накануне Февральской революции настроения масс проявлялись не сильнее, чем они проявляются сейчас в Германии.

Многочисленные выступления по вопросам войны и мира создали Чернову в глазах демократических политиков весомый авторитет, и, когда российскими социалистическими партиями была предпринята попытка созвать в Стокгольме международную конференцию социалистов по вопросу о войне, ВЦИК, членом которого Чернов был избран на съезде, назначил его докладчиком об условиях мира. Активное участие министра земледелия в решении внешнеполитических проблем было вызвано тем, что он хорошо отдавал себе отчет в кардинальном значении вопроса о прекращении войны и по возвращении в Россию заявил в газете «Дело народа»: «Или эта революция съест войну, или война съест революцию».

Пребывание на министерском посту было непродолжительным в первую очередь потому, что позиция В.М.Чернова в аграрном вопросе была неприемлема для кадетов и других «министров-капиталистов», хотя по ряду вопросов она в общем-то была компромиссной. 12 июля Временное правительство передало совершение земельных сделок на усмотрение губернских земельных комитетов с последующим утверждением министром земледелия. Этот компромисс не удовлетворял ни землевладельцев, считавших, что он ущемляет их право собственности, ни крестьян, требовавших полного запрещения сделок.

С одной стороны, В.М.Чернов хотел сохранить коалицию с буржуазными партиями и неоднократно выражал опасение, что в ответ на чрезмерные требования они могут отойти от управления страной и демократии придется в обстановке промышленно-

го, финансового, продовольственного кризисов взять на себя всю ответственность и все бремя власти, преодолевая сопротивление буржуазии. И в этой позиции отражалась опять-таки роль войны. Среди лидеров социалистической демократии широко распространилось убеждение, что во время войны необходим союз всех партий и власть должна принадлежать правительству, выражающему интересы всех слоев населения. Создание коалиционного правительства расценивалось как великое достижение революции. А если так, то, естественно, надо приложить максимум усилий для сохранения коалиции.

С другой стороны, связывая решение аграрного вопроса с Учредительным собранием, в руках которого будут сосредоточены «все судьбы страны», он понимал, что, если решение аграрного вопроса будет оттягиваться, это может привести к политическому кризису. Таким образом, устанавливалась прямая связь между отсрочкой созыва Учредительного собрания и оттяжкой решения вопроса о земле. Исходя из стремления предотвратить кризис, министр ставил срок созыва Учредительного собрания в прямую зависимость от сельскохозяйственных работ. «Учредительное собрание должно быть создано к Покрову (1 октября. — К.Г.), но не позднее ноября месяца, — говорил он. — Лишь при этом условии собрание сможет выработать за зиму основные законы, в том числе закон о земле»²². Практически же В.М.Чернов, поддержанный «министрами-социалистами» Церетели, Скобелевым, Керенским, добивался проведения собрания в сентябре 1917 г.

Однако решить свою главную задачу — продержаться хотя бы до сентября, если Учредительное собрание, вопреки многочисленным препонам, в сентябре все же соберется, министру было не просто. Тем более, что, по его мнению, крестьянским представителем следовало прийти на него не только с лозунгами, а с вполне обоснованными требованиями и программой решения земельного вопроса. Органами подготовки аграрной реформы должны были стать земельные комитеты, создание которых он считал второй основополагающей задачей своего ведомства. Наконец, третья задача, пожалуй, наиболее трудная, — улаживать, вплоть до принятия закона о земле, земельные конфликты.

В.М.Чернов видел, что в правительстве господствует тенденция отодвинуть решение аграрного вопроса и избежать радикальных мер, к которым относили в первую очередь эсеровскую программу уравнительного землепользования, и считал ее опасной. «Если что-либо могло толкать деревню к захватам и явочному местному законодательству, так это именно вечное запаздывание с законами, потребность в которых назрела, постоянное отставание от жизни и слепое упорное стремление

как-нибудь пассивно отсидеться от событий, как-нибудь дотянуть решительно во всем до Учредительного собрания. Мои законопроекты имеют целью ввести в закономерное русло ту местную общественную самодеятельность, которая иначе неизбежно выходит из берегов и, как половодье, многое разрушает»²³, — разъяснял В.М.Чернов свою позицию. В случае, если требования эсеровской аграрной программы не будут осуществлены сразу, в качестве революционной меры, партия в своей аграрной политике должна добиваться возможного приближения к полному удовлетворению ее требований, поддерживая соответствующие переходные меры. Вокруг предложенных Черновым законопроектов или «переходных мер», которые должны были сдерживать крестьянские выступления, подготовить почву для рассмотрения вопроса о земле на Учредительном собрании и обеспечить, в той или иной мере, устойчивость правительства, и развернулась борьба, завершившаяся поражением В.М.Чернова.

Свою деятельность на посту министра В.М.Чернов начал с подбора сотрудников и создания структур, которые могли бы поддержать его программу. Так, в апреле 1917 г. была образована «Лига аграрных реформ» — общественная, межпартийная организация, уже в названии которой просматривалась связь с некогда возглавлявшейся им «Аграрно-социалистической Лигой», основывавшейся на признании международного социализма и отрицании частной собственности на землю. Кстати, в оргкомитет «Лиги аграрных реформ» вошел А.В.Чаянов²⁴, впоследствии известный экономист, противник сталинской коллективизации сельского хозяйства, незаконно репрессированный, в частности, по обвинению в приверженности к аграрной программе эсеров.

Основными учреждениями, на которые возлагалась подготовка земельной реформы, должны были стать созданные с этой целью, а также для «разработки неотложных временных мер вплоть до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием», Главный земельный комитет при министерстве земледелия и сеть земельных комитетов на местах.

Однако позиция В.М.Чернова, его попытки решения аграрного вопроса были встречены резкими нападками как справа, так и слева, но главным образом справа, со стороны и министров-несоциалистов, и лидеров буржуазных партий. С первых же дней начались столкновения между В.М.Черновым и премьером правительства Г.Е.Львовым. Причиной конфронтации стал законопроект о запрещении земельных сделок и выступления министра земледелия на I Крестьянском съезде и I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Вскоре после вступления в правительство он внес предложение

законодательно запретить куплю-продажу земли и подготовил соответствующий законопроект, одобренный Главным земельным комитетом, поскольку считал, что министерство должно действовать в тесном контакте с этим комитетом и Советом крестьянских депутатов. В духе законопроекта, но в более резкой форме была выдержана и принятая при его активном участии резолюция I Крестьянского съезда. В ней, в частности, было записано, что все земли, без исключения, должны перейти в ведение земельных комитетов, с предоставлением им права определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, укоса лугов и т.д. Под контроль земельных комитетов предлагалось поставить использование сельхозинвентаря, распределение военнопленных (военнопленные направлялись в крестьянские и помещичьи хозяйства для выполнения сельхозработ), установление арендной платы, хранение хлебов, сбор сена, улов рыбы, заготовку леса. Пункт в резолюции гласил: «В интересах неприкосновенности земельного запаса, которым можно располагать для будущей аграрной реформы, необходимо строгое и неуклонное, под контролем земельных комитетов, проведение в жизнь запрета купли-продажи, дарения, перевода по завещанию и залога земли до Учредительного собрания. Все же сделки, совершенные после 1-го марта и до издания запрета, должны считаться недействительными»²⁵.

Реакция землевладельцев на резолюцию и предложение В.М.Чернова была недвусмысленной. «Мы знаем, что передел наших земель неизбежен, — говорил председатель Союза земельных собственников на Московском государственном совещании. — Но мы заявляем, что примиримся скорее с "черным переделом" (имеется в виду аграрная программа народников. — К.Г.), чем с черновским переделом»²⁶. Острота оратора достаточно ясно выражает отношение землевладельцев не только к резолюции и законопроекту, но и лично к Чернову.

Премьер-министр в беседе с тремя другими министрами-социалистами в достаточно резкой форме выразил свое отношение к выступлениям Чернова в Главном земельном комитете и на Крестьянском съезде и к принятой при его участии резолюции Всероссийского Совета крестьянских депутатов, которые якобы привели к самым тяжелым для сельского хозяйства последствиям. Основываясь на них, «земельные комитеты присвоили право вторгаться в права землевладельцев, которые могут быть отменены или ограничены только постановлениями Учредительного собрания. Это ведет к обострению отношений между помещиками и крестьянами и к разрушению всякого порядка в деревне»²⁷. Обвинив министров-социалистов в сохранении явочным порядком решения по вопросу, где требуется постановление всего правительства, он предложил опублико-

вать за своей подписью и подписью В.М.Чернова правительственную декларацию, объявляющую недействительными решения земельных комитетов, которые ограничивают права землевладельцев более, чем предусмотрено действующим законодательством и решениями правительства.

Премьер считал, что Чернов и его сотрудники ведут двойную игру. Они не призывают открыто к захвату помещичьих земель и на словах защищают порядок в деревне, а на деле используют аппарат министерства земледелия для распространения среди крестьян убеждения, что частная собственность на землю уже отменена и поэтому они могут не считаться с правами землевладельцев. Подчеркивая свое непримиримое отношение к политике министра земледелия, глава Временного правительства, обращаясь к министрам-социалистам, предупредил, что правительству придется сделать выбор между ним и Черновым.

Позицию председателя правительства нельзя объяснить каким-то особым упорством В.М.Чернова. Возражая против обвинений Львова, Чернов говорил, что располагает десятками и сотнями постановлений земельных комитетов, где вопрос о вырубке леса, о распределении живого и мертвого инвентаря решается весьма разумно, что большинство земельных комитетов принимают решения не о запрещении, а о контроле за рубкой леса, о передаче крестьянам не всего рабочего скота, а лишь его излишков, обеспечивая землевладельцам полную возможность продолжать нормальную эксплуатацию своего хозяйства. Стремления к изменению уклада сельскохозяйственной жизни «нельзя остановить ни запрещениями, ни репрессиями, — разъяснял он свою позицию. — Долг революционного правительства дать этому стремлению такое удовлетворение, которое обеспечивало бы улучшение положения крестьянства и рациональное использование хозяйственной площади»²⁸.

В.М.Чернов не требовал отставки Львова, ценил его как крупного земского деятеля, опыт которого для правительства несомненно полезен. Он подчеркивал, что именно правительством Г.Е.Львова был создан Главный земельный комитет, без согласия которого министерством не проводилось ни одного мероприятия. Чернов пытался доказать ему, что прекращение спекуляции землей и предотвращение фиктивных сделок, заключаемых с намерением изъять ее из общего фонда, на который будет распространяться закон Учредительного собрания о переходе земли в руки трудящихся, — единственная цель законопроекта. Если же какая-либо сделка необходима в интересах развития экономики страны, правительство всегда сможет сделать для нее исключение.

Он пытался прийти к соглашению с Львовым, найти компромиссное решение. «Я готов идти дальше в устранении всех возможных недоразумений по вопросу о применении законопроекта министерства земледелия. Я согласен изменить текст законопроекта, указав в нем, что вопрос идет не об абсолютном запрещении земельных сделок, а лишь о том, что каждая отдельная сделка может осуществляться лишь с разрешения государственных органов, ведающих вопросами сельского хозяйства, т.е. что каждый акт перехода собственности может быть проведен лишь по постановлению местного земельного комитета, получившего утверждение министерства земледелия»²⁹.

Но все попытки провести через правительство законодательные меры переходного характера, в какой-то степени ограничивающие земельных собственников, отвергались большинством голосов несоциалистических министров. Только постановление об отмене направленных против общины столыпинских законов было единогласно принято, хотя, между прочим, в проекте земельной реформы, представленном В.М.Черновым, было оговорено, что «во всех областях, где крестьянство в своем большинстве выскажется за индивидуальное хозяйство, это их требование должно быть удовлетворено демократическими органами, в ведение которых будет передан отчужденный от прежних собственников земельный фонд»³⁰. И эту поправку Львов не принял, поскольку, по его мнению, она ничего не меняла, т.к. требование разрешения на сделку земельного комитета ущемляет права землевладельцев, и заявил о своей отставке.

Июльский кризис Временного правительства разворачивался на фоне растущего недовольства широких слоев его политикой, чем воспользовались большевики для организации антиправительственной демонстрации 3—4 июля, фактически представлявшей собой пробу сил, попытку взять власть. Во время июльских событий кронштадтские матросы пытались арестовать В.М.Чернова. Вот как описывает этот эпизод И.Г.Церетели. «Попытка ареста Чернова была произведена около 3-х часов дня кронштадтскими матросами, пришедшими со своими большевистскими плакатами к Таврическому дворцу. Чернов вышел к матросам, чтобы обратиться к ним с речью. Он им сказал, что кадетские министры ушли из правительства, так как они не захотели осуществлять демократическую программу, выработанную правительством по согласованию с Советами. "Об этом уходе, — сказал Чернов, — мы не жалеем, скатертью им дорога". Тут Чернова стали перебивать из толпы: "А почему Вы этого не говорили раньше? Почему вы с ними сидели в правительстве?" Эти крики возбудили толпу, возгласы становились

все более и более враждебными и делали невозможным для Чернова продолжать речь. После нескольких безрезультативных попыток успокоить толпу Чернов крикнул им, что если они не хотят его слушать, то он не станет с ними говорить, и повернулся, чтобы вернуться во дворец. Тогда несколько матросов схватили его за руки и усадили в стоящий перед дворцом автомобиль, чтобы увезти с собой арестованного.

Присутствовавшие при этом члены Петроградского совета вбежали в комнату Исполнительного комитета с криком: "Матросы арестовали Чернова и хотят его увезти". Эти крики вызвали у присутствующих сенсацию и тревогу, причем наибольшую тревогу проявили находившиеся тут большевики и члены левой оппозиции. Чхеидзе предложил представителям левой оппозиции Каменеву, Мартову, Луначарскому и Троцкому выйти немедленно к матросам и освободить Чернова. Все они бросились к месту происшествия, где еще стоял автомобиль с сидевшим в нем Черновым, и Троцкий, взобравшись на крышу этого автомобиля, обратился к окружающей толпе матросов со следующими словами: "Вы поспешили сюда, красные кронштадтцы, лишь только услышали о том, что революции грозит опасность! Красный Кронштадт снова показал себя как передовой борец за дело пролетариата. Да здравствует красный Кронштадт, слава и гордость революции..."

Вы пришли объявить свою волю и показать Совету, что рабочий класс больше не хочет видеть у власти буржуазию. Но зачем мешать своему собственному делу, зачем затемнять и путать свои позиции мелкими насилиями над отдельными случайными людьми? Отдельные люди не стоят вашего внимания..."

Видя колебания арестованных Чернова матросов, Троцкий крикнул толпе: "Кто тут за насилие, пусть поднимет руку". И так как никто руки не поднял, Троцкий соскочил с крыши автомобиля и, обращаясь к Чернову, сказал: "Гражданин Чернов, вы свободны". И Чернов вернулся обратно во дворец». Интересно, что, по свидетельству Н.Суханова, освобождение Троцким Чернова вызвало у матросов недоумение³¹.

Последнее замечание автора воспоминаний вполне понятно. Оно отражает мнение И.Г.Церетели, а такой точки зрения придерживался и Чернов, что июльские события не что иное, как попытка большевиков захватить власть, и что одной из акций должен был стать арест ряда министров. Если считать, что задержание матросами Чернова входило в эту акцию, то поступок Троцкого действительно мог вызвать недоумение. И.Г.Церетели не называет прямо Чернова как потенциального арестанта, однако подчеркивает, что большевики учитывали попу-

лярность В.М.Чернова и видели, какое впечатление производили его выступления на солдат и крестьян, и поэтому «имя Чернова не сходило со страниц "Правды" и служило предметом постоянных нападок В.И.Ленина, как имя одного из самых ненавистных представителей большинства советской демократии»³². Считая, что лидер эсеров был на ее левом фланге, И.Г.Церетели в то же время особо отмечает, что в нем «при всей подчеркнутой левизне... не было и капли большевизанства, подобного тому, какой был у "левых эсеров". Всякий раз, когда большевики и их союзники открывали атаку против демократии, Чернов, не колеблясь, бросался в бой и был одним из тех, кто с наибольшей решительностью отражал их атаки». Он приводит разговор с Виктором Михайловичем, который говорил ему: «Я левее вас, но это здоровая мужицкая левизна, которая не ослабляет, а укрепляет в борьбе с большевизмом»³³.

Впрочем, это не помешало тому же Ираклию Георгиевичу обвинить своего соратника в том, что тот, хотя и видел угрозу революции и справа, и слева, не придавал должного значения опасности слева, не учитывал ее удельного веса и все внимание сосредоточил на противниках демократии справа. В своих статьях в «Деле народа» он обличал «контрреволюционные устремления максимализма», и даже своим участием в правительстве Чернов якобы тяготился, и не только потому, что не имел влечения к правительственной работе, но и потому, что с большим трудом «мирился с необходимостью коалиции с несоциалистическими кругами»³⁴.

В споре с кадетами министры-социалисты поддерживали Чернова. Они считали социалистов-революционеров самой многочисленной (по некоторым данным, они насчитывали 500 тыс., а по другим — 1 млн членов. Точных данных нет, но во всяком случае число членов находится где-то между этими двумя цифрами) и самой влиятельной партией. «Легко понять, — пишет И.Г.Церетели, — какую цену придавала революционная демократия пребыванию в правительстве Чернова, признанного вождя этой партии, ставшего в глазах огромного большинства крестьянства олицетворением их демократических стремлений»³⁵. Социалистические партии, входившие в коалицию, считали, что единственно возможным выходом из конфликта с буржуазными партиями является сохранение за Черновым министерского поста и осуществление предлагаемых им аграрных преобразований, даже пожертвовав в случае необходимости Львовым.

К июльскому выступлению большевиков В.М.Чернов отнесся резко отрицательно. Выступая на митинге на Дворцовой

площади 6 июля, он выразил надежду, что подобные события не повторятся и в будущем никто не посмеет действовать против большинства революционной демократии.

Июльские события вызвали правительственный кризис — кадеты заявили о своем выходе из правительства. Их лидеры полагали, кстати говоря, что социалистические партии, имея поддержку Советов, могли бы сформировать правительство без их участия. Чернов не хотел сотрудничать с кадетами, однако не поддерживал и создания чисто социалистического правительства. Он надеялся, что в коалиционный кабинет войдут другие представители буржуазии, готовые сотрудничать с социалистами в проведении реформ.

Лидеры социалистических партий, хотя и стремились к созданию коалиционного правительства, тем не менее предприняли в период «междущарствия» попытку осуществить ряд реформ, в том числе аграрных. В соответствии с постановлением центральных комитетов своих партий министры-социалисты выработали план ближайших мероприятий и 7 июля вынесли его на обсуждение правительства. Проект вызвал резкие возражения премьер-министра. Г.Е.Львов считал, что решения Исполкомов Совета рабочих и Совета крестьянских депутатов, предложивших социалистическим министрам с большей настойчивостью добиваться осуществления социальных, в первую очередь аграрных, преобразований, ошибочны, а министры-социалисты стремятся полностью подчинить деятельность правительства интересам своих партий. Но главным при этом были расхождения по аграрному вопросу. Убедившись, что министры-социалисты и оставшиеся в правительстве несоциалистические министры не согласны с его доводами, Львов заявил о своей отставке. Пост министра-председателя перешел к А.Ф.Керенскому.

Министры Некрасов, Терещенко, Чернов, Скобелев и Цеттели³⁶ подготовили декларацию Временного правительства, которая была опубликована 9 июля. В аграрной части декларации говорилось: «Мероприятия Временного правительства в области земельного вопроса по-прежнему определяются убеждением, что в соответствии с основными потребностями нашего народного хозяйства и неоднократно выражавшимися пожеланиями крестьянства и с провозглашенными всеми демократическими партиями страны программами в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль о переходе земли в руки трудящихся. На этой основе и разрабатывается тот проект земельной реформы, который будет предложен на рассмотрение Учредительного собрания.

Очередными мероприятиями Временного правительства будут:

1) полная ликвидация разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики;

2) меры, обеспечивающие полную свободу Учредительного собрания в деле распоряжения земельным фондом страны;

3) упорядочение земельных отношений в интересах государственной обороны и продовольствия страны путем расширения и укрепления сети организуемых государством земельных комитетов и с точно определенными законом полномочиями в области решения текущих вопросов сельскохозяйственной политики, не предпрещающих основного вопроса о праве собственности на землю, как входящего лишь в компетенцию Учредительного собрания;

4) устранение путем такого закономерного регулирования поземельных отношений той серьезной опасности, которую представляют для государства и для будущей аграрной реформы земельные захваты и тому подобные самочинные местные способы разрешения земельных нужд, противоречащие принципу общегосударственного плана будущей земельной реформы»³⁷.

Одновременно В.М.Чернову было поручено представить окончательную редакцию законопроекта о земельных сделках для его немедленного опубликования, но уже в виде закона о сохранении земельного фонда, который должен был поступить в распоряжение Учредительного собрания.

Декларация 8 июля не облегчила положения министра земледелия, оставшегося на своем посту и во втором коалиционном правительстве. Она была встречена в штыки всей буржуазной прессой. «Каждая мера, направленная к вмешательству в старые неограниченные прерогативы собственников, наткнулась на ожесточенную оппозицию и вне, и внутри коалиции», — сетовал министр. Пока законопроект не стал законом, три министра — продовольствия Пешехонов, внутренних дел Церетели и Чернов — решили приступить к осуществлению намеченных в нем мер путем рассылки ведомственных циркуляров. Предпринимаемые шаги, с одной стороны, должны были в какой-то мере удовлетворить крестьянство, а с другой — ввести крестьянское движение в рамки, определенные декларацией, и предотвратить анархические, самочинные действия крестьянских организаций.

Поддержанный своими коллегами В.М.Чернов направил 16 июля на места циркуляр-инструкцию земельным комитетам. В ней им предлагалось взять на учет не используемые владельцами пахотные земли, которые должны поступить в распоряжение волостных земельных комитетов для ведения на них об-

щественного хозяйства или для распределения между крестьянами под посев. Комитеты могли также взять на учет и передать в пользование нуждающимся не используемый живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь; им предоставлялось право регулировать отношения между землевладельцами и арендаторами, применение труда военнопленных и решать некоторые другие вопросы. Определяя компетенцию земельных комитетов, министр призвал их рассматривать себя как органы государственной власти и в своих действиях руководствоваться государственными интересами³⁸.

Предполагаемые меры, считал В.М.Чернов, являются мерами переходного характера, и их действие рассчитано на время до принятия закона новым правительством. Да и сами меры были ограниченными: речь шла не о передаче в распоряжение земельных комитетов всей земли, а лишь той, которая не обрабатывалась. Тем не менее, буржуазные партии расценили циркуляр, который, по мнению оставшихся членов правительства, имел особое значение, как попытку самовольно, помимо Временного правительства, решить ряд вопросов аграрной политики. В числе его главных противников был П.Н.Милюков.

Правая буржуазная пресса, добиваясь отставки министра земледелия, развернула целенаправленную кампанию, которую даже В.И.Ленин назвал «гноусной клеветнической травлей» Чернова³⁹. «С одной стороны, представители социалистов, как, например, Церетели и Чернов, — писала 22 июля газета «Свободный народ», — еще не могут отказаться от злосчастной мысли продолжать политику "углубления революции", с другой — являются люди, которые говорят, что дальнейшее "углубление революции" приведет страну к разложению и погубит все, что добыто той же революцией... Последняя точка зрения единственно правильная». Начался политический шантаж — Чернова обвинили в связи с немцами в 1916 г., в период сотрудничества в журнале «На чужбине», пропагандировавшем среди русских военнопленных интернационалистские идеи. Еще раз история поставила рядом имена Чернова и Ленина, который в это же время тоже был обвинен в том, что является германским агентом. Видимо, тогда это был один из распространенных приемов сведения политических счетов.

20 июля 1917 г. В.М.Чернов подал в отставку, потребовал расследования своей деятельности, но ВЦИК Советов рабочих и солдатских и Исполком Совета крестьянских депутатов выразили ему свое доверие. В конце июля, несмотря на поднятую шумиху, он был выдвинут своей партией кандидатом в Учредительное собрание, а в ноябре 1917 г. и избран в него по списку партии социалистов-революционеров. 23 июля было объявлено об образовании нового, второго коалиционного пра-

вительства. В нем социалистам было предоставлено уже семь министерских постов из пятнадцати. Но, по мнению Церетели, лишь два министра-социалиста — оставшийся на посту министра земледелия В.М.Чернов и министр труда М.И.Скобелев — были связаны со своими партиями и Советами, а остальные представляли правые социалистические течения. Ситуация сложилась не в пользу Чернова, дни его пребывания на посту министра были сочтены.

В самом начале корниловского мятежа, 24 августа, В.М.Чернов вышел из состава правительства. Надо сказать, что его отставка не прошла незамеченной и вызвала отрицательную реакцию крестьянства, подтвердив мнение И.Г.Церетели о популярности В.М.Чернова. «Поднимаем свой голос за поддержку крестьянского министра земледелия Виктора Михайловича Чернова, — писали крестьяне села Коршево. — Воронежские крестьяне не допускают мысли о каких-либо уступках помещикам и буржуазии по земельному вопросу, будут стойко бороться за все завоевания революции»⁴⁰. Собрание жителей села Торсы заявило, что «удаление министра земледелия Чернова из состава правительства знаменует собой принесение справедливых интересов огромной массы трудового крестьянства в жертву вымогательства незначительного класса землевладельцев и ни в коем случае не должно быть допущено»⁴¹.

Характерно, что крестьяне прямо связывали отставку «мужицкого министра» с противодействием кадетов. Так, Панкинский волостной земельный комитет Рязанской губернии заявил, что отставка Чернова вызвана его стремлением «обеспечить трудовой народ» и происками кадетов, которые хотят «забрать трудовика снова в мешок»⁴². В телеграмме из Зарайска содержалось требование крестьян вернуть Чернову министерский портфель и категорический протест против введения в состав правительства кадетов. Аналогичной была позиция Лисичанского совета Черниговской губернии, который заверял министра, что поддержит его «в борьбе с врагами революции, скрывающимися под флагом партии народной свободы», и одновременно требовал «составить министерство без реакционеров»⁴³. Даже Ю.О.Мартов, в свое время в разговоре с Черновым, Церетели, Скобелевым назвавший их участие во Временном правительстве глупостью, теперь на заседании ВЦИК 21 июля 1917 г. выступил против отставки Виктора Михайловича, как и против игнорирования в межпартийных переговорах большевиков⁴⁴. Однако возврата назад не было, министерская карьера Чернова закончилась его поражением и победой кадетов.

Несмотря на требования «низов», выступавших против коалиции с кадетами, во время разразившегося в связи с корни-

ловщиной самого длительного правительственного кризиса речь снова пошла о формировании коалиционного правительства. Поскольку вначале соглашение достигнуто не было, 1 сентября оставшиеся члены правительства решили образовать Директорию из пяти лиц «для управления делами до формирования нового кабинета». Сам Виктор Михайлович занимал в этой ситуации позицию не очень последовательную. Его реакция на выступление Л.Г.Корнилова была резко отрицательной. И дело не только в том, что Чернов видел реальную возможность в случае победы корниловцев сменить апартаменты Зимнего дворца на Петропавловскую крепость, но и в столь же реальной оценке реакционного характера корниловщины и отношения к ней широких масс. «Даже туземные дивизии отказались повиниться приказам корниловского генералитета», — подчеркивал он. Тем не менее, он оставался сторонником коалиции. На заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских и Исполкома Совета крестьянских депутатов в ночь на 2 сентября Чернов был в числе тех, кто выступил против предложения большевиков, чтобы Советы взяли власть и сформировали правительство из партий советского большинства, без участия кадетов. Предлагая «нынешним вождям Советов» «стать властью», большевики сами не претендовали на участие в правительстве и соглашались на роль легальной оппозиции. Понадобился еще месяц, чтобы эсеровский лидер пришел к выводу, что его партия и ее союзники совершили ошибку, отказавшись взять власть.

Глава V.

ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ

Для преодоления кризиса власти по предложению ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Советов крестьянских депутатов 27 сентября было создано Демократическое совещание, в котором участвовали представители Советов, профсоюзов, организаций армии и флота, кооперации, национальных организаций и учреждений и т.д. Вопреки надеждам Временного правительства, совещание решительно отвергло коалицию с буржуазией — за нее проголосовали лишь 183 делегата, против — 813. Правительственный кризис преодолен не был. Совещание с целью выхода из тупика выделило Временный Совет Российской Республики (Предпарламент), через который Временное правительство провело решение о создании нового коалиционного правительства.

25 сентября было сформировано третье коалиционное правительство, естественно, без Чернова, который для кадетов являлся (и, надо признать, не без оснований) персоной «non grata»¹. На его образование бывший министр откликнулся статьей «Листки из политического дневника». Статья с непростой судьбой заслуживает того, чтобы привести ее не в изложении, а полностью. Для этого есть по меньшей мере три причины. Во-первых, в написанной в начале октября статье автор анализирует обстановку, сложившуюся в стране после поражения корниловцев, создания Предпарламента и третьего коалиционного правительства, и дает свой прогноз дальнейшего развития событий. Во-вторых, в статье содержится резкая, объективная и довольно ядовитая характеристика правительства и Совета Республики, их политики и политики входивших в правительственную коалицию партий. Наконец, статья значительно меняет обычное, сложившееся на основе многочисленных работ по истории Октябрьской революции, представление о самом Викторе Михайловиче, о его позиции осенью 1917 г. и, кроме того, позволяет оценить его как незаурядного публициста, то есть ту сторону его деятельности, которая не пользовалась вниманием историков и читателю мало известна.

«ЛИСТКИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА»

1. Разрешение «кризиса власти»

Итак, новое правительство почти сформировано. Оно признано «приемлемым» — хотя бы и «скрепя сердце». Сформи-

ровано оно по принципу максимальной обеспеченности. Один шаг в эту сторону уже был сделан давно, когда из министерства понадобилось удалить И.Г.Церетели и заменить его А.Никитиным². Теперь мы имеем дальнейшие шаги в том же духе. М.И.Скобелев заменен К.И.Гвоздевым³, — не во исполнение ли пословицы «после скобеля — топором»? Затем и Н.Д.Авксентьев заменен — тем же всезаменяющим А.Никитиным, который, по-видимому, есть настоящая *bonne à tout*⁴ — швец, и жнец, и в дуду игрец. Пост министра земледелия пока остается незамещенным: нынешний управляющий министерством, П.А.Вихляев⁵, по-видимому, слишком определенная фигура, чтобы занять его в этом правительстве, а более «стертой монеты» пока приискать не удалось. Ничего: «ищите — и обрящете». И не попади раньше окончательного пополнения министерства в состав его ген. Верховский⁶, все министерство можно было бы назвать «министерством послушных отражений» при одной-единственной центральной фигуре — А.Ф.Керенского.

Однако ошиблись те, кто отсюда вывел бы вульгарное заключение, будто причину такого личного состава министерства надо искать в личных свойствах самого министра-президента, в том, что «два медведя в одной берлоге не живут». Нет, здесь на этот раз имеет место совершенно определенное *воздержание* наших крупных партий от делегирования в министерство более видных представителей. Или приберегают, или «резервируют»... Что ж, может быть, в интересах так и следует, но в интересах ли организации власти?

Когда говорят в защиту коалиции всех «живых сил» страны, когда яркими красками рисуют наше российское безлюдье и относительное богатство конституционно-демократической партии личными силами, когда возмущаются готовностью «с легким сердцем» оттолкнуть ее со всеми ее ресурсами, со всеми ее кадрами опытных государственных деятелей, то забывают об одном: а именно о том, что не одна лишь социалистическая партия, а и партия народной свободы в данный момент избегает ссудить А.Ф.Керенского крупными величинами. Ее лидеры и ближайшие «лидероспособные» остаются «в резерве». Как будто все молчаливо сговорилось повторить историю Липранди с генералом Реадом...⁷

Но, может быть, дело обстоит иначе? Может быть, мы просто решили, что сейчас переходное время, для которого за глаза достаточно иметь так называемое «деловое министерство»?

«Деловое министерство» хорошо для одной из таких глухих межуточных эпох, про которые можно повторить знаменитую шедринскую ироническую формулу «наше время — не время широких задач». Но мы не живем в такую серую, захо-

лустную, будничную пору истории. Жизнь все еще кипит, как в котле, и ее лихорадочный темп по-прежнему в любой момент может нас поставить — и ставит — лицом к лицу с такими событиями, которые требуют максимальной силы и максимальной авторитетности власти.

«Коалиция» еще имела бы смысл, если бы ее целью было поставить у руля государственного корабля цвет, сливки всех партий. Но коалиция, при которой каждая партия скупое уделяет «нечто» из своего состава, припрятывая в сторону ценности покрупнее, — имеет все неудобства, все слабые стороны коалиции, с ее пестротой, несогласованностью, взаимоотчужденностью, без ее сильных сторон. И та коалиция, которая сейчас осуществилась, — есть, прежде всего, коалиция в воздержании от посылки таких ответственных представителей партии, которые сами своим нахождением в составе правительства сделали бы дело последнего неотделимым от дела этих партий. Нет, посылают таких, в чьем лице партии, как таковые, *наименее* ангажированы.

«Я — величайший поклонник нынешнего главы правительства», — говорил на «Демократическом совещании» А.С.Зарудный⁸, но и он «должен сознаться, что не желал бы одному ему доверить управление Россией», ибо при таком положении «люди талантливые, умные и властные» могут «падать по наклонной плоскости», и отсюда может быть «прямой выход к диктатуре».

О «непомерном увеличении личного момента в управлении демократическим государством» говорил и И.Г.Церетели, заявивший: «Я думаю, каковы бы ни были представители революции и революционной демократии, но если они возносятся ею самой, то пусть она и пеняет сама на себя, если у них закружится голова».

Но если это так, если наша молодая демократия страдает слабостью неумеренной «персонификации» своих идей, если у нее слишком много *фетишизма личности*, — то надо особенно опасаться того, как бы толпа фетишистов не поступила так, как дикари поступают при неудаче со своими фетищами: они их развенчивают, бьют, бросают в грязь и попирают ногами.

И потому при построении нового Временного правительства следовало особенно избегать такого положения, при котором в нем все сводилось бы на один «центр центров», на одну, занимающую исключительное положение, фигуру.

К сожалению, именно так и построено нынешнее правительство. Мы как будто забыли, что «на одном гвозде всего не повесишь», — даже тогда, когда гвоздь сидит в стене крепко, когда вокруг него не образовалось злобевших трещин и не осыпается известка. Мы продолжаем перенапрягать личную попу-

лярность А.Ф.Керенского, заставляя ее «вывозить» все министерство, — хотя и без того эта популярность уже трещит, и ее нетрудно dokonать.

Если у отдельных представителей демократии может «закружиться голова», то, казалось бы, средство против этого просто: в организации власти по принципу кооперации равнозначных величин. Правительство должно быть как бы живым демократическим созвездием, а не «планетной системой», с одним «центральной светилom» и пассивными спутниками, сияющими не своим светом, а отраженным солнечным. Если «непомерное увеличение личного момента в управлении» уже имело место, то нужно не усугублять этой опасности, а предохранять от нее соответственной конструкцией правительства по его личному составу. А мы почему-то поступаем как раз наоборот: сами видим опасность и сами же ослабляем сдерживающие начала...

Но — скажут нам — сдерживающие начала заключаются не в лицах, призванных «кооперировать», а в контрольном аппарате. И здесь у нас имеется весьма ценное приобретение: нынешний «Совет Демократических Организаций», который завтра, с пополнением цензовыми элементами, превратится в законенный «Совет Российской Республики»!

Бесспорно. Но этот «Совет» — и он так же *обесцвечен юридически*, как Временное правительство *обесцвечено персонально*.

Совет не будет иметь права запросов, — он будет иметь лишь право вопросов...

Совет не будет иметь права утверждения и отвержения законов — он будет лишь иметь право рассмотрения и суждения о законах...

Совет не будет иметь права законодательной инициативы — он будет лишь иметь право сообщать правительству свои законодательные соображения...

Совет не будет знать ответственного перед ним правительства, — он должен довольствоваться необходимостью для правительства считаться с ним, как с фактической силой.

А величина его фактической силы, его авторитета? Как велика она будет? Чем она будет определяться?

О, конечно, не только *потенциальной* величиной этой силы, но и самосознанием, или даже, *sit venia verbo*⁹, — *революционным самоощущением* Совета.

Та социальная величина, которая не сознает себя силой, — не есть актуальная сила.

А Совет, не имеющий единства настроения, разорванный на противоречиво настроенные части, больной властебоязностью, — этот Совет лишен всякого революционного самоощущения.

Совет идет совершенно определенной дорогой: со ступеньки на ступеньку, от капитуляции к капитуляции.

Это не поражение демократии: ибо не было поражающего. Это не отступление перед натиском врага: ибо натиска не было. Это просто — самочинный массовый отход в тыл. Это принципиальная *боязнь наступления*.

Когда на юго-западном фронте один комиссар Временного правительства, в должности «главноуговаривающего» на своем фронте¹⁰, убеждал солдат двинуться на штурм укрепленной горки, один солдат спросил: «Ну, а когда мы возьмем эту горку, ведь вы скажете, что нужно захватить тот лесок?» — «Возможно...» — «А после леска — вот тот хутор?» — «Конечно», — «А потом, пожалуй, и вон ту другую горку?» — «И это может быть». — «Ну, так уж мы лучше повернем назад!»

«Большевики» стоят перед нашим напуганным воображением в роли этого «комиссара», и мы боимся, что стоит нам сдвинуться с места, как они начнут нас толкать еще, еще и еще дальше... И мы помним: они от «комиссаров» внешнего фронта отличаются тем, что это — комиссары, полные чувства ответственности, а это — безответственные. А потому мы от них ждем понуканий вперед уже совсем безграничных и ни с какой здоровой стратегией не сообразованных. И отходим в тыл.

Отошли — в вопросе о личном составе правительства. Отошли — в вопросе о правах нашего предпарламента. Отошли — и от программы 14-го августа... Отошли — не могли не понимать, что в стране это может вызвать только разочарование.

* * *

И вот почему в тот памятный день — вернее, в памятную ночь, — когда слабым, натянутым большинством утвердили ту «комбинацию», которая сейчас воплотилась в жизнь, — в зале не чувствовалось подъема, не чувствовалось ощущения, что перманентный кризис власти разрушен, что мы вышли из тупика. Не было ни чувства удовлетворения, ни воодушевления. И те, кто победили, — меньше всего чувствовали себя победителями или именинниками. Атмосфера была тяжелая, спертая, напряженная. И, как последнее утешение, повторялась фраза: «Не важно, ведь это — временное решение; требовалось выгадать время, создать хоть что-нибудь. Быть может, это правительство всего на две-три недели...»

И как после этого не припомнить народную присказку:

«Окуля, что шьешь не оттуля? — А я, маменька, еще распарывать буду!»

2. Психология властebоязни

Есть одно великое, здоровое чувство: чувство ответственности. И есть его болезненное извращение: паническая боязнь ответственности, ведущая к *властebоязни*.

Демократия умеет побеждать — но она положительно не умеет *быть победительницей*, вести себя как победительница.

Большинство предыдущих революций были ареною ожесточенной борьбы за власть. Наша, русская революция порою вырывается в борьбу за то, как отчураться от власти и свалить ее на чьи-нибудь плечи.

И не совсем преувеличение разговоры недавнего времени о «власти, валяющейся на улице», власти, которую получить ничего не стоит: наклонись и подыми.

Возьмем новейшую комбинацию власти. В ее сооружении принимали участие с кадетской стороны — Набоков и Аджемов¹¹, с меньшевистской — Церетели и Чхеидзе, с эсеровской — Авксентьев и Гоц. Но не характерно ли, что все эти лидеры партии «приложили руки» к построению организации власти, но ни один сам не вошел в правительство?

Положение ясное. В каждой партии есть такие деятели, чье вхождение в состав кабинета абсолютно ангажирует партию, к которой они принадлежат, и есть деятели «тоже партийные», полупартийные и около-партийные. Не случайно все партии обнаружили тенденцию посылать в состав данного правительства своих деятелей не первого, а второго рода. И не случайно во всей этой комбинации есть только одна красноречиво говорящая за себя фигура — фигура А.Ф.Керенского. Метко заметил Церетели, что эта фигура есть как бы *персонификация идеи коалиции* — из всех советских деятелей наименее «связанная» с советами, наиболее «независимая» от них и наиболее «приемлемая» для цензовой России. А.Ф.Керенский, несмотря на свою формальную принадлежность к определенной партии, пытался и пытается занять *надпартийную* политическую позицию. И он — находка для того момента, когда крупные партии борются за возможность свалить на чужие плечи бремя власти; этими чужими плечами и являются *индивидуальные* плечи определенного лица, которого затем окружают не типичными, не характерными, а как бы «разведенными водичей» представителями других партий.

Самым ярким и талантливым сторонникам коалиции я скажу: разве то, что вы произвели на свет, есть коалиция? Это суррогат коалиции, ее подделка. Если вы верите в спасительность коалиции, вы не со стороны должны ее строить из каких-то других элементов — нет, вы сами должны в нее идти. Да, именно вы должны идти, а не ваши бледные тени.

Создание *суррогата коалиции* есть замаскированный уход от власти всех заключающих коалицию партий. Это — оставление своих заместителей вокруг лица, занявшего надпартийную позицию; это — фактическое уклонение от занятия ответственных постов, это — тяга к безответственности, это — торжество властебоязни.

Я хорошо знаю все, что может быть сказано в защиту этой позиции. Иногда она, по крайней мере, на первый взгляд, чрезвычайно удобна. Бывают исторические моменты, особенно неблагоприятные для нахождения у государственного руля. Моменты, когда перед тем было слишком много напутано и когда не позавидуешь тому, кто первый приступит к распутыванию. Я совершенно понимаю, что в такие моменты для партии выгодно «резервировать» свои силы и свой престиж для более благоприятного будущего. Я не спорю: сейчас мы переживаем один из таких моментов.

Почему же я не согласен с теми, кто считал для данного момента более осторожным и политичным создать некоторую промежуточную комбинацию? Почему я не хочу видеть тактически искусный шаг именно в допущении организации власти межеумочного, суррогатного характера?

Да только потому, что момент слишком серьезен, и мы не вправе рассуждать с точки зрения удобства для своей «партийной лавочки».

Мы — на стремнине течения исторической реки. Мы — у самых порогов. У руля сейчас более, чем когда-либо, требуется твердая рука и единство воли.

В такой момент, казалось бы, не опасливая, скупая бережливость, не приберегание на лучшее будущее наиболее надежных сил, а обратное — их полная мобилизация — должна быть лозунгом момента. А что делаем мы? — Мы их уводим на места зрителей, мы возлагаем на них обязанность — глядеть, оценивать, критиковать. Пусть это делается «с заранее обдуманном намерением» дать *благосклонных* критиков, критиков-наставников, доброжелательно советующих восклицаниями с берега, когда надо повернуть руль правее, когда левее... Но ведь беда в том, что на стремнине ладья летит, как стрела, что кормчий нуждается в мгновенной интуиции, а пока звуки доброжелательного совета долетят до слуха и произведут все необходимое действие на сознание и волю — переменить курс порою будет уже поздно. И не от одной доброй воли критика зависит, быть ли ему критиком благосклонным или неблагосклонным, тем более, что натянутая благосклонность недолго выдержит, когда встретит строгий проверочный экзамен собравшейся аудитории...

Не следует ли из всего этого заключить, что наша демократия *сама не верит в себя*?

О, я хорошо знаю все слабости нашей молодой демократии. Я знаю, что у нее мало людей, что крупные способности у нее — все наперечет, что ей не хватает длительного опыта ответственной государственной деятельности, что в массе ей не хватает той методичности в работе и трудовой дисциплины, которые не на чем было выработать. Я знаю, что она из прошлого вынесла больше умения бороться, свергать и разрушать, чем созидать и строить, что она страдает слабостью слишком много разговаривать и слишком мало делать; я знаю, наконец, что в ней живы «истинно-русские» черты фанатизма, догматической прямолинейности и нетерпимости, способные саботировать всякое живое дело; короче, я знаю, что в нашей демократии — слишком много демагогии, а в нашем демосе — слишком много охлоса...

Но в то же время я знаю, что эти болезни вовсе не специально присущие демократии как таковой. Нет, это — наши общие, национально-русские слабости. Не демократия только, а Россия вообще страдает ужасающим *безлюдьем*. Где искать настоящих общественных и государственных работников? В старой бюрократии, что ли, блистательно обанкротившейся во всех отраслях жизни и управления? Или в промежуточном слое цензовой России, которая вершила при старом строе дела земств и дум — и которая умела только «приказывать» и практически шагу не умела ступить без «третьего элемента», пополнявшегося из поднадзорной интеллигенции!

На нет и суда нет. Да, мы скудны интеллектуальными и организационными силами. Но из боязни этой скудности отступать на безответственные позиции — значит ли улучшать дело? Или это разве выход — изобретать какую-то особенную полуответственную позицию, когда лидеры демократии собственными руками стряпают своеобразную правительственную «сборную солянку из разной рыбы», а потом относятся к ней, как к чему-то, посланному внешним роком? История знает моменты, когда нет ничего несостоятельнее уклончивости. История ставит свои категорические императивы, — лицом к лицу с ними социалистической демократии приходится, наконец, сказать: «*Если не мы, то кто же? и если не теперь, то когда же?*»

«Когда же? а после созыва Учредительного Собрания!» — могут ответить нам. «Тогда социалистическая демократия, имея твердую точку опоры в большинстве собрания, возьмет власть, не опасаясь упрека в узурпаторстве; тогда наступит наше время; а теперь — лишь бы как-нибудь дотянуть до Учредительного Собрания, лишь бы сладить до этого времени

хоть какое-нибудь, хоть плохонькое связывающее всех коалиционное правительство!»

Я очень боюсь, что в этом ответе мы имеем лишь вольное политическое переложение вывески одного остроумного трактирщика: «Сегодня — за деньги, а завтра — задаром!»

В чем дело? Облегчится ли по существу та задача, которую придется разрешать социалистической партии после созыва Учредительного Собрания? Нисколько. Если в ее распоряжении нет людей и на этом ей суждено жестоко «срезаться», представ на исторический экзамен, то в полтора-два месяца, отделяющие нас от нашей Конституанты, родиться и вырасти новые люди все равно не успеют. Задачи же, подлежащие разрешению, не станут ни менее сложными, ни более легкими. Напротив, все наши болячки окажутся еще более запущенными, и средства лечения потребуются еще более радикальные, еще более героические. Что же касается вопроса об «узурпаторстве», то кто же может искренно оспаривать очевидный факт — что сейчас массы тянутся именно к социалистическим лозунгам и партиям, а следовательно, пришел их исторический черед — показать свою способность спасти родину и революцию!

Напротив, если, получив вотум народного доверия, мы его не используем, а будем топтаться вокруг власти — «ни в короб не лезу, ни из короба не выхожу, ни короба не отдаю», — то эта пустопорожняя тактика, поистине, сможет привести к разочарованию народных низов. И тогда — чем черт не шутит! — в «расчетливом» выжидании формально-беспорного вотума доверия страны мы будем терять это доверие; начавши с возглавления чуть не всенародного движения, мы растеряем низы и ухитримся явиться в Учредительное Собрание в качестве меньшинства.

Властebоязнь, вытекающая из опасения безлюдья, побуждая стремиться во что бы то ни стало к «политическому займу» у кадет, ставит нас в абсолютную зависимость от «заимодавцев». Они могут нас как угодно шантажировать, они могут вынуждать у нас капитуляцию за капитуляцией, если мы по-прежнему будем одержимы панической болезнью властebоязни, если за «одолжение», которое нам делают ценовики, входя с нами в коалицию, мы будем платить в конце концов всегда ту цену, на которой они окончательно упрутся. И, наконец, в результате всегда будет выходить коалиция на таких условиях, что в нее будет нельзя, будет слишком зазорно входить нам самим, и придется посылать свои бледные тени, своих фактотумов... относительно которых всегда есть риск, что они превратятся в *чужих* фактотумов, во исполнение старых слов: *sic vos — non fobis*¹².

Сейчас социалистическая демократия — в большинстве. Уклоняясь от прямой ответственности, создавая промежуточ-

ные quasi решения, она не может избежать всей полноты *косвенной* ответственности за политику, по отношению к которой она является и попустительницей, да и повивальной бабкой. Из боязни прямой ответственности за себя взваливать на свои плечи косвенную ответственность за чужие грехи — не значит ли это прятаться от дождя да в воду?

3. Коалиция без коалиции

«Пекли-то пирожки, ан вышли покрывки на горшки». Эта присказка приходит мне то и дело на ум, когда я присматриваюсь день ото дня к работе нашего предпарламента.

Когда налаживали новое коалиционное правительство, то удручающую серость его личного состава оправдывали тем, что центр тяжести коалиционного действия отныне переносится из правительства — в представительный орган, перед которым оно будет ответственно. Всю беду за прошлые коалиционные опыты хотели взвалить на то, что коалиция практиковалась «на верхах», без соответственной коалиции в «низах», — была лишь «видимость коалиции» или «внешняя», «механическая коалиция». Теперь, как принято выражаться, попробуют найти «реальную коалицию» в самой стране. Выявиться она, очевидно, должна была в предпарламенте.

Теперь уже, думается, всякому непредубежденному наблюдателю ясно, что никакой «реальной коалиции» в предпарламенте не получилось. Первое же выступление Аджемова, от которого ждали почему-то как от «левого» кадета попытки проложить мостик между цензовиками и трудовой Россией, было атакой цензовиков на позиции трудовой России. Если бы слово «контрреволюционный» не было так избито и обесмыслено демагогией, то я сказал бы, что речь Аджемова была по существу совершенно определено контрреволюционным выступлением. О Милюкове я и не говорю, старую березу в дугу не согнешь. Но всего лучше было выступление Струве. Не в том дело, что он затеял старую волынку «веховской» разделки революции¹³. А в том, что он первый решился взять быка за рога: с трибуны предпарламента воздал хвалу государственному преступнику, мятежному генералу, чье имя стало символом вооруженного подавления народной стихии, — генералу Корнилову. И почти все цензовики откликнулись на это — шумной овацией. Это не была заранее подготовленная демонстрация, нет, это было случайное проявление непосредственного чувства. Но тем знаменательнее этот факт. После него даже слепой увидит, что мечтать о «реальной коалиции» в предпарламенте — это все равно, что «из печеного яйца живого цыпленка высиживать». Занятие неблагоприятное. Правда, у нас

уже, как будто, завелись такие «кулуарные политики», которые будут предаваться этому занятию с упоением и верой. Кулуарный политик, этот затасканный тип, хорошо нам известный по старухе-Европе, есть, должно быть, такой «суженый» всякой начинающей парламентское поприще политической партии, которого никаким конем не объедешь. Но если там он — сила и все мелкотравчатое в его деятельности задрапировано престижем, который дается подлинным влиянием и подлинной властью, то ведь у нас есть пока только предпарламент из папье-маше, но нет вросшего в жизнь прочного, как хроническая болезнь, парламентаризма — того буржуазного парламентаризма, в котором кулуарные политики — это цари и боги. Мы еще переживаем революционный период. У нас либо парламент делается органом революции — либо революция пройдет мимо парламента и даже через него; пусть, споткнувшись о него, она разобьется насмерть, но что же делать! «Мир с ума сойдет — на цепь не посадишь», — говорит русская пословица. В такое время, как переживаемое сейчас нами, кулуарный политик не только мыльный пузырь, с высшей, исторической точки зрения: он беспомощен, и его суетливость пустопорожня даже на взгляд самого простого обывателя, если только он хоть немножко не чужд наблюдательности. Наш кулуарный политик — это просто «швец Данило — что ни шьет, все гнило».

После первого кризиса коалиционного правительства, когда ушли кадеты — Шингарев, Шаховской и др.¹⁴, было немало испробовано всевозможных перетасовок в правительстве. И все эти перетасовки были искусственными, деланными. Все они были «состряпаны» в кухне политиканства и столковываний «с заднего хода». Это было начало тревожных признаков вырождения в сторону политиканства. Был налицо факт, против которого ничего нельзя было поделать. В двух вопросах: в политическом и в экономическом партия к.-д., сделавшаяся складочным местом для почти всех более правых элементов, отказалась идти вместе с трудовой демократией.

Трудовая демократия не может оставить централизованного, всенивелирующего бюрократического механизма, оставленного нам в наследство старой властью. Она должна произвести частичную разгрузку Петрограда от власти и более равномерно распределить ее по провинции. Она должна децентрализовать власть. Не говоря о многих, общеизвестных основаниях для этого, надо особо отметить одно. Сама трудовая демократия иначе не может властвовать над этим огромным, сложным, разветвленным государственным механизмом, а попадет в зависимость от него. Этот механизм и персонально, с верху до самого низу, пропитан определенным старым бредом, да и вся

его конструкция, все навыки и все методы его функционирования слишком несгибаемо определены для того, чтобы просто стать покорным инструментом в руках новой трудовой власти. Новая власть слишком молода, а старый механизм слишком окостенел для этого. Сломать этот механизм рядом грубых ударов, какой-то новой социалистической «дубинкой Петра Великого»? Это трудно без колоссальной дезорганизации. Выход — я хочу сказать — разумный выход — только один. Это — создание краевых органов власти, деление России на национально-территориальные и хозяйственно-бытовые области, иными словами — развитие в сторону федерации. Но первый же опыт этого рода — соглашение с Украинской Радой¹⁵ — натолкнулся на упорную, непримиримую оппозицию кадетов. Дело ясное: или пора выбросить за борт государственного корабля кадетов, либо отказаться от приготовления федеративно-областного самоуправления. Пойти вторым путем — значит, с одной стороны, ослабить творческую работу областной земщины, которая должна лечь в основу нашего государственного здания, а с другой стороны — вызвать колоссальное национальное недовольство и сепаратистские стремления. Разве мы не видим, как это верно по отношению к Финляндии? Ныне в ней все растет и растет стремление к полной независимости, и все из-за упорства членов правительства из партии к.-д. Они не идут вовремя на необходимые уступки: результатом является неверие в возможность ужиться и нарастание национал-максималистских требований. Кадеты здесь повторяют ошибку самодержавия. Оно если и делало конституционные уступки, то всегда слишком дорогие и запоздалые, и этим лишь ускоряло кризис.

То же и в экономике. Первые же законопроекты министерства труда вызвали отставку Коновалова¹⁶. Эта отставка — опасный симптом, ибо вызвана напором справа. Промышленные круги настроены непримиримо. Среди них зреет психологическая зараза ультиматизма. Раздаются недвусмысленные угрозы локаутом. И к.-д. сферы не прочь использовать оппозицию торгово-промышленной буржуазии как таран против социалистических членов правительства. Еще хуже — в области земледелия. Та отчаянная кампания, которую мне пришлось вести в защиту травимых справа земельных комитетов, этому живое свидетельство. Земельные комитеты в своей деятельности не чужды промахов и ошибок; но это — единственный барьер, отделяющий помещичьи хозяйства и самих помещиков от погромной стихии, зреющей в более темной и нищей части крестьянства. Мы заинтересованы в том, чтобы произошло не беспорядочное расхищение помещичьего добра и мстительное надругательство над личностью помещиков; оно ни к чему, и

при анархических захватах в конце концов все попадет в руки кулаков и спекулянтов. Казалось бы, и помещики должны примириться с неизбежностью и пойти на безболезненный переход сельского хозяйства с частновладельческих на крестьянско-трудовые рельсы. Они этого не понимают. Они надеются как-нибудь сорвать земельную реформу. Союзы земельных собственников насаждают всюду помещичью непримиримость и собственнический «большевизм справа». Сея ветер, они пожнут бурю. Запоздалая уступка, хотя бы даже в виде передачи всех земель в ведение земельных комитетов, может не дать всех тех результатов, какие дала бы, будучи принята своевременно. И партия к.-д., в угоду землевладельческому максимализму, тормозит дело земельных реформ, саботирует его, затягивает, где не может сорвать. Уступая ради поддержания коалиции, Временное правительство утрачивает свою популярность и само подпиливает сук, на котором сидит. Мыслимо ли было придумать что-нибудь более нелепое, чем судебное преследование земельных комитетов и аресты их членов? Мыслимо ли было придумать что-нибудь более нелепое, чем подготовка судебного похода министерства юстиции против главного земельного комитета и против министерства земледелия? А на наших глазах это происходит, и к этому государственному безумию готовы «руку приложить» член народно-социалистической партии Зарудный и внепартийный социал-демократ Малянтович¹⁷. Даром такие вещи не проходят. Есть такая мужицкая поговорка: «В народе, как в туче: в грозу все наружу выйдет».

Таковы печальные факты. Через них не перескочишь никакой кулуарной стряпней, никакими извилистыми формами, никаким приисканием покладистых бесцветностей для составления новых и новых коалиционных министерских комбинаций. Предпарламент, сводящий партии лицом к лицу, это показал. Он органом «реальной коалиции» не является. Законодательными правами он не обладает. Что же он такое? Место, где Чернов будет ломать копыя со Струве и Милюковым, Дан¹⁸ с Аджемовым. Но разве в этом сейчас нуждается страна? Бытие нашего предпарламента обогатит лишь наш словарь неологизмов, в котором пестрой толпой проходят перед нами Румчород, Викжель, Центробалт, Осотоп¹⁹, — еще одним словечком: Словотоп.

4. Предпоследние ошибки

Из состава правительства ушел ген. Верховский, т.е. не он ушел, а его ушли. За что? За то, что он в закрытом заседании

двух комиссий предпарламента решился до конца сказать всю жестокую, болезненную правду о нашей больной армии.

Говорят, что этим он нарушил общую министерскую солидарность и поставил в крайне тяжелое положение г. Терещенко. Что же? Может быть. Тем хуже для г. Терещенко.

Что такое г. Терещенко? Он приобрел популярность как антагонист П.Н.Милюкова. Этот последний чрезвычайно усилил его популярность, ославив Терещенко как вреднейшую личность, пересадившую циммервальдизм в нашу внешнюю политику. Но в народе говорится: не верь выезду, а верь приезду. И опасения одних, а надежды других оказались неосновательны.

Что случилось? Не хватило ли у г. Терещенко умения овладеть сложным механизмом дипломатического ведомства, и он постепенно и незаметно попал сам под его влияние? Маркс говорил, что в фабричной системе человек сам становится простым «придатком к машине». Машина властвует над человеком, а не человек над машиной. Не постигла ли такая же судьба и г. Терещенко? Или просто он был терроризирован умело инсценированной буржуазной травлей, созданной вокруг его имени, и он, сам себя испугавшись, пошел на попятный? Одно верно: итог был плачевен. Как, бывало, приговаривала моя старуха-нянька: горели дрова жарко, в бане было парко; дров не стало, и все пропало.

Г. Терещенко пробовал выступить в предпарламенте. Кого удовлетворили его объяснения? Никого. Ему, по-видимому, шепнули, что надо поправиться. Он снова выступил — и поправился из кулька в рогожку. В своей ответной речи от имени фракции П.С.Р. я хотя и в сдержанных, но категорических выражениях заявил о неудовлетворенности социалистической левой и центра. Ораторы цензовиков также резко отмежевались от него. Пытаясь примирить с собою и тех, и других, он не угодил никому: оказался ни павой, ни вороной. В таких случаях выходят в отставку. Но у нас все наоборот. И ген. Верховский, полагающий, что ни наши союзники, ни мы сами не отдали себе настоящего отчета в тягостной болезни, параличом разбивающей нашу армию, и что наша мирная политика недостаточно активна «ни для того, чтобы сократить срок тяжкого испытания, ни для того, чтобы успокоить и обнадеежить армию, которой нужно напрячь всю свою выносливость», — ген. Верховский явился козлом отпущения.

Так утрачена правительством единственная величина, нарастающая популярность которой могла бы возместить такую популярность Керенского. Единственная крупная сила, составляющая приятный контраст с общим фоном безличностей, — отпала...

Я припоминаю речь т. Авксентьева на III Съезде нашей партии по вопросу о коалиционном правительстве. В ответ на опасения, как бы наши представители не оказались в нем связанными по рукам и ногам «заложниками» буржуазного большинства, он отвечал: «Тут вопрос не в жалкой арифметике, а вопрос в реальном соотношении сил в стране». Иными словами, в конфликт между левой и правой частью правительства вмешается «улица». «Что произошло от того, что ушел Коновалов?.. — спрашивал т. Авксентьев и отвечал: — Ничего. Но вы представьте, что из министерства уйдет Церетели, или Керенский, или Чернов, которые заявят, как заявил Коновалов, что они несогласны с политикой этого Временного правительства. Что тогда произойдет в стране?.. Кроме того, никто из них один не уйдет. Они все уйдут. Что же тогда произойдет? Встанет ли на их место другой социалист? Тогда, действительно, эти элементы Временного правительства, которые захотели бы пойти на этот эксперимент, — были бы сметены в один момент...»

Рассчитано было неплохо. Но «гладко писано в бумаге, да забыли про овраги, как по ним ходить». Предполагалось, что политика всех членов социалистической части правительства будет безусловно солидарной — согласно с линией поведения, начертанной съездом. Но «никто из них один не уйдет — если уйдут, то разом все» — не сбылось. Поодиночке вынуждены были уйти — сначала Церетели, потом — пишущий эти строки. В момент тяжелого кризиса страны и катастрофы на фронте вынужденность ухода обоих была в большей или меньшей степени завуалирована. Церетели и я пришлось «не ко двору». Значит ли это, что наша деятельность не соответствовала партийным и советским решениям и желаниям? Нет, не значит. Напротив. Каждый из этих уходов означал отдаление Временного правительства от масс. Нынешний уход ген. Верховского — еще один факт того же порядка.

Когда я гляжу на дебюты нового квази-коалиционного правительства, — «без складу по складам, без толку по толкам» — я ужасаюсь, как у него промах на промахе едет, промахом погоняет. После Корниловского восстания в котором никто не разберет, где началось восстание и где кончилось исполнение приказаний свыше, где кончилось правительство решение и где началось приватное решение негласного «правительства в правительстве», — только решительное очищение армии от мятежных реакционных элементов могло восстановить армию как единое целое. А мы видели политику затушевывания, загонявшую болезнь внутрь и делающую ее смертельной. Не ясно ли, что в правительстве нет и тени понимания, каким ужасным потрясением для армии была корниловская

попытка и как тяжело после этого потрясения оправиться! А конфликт с железнодорожниками, из-за которого едва-едва не разразилась всеобщая ж.-д. забастовка? А правительственное обращение по поводу этого к стране, бестактное и оскорбительное, прошедшее словно каленым железом по сердцам ж.-д. персонала? А совершенно нелепый конфликт — буквально из-за выеденного яйца — с центрофлотом, организацией, единственно только и сдерживающей сейчас бунтарские тенденции среди матросов? А обращение Керенского к балтийским морякам, в бестактности соперничающее только с выходкой против железнодорожников? Все это вместе показывает, до какой степени оторвалось правительство от масс, до какой степени утратило оно чутье массовой психологии. А даром это не проходит.

Когда обсуждался вопрос о коалиции, в социалистической среде было два мнения. По одному — коалиционное правительство было лишь переходным состоянием, промежуточным решением: когда социализм еще недостаточно силен, чтобы взять власть целиком в свои руки, а события уже настолько назрели, что немислимо оставить ее в руках буржуазии, — другого выхода нет. Но, с этой точки зрения, противоречия тенденций в смешанном правительстве неизбежны; их нельзя замазывать; надо их развернуть; именно развитие этих противоречий и проявление их перед лицом всей страны в ряде сталкивающихся законодательных предположений должны быть двигателями, ускоряющими партийную дифференцировку в стране и придвигающими новые сдвиги в пользу социализма.

По другому взгляду, коалиция должна быть сохранена во что бы то ни стало если не в течение всей революции, то по крайней мере до Учредительного Собрания. Одни обосновывают это тем, что русская революция по своему социально-экономическому смыслу есть революция буржуазная, а потому нелепо не делать ее вместе с буржуазией. Другие — тем, что во время войны необходим священный союз всех партий путем взаимных уступок. Третьи — тем, что социализм в России слишком молод и обязательно провалится с треском, если попытается сам стать у государственного руля. По тем или другим причинам, но по одежке надо протягивать ножки, т.е. урезать социальную программу до пределов, не препятствующих «реальной коалиции» всех классов.

Наша партия, в лице съезда, стала на первую из двух изложенных точек зрения. А.Керенского, наоборот, какие-то «влиятельные» успели превратить в живое воплощение и носителя второй.

Чем дальше, тем больше. А.Керенский увлекался одним огромным и в основе здоровым желанием: очистить революцию от центробежных, анархо-бунтарских тяготений, способных

развалить ее, опереться на истинную демократию, очистив ее от буйного «охлоса», освободившегося гражданина противопоставить «взбунтовавшемуся рабу», восстановить революционный порядок, железной рукой сотворить власть закона. Соответственно этому перед ним стал вопрос о репрессиях против всего того, что не укладывается в нормальные рамки творческой революции. И, действительно, страна жаждет твердой власти. Она уже устала от неопределенности, безвластия закона, от хаоса и неразберихи «явочного» проявления раскованных, неулегшихся сил. И, конечно, твердая власть необходима. Но ею может стать, среди взбаламученного моря темной стихии русской действительности, лишь правительство, популярное в массах, т.е. лишь правительство, которое одной рукой сейчас твердо и властно наводит порядок, а другой рукой не менее смело, твердо и властно проводит социальные реформы, подымающие «хижины за счет дворцов». Стоит лишь хоть немного нарушить эту гармонию, этот параллелизм двусторонней деятельности — и все будет кончено. Правительство, запаздывающее с социальными мерами, делается одиозным со своими мерами по введению порядка, не ослабит, а усилит ими центробежные течения и, в конце концов, сорвется с ними.

Именно эта опасность и стоит сейчас перед правительством, на котором повисла, словно жернов осельский на вые, «коалиция». Его пассив все больше и больше превышает актив, его популярность падает. Оно висит сейчас в воздухе.

«Очень часто даже от министров приходилось слышать, что если власть не валяется на улице, то она будет валяться, и всякий, кому не лень, может нагнуться и эту власть подобрать, ею овладеть». Так говорил т. Авксентьев на съезде, когда обосновывал невозможность дальше оставлять чисто буржуазное правительство, обреченное на безвластие. Ныне коалиционное правительство, изжив себя, отслужив свой срок, привело нас к тому же положению. И так как мы не хотим этого видеть, не хотим выбросить за борт элементы, парализующие его созидательную деятельность — справа до к.-д. включительно, — то перед нами риск катастрофы — овладения властью теми, кто будет иметь дерзновение нагнуться и поднять ее.

Большевики на то и держат курс — решительно и смело. Упорно назначили даже день — 20-е число, — когда они совершат переворот. Двадцатого ждали, как светопреставления, и, конечно, не дождались: перевороты приходят «яко тать в нощи», а не по предварительной публикации. Но трудность не в том, как сделать переворот, а в том, что после него будет.

«Ты все пела? Это дело: так поди же, попляши!» Вот перед чем встанет большевистская партия, если ей удастся захватить

власть. Едва ли не каждый большевик, по народной поговорке, «хороший рассказчик, да плохой приказчик». Послушай хотя бы Льва Троцкого, как у него все на словах выглядит гладко: словно специально про него и сказано: у нашего Левки все ловко, он из песку веревки вьет. Но ведь не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит. Я не хотел бы хлестать щей, сваренных г. Троцким. И не только потому, что безлюдье и некомпетентность сделают их пребывание у власти смешной и жалкой картиной, ибо они и не подозревают, с какими порой почти неодолимыми трудностями приходится иметь дело у государственного руля и какая огромная тягота в нынешних русских условиях власть. Разве об этом будут задумываться люди, которые носят мозги набекрень? Но всего затруднительней дело их будет от того, что им придется у власти делать все то, что они предавали анафеме в оппозиции. Они все время агитировали против займа свободы, — им придется схватиться за заем свободы. Они все время разлагали армию — им потребуется иметь под рукой сильную армию. Они все время повышали требовательность рабочих — им, перед опасностью финансового и промышленного краха, придется умерять требования рабочих. Они делали одиозным малейшее применение репрессий — но им самим не обойтись без репрессий, тем более, что они плывут на гребне валов взбунтовавшейся стихии, всячески расковывают и разнуздывают ее, и она начнет неизбежно перекачивать через их голову. И беда здесь не только в том, что содержание большевистской программы явно окажется, как говорится, и цветно, и красно, да линюче. А беда в том, что как бы успешно они сами ни проделали метаморфозу от безответственной агитации к ответственному обуздыванию стихии, а им это удастся меньше, чем кому бы то ни было. Их катастрофа будет неизбежна, но она может быть катастрофой всей России.

При той тактике, которую усвоила сейчас ответственно чувствующая и мыслящая демократия, она осуждена на поражение. По-видимому, большевистский бурун нагрянет неотвратимо. Я безрадостно гляжу на ближайшее будущее. Массы сейчас опьянены. Потом придет отрезвление. Но удастся ли вовремя вмешаться, чтобы остановить всеобщую разруху и всеобщий развал? Демократическое совещание могло предотвратить кризис. Оно этого не сделало. Он будет. И ликвидировать его будет труднее, чем предотвратить. Ответственно мыслящая часть трудовой демократии будет ослаблена, дискредитирована. Она упустила момент, а такие промахи поправляются с трудом. Надо было не упускать, когда все шло нам прямо в руки, а «не удержался за гриву — за хвост и подавно не удержишься».

Автору нельзя отказать в весьма обоснованной и справедливой оценке сложившейся обстановки и политической линии своей партии. Но и здесь ее лидеру, именно как лидеру, не повезло. Впоследствии в рукописи появилась характеризующая ситуацию приписка:

P.S. «Эти "Листки из политического дневника" писались как серия статей для "Дела народа", но, в качестве еретического мнения, не увидели света. Товарищи говорили мне, что (в) моей критике много убийственно верного, но именно потому и нельзя ее печатать, тем более, что в конечном выводе я — лидер партии с.р. — на свою и ее беду — разошелся с партией с.р. Я же, напротив, был убежден, что большинство низов партии — со мною и что ближайший съезд партии это докажет. Действительно, IV съезд с.р. дал мне полное нравственное удовлетворение. Что касается моего прогноза, то, конечно, я многого не предвидел. Жизнь далеко обошла мои самые пессимистические предположения. Тем не менее общая моя концепция оправдалась, и это дает мне смелость опубликовать эти заметки»²⁰.

Заметки были опубликованы в 1919 г. в сборнике статей «Из недавнего прошлого», но они уже утратили свою актуальность. Сделанное лидером партии предупреждение ее руководителями услышано не было. Да и настрой статьи говорит, пожалуй, о том, что и сам автор понимал запоздалость своих выводов и реакция на них не была для него неожиданностью. Но статья представляет интерес и сейчас, и не только как страница политической биографии В.М.Чернова или истории взаимоотношений внутри партии эсеров. Весьма интересны и прогнозы его как теоретика и политика положения, в котором оказались большевики, став правящей партией.

Так или иначе, «Записки» создают впечатление, что их автор не относится к числу демократов, о которых, подводя итоги революции 1848 г., иронически писал Маркс: «Демократ выходит из самого позорного положения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, — выходит с укоренившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должны оставить старую точку зрения, а, напротив, обстоятельства должны дорасти до него»²¹, хотя сказать это о его партии в целом нельзя. Да и сам Виктор Михайлович по отношению к своей критике строгой последовательностью не отличался, о чем говорит его дальнейшая практически-политическая деятельность.

В.М.Чернов осенью 1917 г. даже как бы дистанцируется от политики своей партии. Это видно на примере статьи «Единственный выход», опубликованной в «Деле народа» 30 сентября. Констатируя «начало крупных, массовых аграрных волне-

ний», он прямо обвиняет эсеров в том, что эти волнения спровоцированы их политикой. Их можно было избежать, издав временные законы, на основе которых земельные комитеты могли бы урегулировать все землепользование в соответствии со «здоровыми требованиями» крестьян. А эсеры «опаздывали, опаздывали, и еще раз опаздывали, как будто можно было отказаться от обостренного войной и революцией аграрного вопроса вплоть до откладывающегося и откладывающегося Учредительного Собрания». Да, Чернов, будучи министром, пытался провести через правительство такие законы, но ведь и он, несмотря на противодействие кадетов, стремился долгое время к сохранению коалиции с буржуазией. Разве на него, как лидера партии, автора ее аграрной программы, не ложится большая доля ответственности за ее аграрную политику, результатом которой было политическое поражение социалистов-революционеров?

Глава VI. ЗЕНИТ

«За хвост» социалисты-революционеры не удержались. В октябре 1917 г. партия эсеров перестала быть правительственной, эта роль перешла к большевикам. Конечно, эсеры не хотели с этим смириться, и для политической партии это естественно, но политическую линию и тактику, которые избрали ее лидеры, вряд ли можно считать правомерными. Любая политическая партия, если она является организованной политической силой, должна уметь не только одерживать победы, но и стойко, с достоинством переносить поражения. Оказалось, однако, что у социалистов-революционеров этого умения нет.

2 октября 1917 г. В.М.Чернов покинул столицу для «объезда России» с целью выяснения настроения масс и во время вооруженного восстания отсутствовал. Известия о событиях в Петрограде он получил на Западном фронте, и первой реакцией на них была его речь 25 октября в 12 ч. на съезде крестьянских депутатов Западного фронта, которых он призвал к борьбе с большевистской властью. Эсеровский лидер стал одним из организаторов «Комитета спасения Родины и революции», образованного 26 октября, и вошел в его военно-организационную комиссию. Комитет пытался поддержать наступление А.Ф.Керенского — П.Н.Краснова¹ из Гатчины на Петроград, выступил инициатором антибольшевистских вооруженных выступлений 29 октября юнкеров Константиновского, Николаевского, Павловского и Владимирского училищ.

Приехав в Псков, В.М.Чернов направил в Могилев, в ставку верховного главнокомандующего телеграмму: «Не исключена возможность мирной ликвидации петроградских событий путем переговоров, но только при условии скорейшей присылки серьезных подкреплений с пехотными частями»². Затем, уже в Могилеве, вместе с военным министром А.И.Верховским, Н.Д.Авксентьевым, А.Р.Гоцем попытался сформировать вместо арестованного Военно-Революционным Комитетом Временного правительства новое «общесоциалистическое» правительство, в котором ему предназначался пост председателя. Переговоры, начавшиеся 4 ноября, 11 ноября были прерваны. Верховный главнокомандующий генерал Н.Н.Духонин³, при аресте по приказу Могилевского Совета, был убит солдатами, ставка — ликвидирована.

Эсеры в принципе отвергали возможность перехода власти к Советам. Лидер их фракции на открывшемся 25 октября II Всероссийском съезде Советов М.Я.Гендельман говорил на VIII Совете партии: «В революционный переходный период... регулирование государственной жизни достигается путем соглашения между группами, выражающими волю отдельных классов и групп населения», поэтому Советы, в которых не представлена буржуазия, должны быть не органами власти, а «служить политической организацией рабочего класса, временной формой единой социалистической партии»⁴. Фактически такая позиция означала стремление сохранить коалицию с «цензовыми элементами», которую отвергало большинство народа и целесообразность которой поставил под сомнение В.М.Чернов.

До раскола эсеры были по величине второй, после большевиков, фракцией съезда. По последним данным, к его началу она насчитывала 211 человек (в том числе 127 левых эсеров) из 739 делегатов, участвовавших в открытии съезда. Следует заметить, что, хотя сведения о партийном составе делегатов весьма разноречивы, общей картины они в любом случае не меняют. Эсеры, таким образом, имея к тому же в союзниках фракцию меньшевиков, вполне могли занять на съезде место легальной оппозиции, но предпочли демонстративно покинуть Смольный. Однако это решение было далеко не единодушным. Накануне открытия съезда фракция раскололась: за уход голосовали 60 делегатов, а за то, чтобы остаться на съезде, — 92. Это был достаточно серьезный сигнал.

Правые эсеры дали резкую оценку «большевистского буруна», как назвал октябрьские события в своем прогнозе В.М.Чернов. «Произведенный партией большевиков и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов захват власти накануне Учредительного собрания и за день до открытия Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов является преступлением перед родиной и революцией, знаменует начало гражданской войны, срыв Учредительного собрания и грозит гибелью революции»⁵. Большого резонанса, на что рассчитывали авторы, резолюция не вызвала и фактически означала отказ партии от роли легальной оппозиции, которая в то время была реальна, поскольку Советы, включая ВЦИК, еще оставались многопартийными, и эсеры могли рассчитывать на поддержку Советов крестьянских депутатов, которые, как и объединяющий их Центральный Исполнительный Комитет, не были представлены на II Всероссийском съезде и которым предстояло еще провести свой II Всероссийский съезд. И, кстати, такой подход, возможно, удержал бы партию от окончательного раскола, так как левые эсеры в отношении

блока с большевиками занимали колеблющуюся, неустойчивую позицию и накануне открытия съезда отклонили сделанное им предложение войти в советское правительство. Представляется, что в этой ситуации отсутствие В.М.Чернова сыграло отрицательную роль, обострило ситуацию, ибо его авторитет в партии был по-прежнему высок, и он, судя по всему, и в частности по некоторым деталям его выступлений после возвращения в Петроград, занял бы более гибкую позицию и постарался найти другое решение.

Во время проходивших после закрытия съезда по настоянию Всероссийского Союза железнодорожников и левых эсеров переговоров о создании «однородно-социалистического» правительства, в которое вошли бы представители всех социалистических партий, от народных социалистов до большевиков, именно В.М.Чернов был предложен на пост главы правительства взамен В.И.Ленина. Переговоры шли в напряженной обстановке. С одной стороны, большевики не хотели поступиться уже взятой властью. Они считали, что, раз победа осталась за ними, им должна принадлежать и ведущая роль в правительстве. С другой — эсеры не могли смириться с поражением и предложили, чтобы правительство было сформировано без В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого.

Следует заметить, что лидеры демократических партий, в том числе В.М.Чернов, хорошо понимали силу Ленина. «У Ленина есть импонирующая цельность. Он весь из одного куска гранита. У Ленина есть преданность революционному делу. Ленин — человек безусловно чистый, и все грязные намеки мешанской прессы на немецкие деньги, по случаю его проезда через Германию, надо раз навсегда с отвращением отшвырнуть прочь с дороги», — писал Виктор Михайлович в апреле 1917 г. по поводу возвращения Ленина в Петроград. А далее следовало такое завершение характеристики: «...антихрист ныне явился. Этот антихрист — Ленин»⁶. Переговоры зашли в тупик, и последняя попытка создать правительство из социалистических министров оказалась безрезультатной.

Главную ставку партия социалистов-революционеров и ее лидер делали на Учредительное собрание и до его созыва не выступали с оружием в руках против советской или, как они подчеркивали, большевистской власти. Стратегию и тактику партии в новых условиях должен был определить ее IV съезд, который проходил с 25 ноября по 5 декабря 1917 г. Но еще до его открытия Петроградским комитетом эсеров было заявлено: «Мы должны мобилизовать все силы для защиты Учредительного собрания, не останавливаясь перед гражданской войной»⁷.

В.М.Чернов вернулся в Петроград во второй половине ноября и принял участие в работе съезда и проходившего параллельно с 26 ноября по 10 декабря II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Он оставался идеологом и лидером эсеров. Это показал съезд партии, который устроил ему овацию и избрал своим председателем. Доклад Чернова о текущем моменте был выдержан в духе неопубликованной статьи. Докладчик и оправдывал коалицию, и в то же время относил ее к ошибкам партии. «Концепция, по которой союз всех партий, чуть ли не всех классов, является залогом жизни, — говорил Чернов, — приобрела популярность, а на правом крыле партии даже гипнотизирующее влияние». В итоге трехкратное повторение коалиции «обострило политический кризис партии». Между тем, «если бы после корниловского восстания не было создано коалиционное правительство, а было бы создано истинно однородно социалистическое правительство — в этот момент было бы возможно спасти страну от гражданской войны»⁸. Он раньше других эсеровских лидеров понял невозможность совместной с кадетами работы в правительстве, но на съезде вину за возобновление коалиции осенью 1917 г. попытался возложить на ее противников — М.А.Спирidonову, левых эсеров, расколовших партию, после чего она стала «рассыпанной храминой».

Как философ и теоретик, В.М.Чернов, естественно, попытался дать определение произошедшим событиям. Он считал их революцией, но не буржуазной и не социалистической. К буржуазной он не мог отнести ее хотя бы потому, что уже февральскую считал зашедшей за границы буржуазной революции. Социалистической он ее не признавал, поскольку, по его убеждению, к такой революции «в обнищавшей, экономически расстроеной и хозяйственно не развитой России не готовы ни трудящиеся города, ни трудящиеся массы деревни и к тому же отсутствуют необходимые предпосылки в области международных отношений»⁹. Октябрьская революция — «народно-трудовая», главным вопросом которой является аграрный. Ликвидируя частную собственность на землю, она лишь открывала переходную эпоху «между порой чисто буржуазного уклада и порой будущего социалистического переустройства»¹⁰.

Это определение не носило характера каких-либо чисто схоластических упражнений или спора об абстрактных дефинициях. Из него делались достаточно определенные практические выводы: провозглашенные Советской властью преобразования преждевременны и поэтому обречены на неудачу. В основе ленинской концепции революции лежит решение «форсировать социалистическую революцию в самой отсталой стране в расчете на то, что она подтолкнет всю остальную Европу и

вызовет там социалистическую революцию». Но «пример в условиях безнадежности, — говорил В.М.Чернов, — может давать лишь отрицательные результаты», поэтому единственно правильное решение вопроса — «работать и существовать в рамках господствующей хозяйственной системы, в рамках капитализма»¹¹. Сейчас эти слова звучат как предупреждение.

Съезд, руководимый В.М.Черновым, не отверг Советы и даже вписал в решения специальный пункт, в котором партии предлагалось «обратить особое внимание на выпрямление политической линии поведения Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, всеми средствами укрепляя их как могучие массовые организации трудящихся, защищая их от козней контрреволюции»¹².

Съезд не мог не сказать о своем отношении к Советам, в частности, и потому, что в это время проходил II съезд Советов крестьянских депутатов, в работе которого В.М.Чернов принял самое активное участие, хотя на этом съезде он не выглядел таким триумфатором, как на съезде партии. Для него крестьянский съезд начался с поражения при выборах председателя. Была избрана М.А.Спиридонова, получившая 269 голосов. За Виктора Михайловича голосовали 230 делегатов. Голосование при выборах председателя сразу показало, что на съезде преобладающее влияние принадлежит левым эсерам, которые к этому времени уже организационно оформили свою партию, кстати, лишь после того, как IV съезд эсеров исключил из партии всех, кто участвовал в Октябрьском вооруженном восстании и всех оставшихся на II Всероссийском съезде Советов.

На крестьянском съезде В.М.Чернов фактически как содокладчик выступил по отчету о деятельности Исполкома Советов крестьянских депутатов и по вопросу об аресте кадетов — членов Учредительного собрания. При обсуждении этого вопроса, которое практически было обсуждением вопроса о власти, съезд раскололся. Из 775 делегатов 347 правых эсеров ушли, образовав свой II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, стоящий на защите Учредительного собрания, на котором В.М.Чернов занял председательское кресло. Съезд открылся 5 декабря и в некоторой мере стал своеобразным продолжением съезда партийного.

IV съезд эсеров поддержал своего председателя, констатируя, что между «верхами» и низами партии существует разрыв. «Съезд признает, что ЦК не осуществлял в должной мере свои обязанности по контролю над деятельностью членов партии, занимающих самые высокие посты в органах государственного управления и руководящих органах демократии. Этим ЦК делал партию ответственной перед трудящимися массами

за политику, ею не санкционированную, за события, о которых она не была даже осведомлена, за действия, не соответствовавшие ни ее программе, ни коллективной воле... Съезд отмечает идейный и организационный разброд, полный паралич партийной дисциплины, поразивший целые организации»¹³.

Крестьянский съезд также признал, что Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов иногда «отставал от требований революционного трудового крестьянства, и в этом отношении на нем лежит определенная ответственность», в частности, «не проявил достаточной решительности и самостоятельности в деле передачи земли в ведение земельных комитетов»¹⁴. Резкой критике были подвергнуты большевики, вообразившие, «будто в оскудевшей, нищей, полуграмотной, страдающей от хозяйственной разрухи России можно приступить к немедленному осуществлению социализма». Им было предъявлено обвинение в «глубоком недоверии к трудовому крестьянству», неумении понять его нужды и стремления и вытекающих из этой предпосылки планах «выделить из трудового крестьянства батраческие части и противопоставить их всему остальному крестьянству»¹⁵. Руководимый В.М.Черновым съезд, таким образом, прогнозируя ситуацию, выступил против политики «углубления социалистической революции» через создание комитетов бедноты (комбедов) и режима «продовольственной диктатуры». Нельзя не признать, что и общая критика отношения большевиков к крестьянству не безосновательна: нахождение общего языка с ним для советской власти и большевистской партии неоднократно служило камнем преткновения.

В резолюции по докладу В.М.Чернова о текущем моменте IV съезд эсеров высказался за политику «чистой демократии» и обязал все местные организации принять меры, чтобы в случае необходимости вступить в бой «с преступным посягательством на верховную власть народа»¹⁶, т.е. на Учредительное собрание. Вслед за партийным съездом эсеров и крестьянский съезд в своей резолюции заявил, что власть должна принадлежать всему народу в лице Учредительного собрания, а не какому-нибудь отдельному классу или партии, при этом Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не устраняются, а как классовые организации должны служить опорой власти. Съезд принял резолюцию с выражением недоверия Совету Народных Комиссаров, который был объявлен «незаконным захватчиком власти», виновником начавшегося распада России на составные части, предотвратить который, а также дать долгожданный мир, хлеб, землю и волю может только Учредительное собрание¹⁷.

Призывая в своих выступлениях разворачивать мирную, агитационную, пропагандистскую работу в массах, отзываясь и переизбирая пробольшевистских депутатов Советов, В.М.Чернов в то же время предупреждал, чтобы партия своими неосторожными, экстремистскими действиями не дала большевикам повода для срыва Учредительного собрания и развязывания гражданской войны. Он категорически возражал против планов эсеровских «боевиков» «срезать» большевистскую голову, захватить в качестве заложников, а если понадобится, то и ликвидировать Ленина и Троцкого¹⁸.

Понятно, почему эсеры во главе со своим лидером так настойчиво повторяли, что связывают свои надежды с Учредительным собранием. Дело тут не только в приверженности к самой идее о нем как «хозяйине земли русской», но и в том, что выборы в него уже состоялись 12 ноября и эсеры получили на них 40,4% голосов, причем в 27 из 76 округов, по которым имеются данные, они собрали абсолютное большинство, т.е. более 50%. Был избран и В.М.Чернов, который, кстати говоря, выдвигался кандидатом в члены Учредительного собрания в наибольшем числе избирательных округов — в пяти и баллотировался в Воронежской, Тамбовской и Харьковской губерниях. Кроме него по пяти округам был выдвинут лишь Н.Д.Авксентьев. Большевики получили 24% голосов. В итоге в Учредительном собрании из 715 членов было 412 социалистов-революционеров и 183 большевика.

Но при выборах лидеры партии, в том числе В.М.Чернов, допустили некоторые тактические ошибки. Выборы в Учредительное собрание шли по партийным спискам, которые были составлены еще до раскола партии, и в них были включены и правые, и левые эсеры. Между тем было ясно, что к оформившимся разногласиям правых и левых эсеров прибавились и расхождения по вопросу об отношении к Учредительному собранию. Показал это, в частности, II Всероссийский крестьянский съезд.

После выступления на нем Ленина, предостерегшего делегатов от превращения Учредительного собрания в идола и предупредившего, что звание его депутата не может защитить тех, кто покушается на интересы трудящихся¹⁹, имея в виду арест депутатов-кадетов, Чернов возразил ему, подчеркнув: дело не в кадетях, а в натиске на само Учредительное собрание²⁰. Кстати, ранее он говорил, что «главной причиной затяжки с Учредительным собранием было то, что кадетская партия ультимативно настаивала на соблюдении всех формальностей процедуры по организации выборов», не допуская участия в них «самочинных органов власти»²¹ (речь идет о Советах). Однако часть фракции левых эсеров придерживалась

другого мнения. Один из наиболее влиятельных лидеров этой партии А.Л.Коллегаев заявил: «Если Учредительное собрание выступит против народа, против террора, мы вступим с ним в борьбу»²². Правда другой выступающий от этой фракции — В.А.Карелин²³ все же отнес аресты кадетских депутатов к ошибкам большевиков. Резолюция В.М.Чернова: «Учредительное собрание должно в своем законодательном творчестве претворить в жизнь чаяния масс, выраженные Советами. Ввиду этого съезд протестует против попытки отдельных групп столкнуть между собою Советы и Учредительное собрание»²⁴, прошла незначительным большинством голосов.

Левые эсеры, будучи в блоке с большевиками, в то же время не шли на полную изоляцию от правых и одной из причин этого было стремление использовать при выдвижении кандидатов в депутаты авторитет Чернова. О таком желании говорит процесс подготовки баллотировочного списка партии на VIII Петроградской конференции эсеров. Левые эсеры составляли на ней большинство, но предпочли отдать первое место в нем В.М.Чернову, полагая, что его имя должно «протянуть» весь список, к которому правая часть относилась отрицательно, и оказались правы.

В общем ни те, ни другие не поставили вопроса о пересмотре списков, с тем чтобы каждая партия выступала самостоятельно. При этом правые эсеры полагали, что их бывшие соратники после раскола сами откажутся баллотироваться по этим спискам и аннулируют свои мандаты. Такое предположение представляется достаточно наивным (верили ли в него сами правозесеровские лидеры?). Какая же политическая партия добровольно откажется от места в органе, который, по их же словам, является «хозяином земли русской»? ЦК социалистов-революционеров напрасно взывал к совести левых эсеров, убеждая, что они должны отказаться от своих мандатов, добытых нечестным путем. Призыв остался гласом вопиющего в пустыне. Таким образом, вместе с правыми (их было большинство) вошли в Учредительное собрание и левые эсеры, которые были союзниками большевиков, с декабря 1917 г. сотрудничали с ними в двухпартийном правительстве, имея в нем семь министерских портфелей, и их участие в работе Учредительного собрания не только ослабило эсеровскую фракцию, но и усилило позицию ее противников.

В одном только, пожалуй, сказалась положительная сторона единого эсеровского списка. Отношение левых эсеров к Учредительному собранию оказывало сдерживающее влияние на позицию большевиков. По свидетельству Троцкого, Ленин говорил ему: «Надо конечно разогнать Учредительное собрание, но вот как насчет левых эсеров»²⁵.

Тогда же на конференции лидер партии выразил опасение за судьбу «российской конституанты», если она не оправдает большевистских ожиданий. По его словам, угрозу ей он увидел между строк речи М.М.Володарского на Петроградской конференции РКП(б), в которой оратор заявил, что разгон Учредительного собрания не вызовет сильного разочарования в массах, поскольку они «не страдают парламентским кретинизмом»²⁶.

28 ноября 1917 г. первый раз в Таврическом дворце собрались члены Учредительного собрания — примерно 50 человек, в том числе 37 эсеров и несколько кадетов. Они избрали Виктора Михайловича временным председателем, приняли решение отложить официальное открытие собрания, пока не придет достаточное количество депутатов и резолюцию протеста против ареста членов ЦК кадетов, на этом совещание закончилось. В заключение временный председатель принял несколько делегаций. Впоследствии некоторые экстремистски настроенные депутаты обвиняли его в том, что стоя на позициях «чистого парламентаризма», он слишком поторопился свернуть работу совещания.

Положение Чернова в этот момент не отличалось устойчивостью. При выборах бюро фракции 9 декабря он получил наименьшее количество голосов — 33, в то время как, например, В.М.Вишняк — 77 и стал только кандидатом в члены бюро. Результаты баллотировки свидетельствовали об общем поправлении партии²⁷. Для значительной части фракции он был слишком левый, слишком лоялен по отношению к советской власти. Некоторые историки сейчас полагают, что на Учредительном собрании Чернов вообще занимал просоветскую позицию.

Голосование при выборах бюро фракции было уже более симптоматично, чем проигрыш при выборах председателя крестьянского съезда. Там большинство составляли левые эсеры, и с ними вместе против Виктора Михайловича голосовали большевики — в итоге не такой уж большой, в 39 голосов, перевес Марии Александровны. Однако руководство партии вынуждено было учитывать популярность и авторитет В.М.Чернова среди рядовых эсеров, отношение к нему левоэсеровских депутатов, более терпимое, чем к другим лидерам правых эсеров, и в итоге бюро фракции 11 голосами против 6 одобрило его кандидатуру на пост председателя фракции, а общее собрание фракции накануне открытия Учредительного собрания избрало его своим председателем при трех воздержавшихся!

Накануне открытия Учредительного собрания в назначенный правительством срок среди членов эсеровской фракции муссировалась идея открыть его, с целью демонстрации своей

независимости, раньше — 27 декабря. В ее обсуждении участвовал и Чернов. Окончательное решение было поставлено в зависимость от поддержки других фракций. Однако с самого начала от участия в этой акции отказались левые эсеры, понимавшие, что это будет означать разрыв блока с большевиками, затем за официальный срок высказалось межфракционное совещание. Бюро фракции и ЦК партии «громадным большинством» предложили депутатам следовать этому решению²⁸.

Открытие Учредительного собрания состоялось 5 января 1918 г. и есть основания констатировать, что эсеры отнюдь не в полной мере были готовы играть роль его ведущей фракции. Выборы председателя показали, что основная масса эсеров по-прежнему поддерживает Чернова.

Характерно, что большевики не выдвинули кандидата из своих рядов. Оба претендента на председательское кресло были эсерами: правые предложили В.М.Чернова, левые, поддержанные большевиками, своего лидера М.А.Спиридонову. В.М.Чернов получил 244 голоса, М.А.Спиридонова — 153. Но, как это ни парадоксально, то обстоятельство, что председательство оказалось в руках лидера партии, пошло не на пользу эсеровскому большинству, а нанесло ему определенный ущерб. Депутат Учредительного собрания В.М.Вишняк в своих воспоминаниях писал, что избрание Чернова лишило фракцию эсеров действенного руководства и она оказалась неспособной эффективно и быстро реагировать на складывающуюся в ходе заседания ситуацию.

События развивались следующим образом. 3 января комиссия «Первого дня» единогласно приняла решение о выдвижении Чернова на пост председателя Собрания, хотя, может быть, единодушие было вынужденным. Правая часть фракции была недовольна его выдвижением, но, как писал потом один из депутатов, «что делать? Он не запятнал себя "оборончеством"... его способны слушать левые эсеры»²⁹. На следующий день члены фракции на последнем перед открытием собрания заседании были намерены ознакомиться с проектом «тронной речи» будущего председателя. Его еле нашли на съезде железнодорожников, он не был готов представить даже тезисы и его полуторачасовая импровизация присутствующих не удовлетворила. Такова была увертюра.

Тронная речь председателя длилась два часа и оказалась более левой, чем прозвучавшая накануне во фракции. Она оценивалась по-разному. «В наиболее "черных" местах речи Чернова, — писал о ней тот же Вишняк, — по правому сектору пробежал холодок. Речь вызвала неудовлетворенность у руководителей фракции и простодушное непонимание этой неудовлетворенности со стороны оратора»³⁰. Судя по стенограмме, выступление прерывалось 60 раз — одна часть аплодиро-

вала оратору, другая — шумно протестовала. Что же в речи вызвало недовольство соратников докладчика? На этот вопрос в какой-то степени отвечает ироническая оценка речи большевистской «Правдой»: «То, что говорил Чернов, — ведь это были сплошные (словесные, правда) уступки советской платформе: тут были и мир, и земля, и рабочий контроль, и даже — боже! — Циммервальд»³¹. Некоторые члены фракции считали, что «председатель своей речью посадил нас в глубочайшие калоши, из которых, пожалуй, не выбраться»³². Дело заключалось в том, что «она была выдержана, — считает Вишняк, — в социалистических и интернационалистских тонах и как бы пыталась быть созвучной и левому крылу Собрания (М.В.Вишняк, видимо, прав — ведь оратор классический центрист). Точно оратор стремился в чем-то заверить или переубедить противника, вместо того, чтобы возможно резче отмежеваться от них и противопоставить им себя, как символ российского народовластия. Это было не то, что могло хоть скоккой-нибудь импонировать, задать тон, удовлетворить требованиям и ожиданиям исторического момента. Это была одна из многих ординарных речей Чернова — далеко не из лучших»³³. Слова Вишняка «это было не то» использовались потом во многих работах, касавшихся истории Учредительного собрания, как наиболее полная краткая характеристика «тронной речи».

Негативное отношение к ней, по отзывам современников, было вызвано прежде всего тем, что Чернов слишком много говорил о социализме, утверждая, что страна показала «небывалое в истории желание социализма», что «все усталые, которые должны вернуться к своим очагам, которые не могут быть без этого, как голодные не могут быть без пищи», должны быть заменены «добровольно шествующей под знаменем социализма армией», что уже самим фактом открытия первого заседания Учредительного собрания «провозглашен конец гражданской войны между народами, населяющими Россию», не забыл упомянуть Советы, которым Учредительное собрание обязано своим существованием, призывал к единению демократии под знаменем социализма. Он считал нужным подчеркнуть, что «важнейший пункт социалистической программы — проверочное всенародное голосование» и что, «как только Учредительное собрание достигнет несчастья разойтись с волей народа, оно должно будет сложить с себя полномочия и немедленно назначить перевыборы». В итоге, по свидетельству Вишняка, речь «вызвала раздражение против лидера» и заставила других ораторов из числа правых эсеров в своих выступлениях досказывать то, чего не сказал председатель. А главная задача, считала фракция, состояла в том, чтобы «выйти из борьбы, не предрешая дальнейших ее путей, с постановлениями, исходящими не от партийных комитетов и профессиональных

съездов, не от частных совещаний и общественных учреждений, а от Всероссийского Учредительного собрания»³⁴.

Но, наверное, не обилие в речи социалистической и интернационалистской риторики раздражало правых эсеров, а ее примиренческий тон, желание совместить несовместимое и всем угодить. Не случайно он не упомянул об арестах депутатов Учредительного собрания, о чем накануне его открытия было произнесено немало речей. Ничего не сказал о том, что произошло на улицах Петрограда в день открытия, когда была разогнана демонстрация в поддержку Учредительного собрания — 12 чел., по официальным данным, было убито, не менее 20 ранено, старался вообще не говорить о большевиках и левых эсерах. «Как искусный слаломист, обходящий на трассе флажки, Чернов искусно миновал острые политические углы»³⁵.

Воспоминания секретаря Учредительного собрания столь обильно процитированы потому, что в них не только изложено содержание речи В.М.Чернова, с которой можно познакомиться и по стенограмме заседания, а они дают представление, кем и как она была воспринята, поскольку она, не оставив значительного следа в истории, в дальнейшей судьбе Чернова сыграла немаловажную роль. Следует заметить при этом, что Вишняк, критикуя Чернова, вместе с тем отдает должное его поведению в Учредительном собрании. «Мужество и выдержку Чернов проявил огромные. Но мужества и выдержки было недостаточно»³⁶.

По предложению Чернова, Собрание, после ухода большевиков, а вслед за ними и левых эсеров, приняло решение не расходиться до тех пор, пока не будет завершено обсуждение подготовленных фракцией законов о земле и мире, но... Во время чтения председателем проекта закона о земле к нему подошел начальник дворцового караула А.Г.Железняков. «Я получил инструкцию, — обратился он к Чернову, — довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал». (Голоса: «Нам не нужно караула».) Чернов: «Какую инструкцию? От кого?» Железняков: «Я являюсь начальником охраны Таврического дворца, имею инструкцию от комиссара». Чернов: «Все члены Учредительного собрания тоже очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашения закона, которого ждет Россия. (Страшный шум, крики: «Довольно, довольно».) Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила!» (Шум, голоса: «Долой Чернова».) Железняков: «Я прошу покинуть зал заседания»³⁷.

В.М.Чернов предложил без прений принять закон о земле, огласил обращение к «союзным державам». По его предложению в срочном порядке Россия была провозглашена республикой, чтобы большевики, как он объяснил, не смогли на сле-

дующий день сказать, будто учредильцы оставили открытой дверь для восстановления монархии. Было принято также внесенное эсерами решение о лишении императорской семьи всех прав и об уничтожении навсегда монархического образа правления³⁸. В 4 часа 40 мин. Чернов закрыл заседание. После этого в ночь на 6 января ВЦИК принял «Декрет о роспуске Учредительного собрания». Оставаясь председателем несуществующего органа, В.М.Чернов 8 января подписал извещения партийным организациям о подготовке средств «к скорейшему возобновлению работы Учредительного собрания». Что подразумевалось под «подготовкой», показали события, развернувшиеся весной 1918 г.

Сразу после роспуска Учредительного собрания В.М.Чернов пишет продолжение «Листков из политического дневника» — большую статью «Охлос и демос». Она была опубликована в сборнике статей, выпущенном в эсеровском издательстве в 1919 г. очень небольшим тиражом, и мало кому известна, хотя представляет большой интерес. Представляется целесообразным привести ее целиком, поскольку это не только и не просто злободневная статья, реакция политика на роспуск Учредительного собрания. В ней изложены и взгляды философа и теоретика В.М.Чернова, его точка зрения на особенности российского капитализма, на социализм и пути перехода к социалистическому строю, на социальную структуру масс и их роль, как она ему видится в свете бурных событий начала века, на их возможные, точнее, наиболее вероятные последствия и на путь, по которому может пойти в дальнейшем история России.

«Народ не велено пущать к Таврическому... Осади назад!»

Так говорили демонстрантам 5-го января красногвардейцы. В Российской демократической республике правящий демос, народ держали на почтительном расстоянии от его Учредительного Собрания...

Однако в зале Таврического Дворца присутствовали не одни депутаты. Во-первых, на хорах была «публика». Во-вторых, в дверях, в проходах толпился тоже какой-то люд в солдатских шинелях, в матросских форменках. Ведь все это тоже был «народ»! И не только потому, что весь этот люд должен был — в глазах «хозяев», имевших ключи от Таврического Дворца, — специально изображать из себя «разгневанный народ», чьему голосу «Совет народных комиссаров» уступает, разгоняя Учредительное Собрание, — но и потому, что на каком же основании можно этих рядовых простоллюдинов в рабочих блузах, в солдатских шинелях и матросских форменках исключить из «народа»? Чем они отличаются от таких же ра-

бочих, солдат и матросов, шедших, например, в рядах демонстрантов в честь Учредительного Собрания, а несколько дней позже — провожавших печальный кортеж гробов на Преображенское кладбище?

И все же разница между двумя этими сортами «народа», несомненно, имеется. Разница не по социальному составу, разница не по имущественному достатку, не по происхождению. Но огромная разница в психологии, огромная разница во всем поведении.

И это прежде всего бросается в глаза, когда мы посмотрим на огромную *выдержку* и *самодисциплину* демонстрантов 5-го января. Демонстрация должна была быть *мирной*. И несмотря на то, что из-за угла, из дворов, с крыш расстреливали — часто без предупреждения — толпу, расстреливали повторно, в одних и тех же местах, расстреливали злобно, низко и подло — расстреливали, целясь в подставленные под дула винтовок открытые груди рабочих и солдат, — им в ответ не раздалось *ни единого выстрела*. И еще одна, поражающая всех наблюдателей, особенность: несколько раз, встречаемая залпами, волна демонстрантов взмывалась после залпов вперед, заглушая пением революционных гимнов стукотню выстрелов; несколько раз с потрясающим энтузиазмом сплывались вокруг красных знамен, принимая их из рук падающих на землю раненых или убитых. И когда под выстрелами иные ложились в снег, находились целые группы людей, которые предпочитали пасть жертвой и, невооруженные, стояли с гордо поднятыми вверх головами... Какая потрясающая картина!

Или эта траурная демонстрация: десятки, сотни тысяч людей. Стройные колонны. Густые ряды шпалерами. Ни одного «охранителя общественного порядка». Их не нужно. Порядок поддерживается сам собою. Ни давки, ни тесноты. На кладбище все убрано, все расчищено стараниями самих рабочих соседнего Обуховского завода. Во время речей ораторов — мертвая тишина. Вся программа шествия и торжественного чествования памяти павших выполнена точно, как будто тщательно спететированная заранее, под руководством опытного режиссера. И между тем все это достигнуто именно «самом собою», здоровым чутьем, инстинктивным тактом и самодисциплиной рабочих мест. Здесь действовал организованный, сознательный «демос».

А кто был на хорах и в проходах Таврического Дворца? Тоже народ? Нет — шумная, пестрая, беспорядочная «улица». Более резкого контраста с тем, что происходило на демонстрации 5-го и 9-го января, нельзя себе и представить. Да, в здание Таврического Дворца ворвалась с гамом и шумом улица — об этом свидетельствовал каждый звук и каждый жест. Не-

стройные выкрики, пронзительный свист каждого специалиста этого дела, вкладывавшего в рот два пальца и наполнявшего зал оглушительным посвистом, способным затмить былинный посвист Соловья-разбойника; стража, наряженная якобы для соблюдения порядка и напрягающая все силы для произведения наибольшего беспорядка; винтовки и револьверы, направляемые время от времени с хор и из проходов по направлению к неугодным ораторам; хулиганские выходы людей, набранных в Таврический Дворец, чтобы инсценировать «народное сочувствие» большевикам, и потому чувствующих себя вправе «располагаться как дома» и класть ноги на стол; не «народ», а толпа, как будто не знающая, где она находится — в здании Учредительного Собрания или в чайной Союза русского народа³⁹, где каждый может свистеть, горланить, и вообще выражаться больше нечленораздельными, чем членораздельными звуками, — такова была эта, единственная в своем роде, картина, этот беспримерный скандал в летописях народного представительства; скандал, в котором дирижирующая роль принадлежала людям, носившим иногда высокое звание членов Учредительного Собрания, иногда — «высокое» звание членов Совета народных комиссаров. И, чтобы еще более подчеркнуть всю стадность, всю элементарную стихийность этой «толпы», она, вместе со своими «верхами», дебютировала в Учредительном Собрании дикой сценой — колотя кулаками по пюпитрам, топая ногами по полу, крича, жестикулируя, словно толпа буйных умалишенных, — при таком обычном, таком естественном событии, как попытка старейшего по возрасту члена Учредительного Собрания формально объявить его заседание открытым и предложить выбрать из своей среды председателя!

Из этого простого сопоставления внешнего поведения уже намечается первое, глазомерное, грубое различие. С одной стороны — *демос*, народ, как стройное единство, проникнутое единым сознанием, единой волей и высоко развитой самодисциплиной. С другой — охлос — толпа, улица, чернь, разнуздавшая свои инстинкты, давшая волю своим страстям, бушующая грубо и дико, как элементарная, слепая стихия.

Красногвардейцам и матросам было поручено занять помещение редакции и конторы газеты «Дело народа». Они «заняли». И прежде всего — произвели форменный *погром*. Рвали в клочки рукописи, переплетенные экземпляры разных газет, счета, конторские книги — все, все. Пишущий эти строки помнит, как в 1906 году, перед Столыпинским разгоном первой Государственной думы, газета партии с.-р. — она тоже называлась «Дело народа» — подверглась налету царских опричников. Ее окружили вооруженными до зубов городовыми, конной и пешей полицией; арестовали всех, кто был в здании;

тщательно обыскали всех и все. Картина была отвратительная — недаром предприятием руководил бывший провокатор, а тогда уже чиновник особых поручений Статковский. Но и тогда «налет» не носил такого дикого, погромного характера, как налет Смольной опричины в эти дни. Тогдашние городовые и жандармы хранили какую-то, хотя бы внешнюю, дисциплинированность. Они не впадали в безобразное, стихийно-злое и злобное исступление, не срывали своей злобы на печатной бумаге газет и конторских книгах. Они помнили, что выполняют в качестве служебного орудия какой-то правительственный акт и что хоть со внешней-то стороны правительство не должно выглядеть в их лице как правительство погромщиков. Элементарное приличие тогда считали необходимым соблюдать. Внешняя корректность была чем-то обязательным. Произвол заворачивался в фиговые листья. Показываться всенародно «в чем мать родила» казалось зазорным...

Красногвардейцам и матросам поручено было произвести обыск в помещении Вольно-Экономического общества⁴⁰. Обыск производился тем упрощенным способом, каким это принято теперь. Столы взламывались штыками, больше разрушали и громили, чем обыскивали. В число обнаруженных при обыске улик хотели во что бы то ни стало втиснуть какую-то пулеметную ленту, о которой даже не смогли дать точных указаний, где именно она обнаружена.

После обыска в помещении Украинского клуба портрет Шевченки оказался проткнутым в нескольких местах штыком и повешенным головой вниз.

При обстреле отступавших с Литейного проспекта демонстрантов их преследовали выстрелами в спину. Затем, догнав их и вырвав красное знамя, его ломали в куски, рвали в лохмотья, топтали сапогами. Когда-то Милюков вызвал всеобщее негодование социалистов без различия фракций, обнаружив словесное неуважение к этой эмблеме социализма, которую он обозвал «красной тряпкой». Теперь никого не удивляет, если эту святую для социалистов эмблему топчет тяжелый и грязный сапог красногвардейца. Ему «все позволено».

На улице отбирают у газетчиков все газеты. Еще иногда дают пощаду газетам буржуазным или просто бульварным. Но газеты социалистические, являющиеся среди рабочих масс противовесом «Правде», уничтожаются самым беспощадным образом. Потом они сваливаются огромными горами на улице, и вот уже горит веселый костер. Огненным языком слизывает огонь дочиста строки, вышедшие из-под пера Горького, Церетели, Чернова. Фамусов и Скалозуб, воскресни они в наши дни, были бы приятно изумлены. Не они ли мечтали: «Чтоб зло пресечь, собрать бы книги все, да сжечь!» И разве не по-

радовало бы их взоры, что хоть часть социалистической литературы торжественно предается на улице всесожжению? Да какой же лучшей подготовки к будущему торжеству полковника Скалозуба можно желать, чем это вандалское обращение с печатным словом со стороны людей, претендующих на звание социалистов!

Арестуют людей... Обыскивают на улице... В ответ на требование показать ордер получается ответ: «Ну, ты еще поговори у меня!» «Штыком под ребро хочешь?» «Без пули не обойтись тебе!» «Ну, нечего, нечего, проходи, пока шкура цела!» Простой смертный, делегат Всероссийского крестьянского съезда, избранник народный, член Учредительного Собрания — все равны перед этим грубым солдафонством, достойным худших времен самодержавного произвола.

В больнице, тяжело больные, лежат два «министра-капиталиста». Правда, никаких ни капиталов, ни фабрик за ними не числится, но... они смеют не верить в социализм! Этого достаточно. На их головы направляется озлобление самых темных элементов народа. «Министры-капиталисты!» Эта упрощенная формула вполне достаточна. «Довольно они попили нашей кровушки!» — родится при этих словах темная, озлобленная мысль. И, разжигаемая этими мыслями, толпа немедленно выдвинет «передовых баранов», у которых среди общей темноты сознания красным туманом забродит жгучая стихия злобы и мести. Генерал Духонин, Коровиченко, Шингарев, Кокошкин⁴¹. Стреляют в едущего по улице Церетели, «случайным выстрелом» на улице оцарапана шея едущего на извозчике Горького. Чья очередь дальше?

При арестах и обысках пропадают ценные вещи. После взятия Зимнего Дворца «советскими» солдатами долго на улицах идет торг похищенными отсюда вещами. Красногвардейство идет рука об руку с «красным» хулиганством и «красным» мародерством...

Торжество «Советской власти» ознаменовывается нескончаемым рядом разгромов винных погребов. Вокруг места грабежа затевается перестрелка, порою идет правильная осада. И чувствуется, что распределение мест едва ли не случайно и что разгоняющие могли бы быть на месте разгоняемых, и наоборот. Ибо в атмосфере грубого произвола, отсутствия всякой дисциплины, царства всеобщей распушенности не громит, не бегают, не захватывает, не «пользуется» в той или иной форме только ленивый.

Личная безопасность исчезает. Каждый извозчик на собственном горьком опыте знает, в какой степени не обеспечена личность человеческая теперь на улицах столицы, и, выезжая

ночью, пугливо озирается по сторонам, словно он — в дремучем лесу, где «пошаливают» и лихие люди, и дикие звери.

Все это — подвиги *охлоса*.

Что такое народ? Народ есть совокупность трудящихся классов.

Таков был один из элементарнейших пунктов старого народнического катехизиса.

Но это народ — «демос». А народ — «охлос»? О, этот вид «народа» гораздо пестрее...

И прежде всего все те подонки, все отребье населения — то, что немцы называют «Lumpenproletariat», весь этот «воздушный народ», без определенных занятий, без правильных средств к существованию, выбитый из жизненной колеи, временами впадающий почти в бродяжничество и «босячество», временами какими-то неисповедимыми судьбами преуспевающий, не очень разборчивый на способы, какими можно преуспеть, — занимает в «охлосе», в «черни», в «улице», выступающей как особая сила, — не последнее место. Так в котле, в спокойном состоянии вся муть оседает на дно, но поставьте его на огонь, заставьте klokотать и кипеть — и все эти осадки, все эти «подоночные» элементы, вся муть подымается наверх и собирается в грязно-бурую накипь.

Но ряды этих «выбитых из колеи общественности» состояний, этих деклассированных, «declassés», как выражаются французы, неизмеримо растут в эпоху общественного кризиса и разрухи. Безработные, бездомные, обнищавшие, лишившиеся занятий, — эти выкидыши всех классов образуют беспокойную озлобленную пеструю массу. Их озлобленность беспредметна, их настроение случайно, ибо какая же прочная равнодействующая общественного недовольства может быть среди людей, в которых подобались кто с бору, кто с сосенки, в которых господствует, в конце концов, причудливая смесь «одежд и лиц, племен, партий, наречий, состояний». Ведь поистине, «из хат, из келий, из темниц сюда сошлись для стяжаний». Почва из-под ног выхвачена, а между тем «стяжать» средства существования необходимо. Создалась уже привычка к неопределенному, непрочности существования, отвычка от правильной работы, от трудовой дисциплины. Наряду с люмпен-пролетариями, духовно сродни им, заводятся люмпен-торговцы, люмпен-ремесленники, люмпен-спекулянты. Все они живут кое-как, то выносимые на гребне жизненной волны — если «пофартило», то сбрасываемые вниз. Подвижные, прошедшие огонь, воду и медные трубы, «тертые калачи», они всюду в момент народного брожения могут выдвигнуться в первые ряды, кричать бойче всех, приспосабливаясь к кому угодно и быть по-волчьи с волками любой породы. Они сами как социальное перекаати-поле: их может

легко подхватить и понести любой ветер. Легко возбудимые, нервные, в состоянии возбуждения безудержные и бесшабашные, они легко могут явиться увесистым тараном в руках умелого человека или умелой котерии⁴² и «вышибать» самые прочные и наглухо запертые ворота...

В эпоху самодержавия эти элементы давали богатый материал для черносотенной демагогии. Надо ли громить евреев, надо ли громить интеллигенцию, надо ли «коренному» крестьянину противопоставить буйную деревенскую вольницу, хотя бы купленную или подвоенную кулаком; надо ли в рабочих кварталах против «омещанившегося» квалифицированного рабочего двинуть фабричную «чернь», набивающую чайные Союза русского народа, — среди этих неудачников, непристроенных в жизни, отброшенных и озлобленных «вандалов» современного города можно всегда произвести успешный набор. В эпоху революции, наоборот, эти элементы сравнительно быстро и легко переходят в самый крайний лагерь, перенимая внешне его лозунги, без милосердия их упрощая, утрируя и коверкая. Социализм, конечно, у этих вчерашних адептов черносотенства немедленно вырождается в какое-то плоское, нестерпимо вульгарное красносотенство с анархическим пошибом и наклонностями. Этот переход с одного крайнего полюса на другой совершается с такой быстротой, что уже одна эта легкость заставляет задуматься даже самого легкомысленного человека. Вотчина бесшабашного Илиодора — Царицын — после революции со сногсшибательною быстротою превратился в одну из первых цитаделей истинно русского «ультрафиолетового» большевизма. Верный признак, что столь же неожиданно и быстро при ином повороте колеса истории мы увидим «возвратное течение»...

Во времена итальянской революции «лаццарони»⁴³ южных городов быстро обнаружили, рядом с полной беззаботностью в политическом отношении, еще и *продажность*. Контрреволюция быстро научилась орудовать в этой среде, вербуя своих *наймитов*. Вести классовую борьбу даже неимущие из этой среды неспособны. Они способны лишь громить. Вот почему, когда к ней обращаются социалисты, они вынуждены давать ей вместо классовых лозунгов — лозунги социал-погромные.

В Италии тех времен число этих «лаццарони», этих бездельников было огромно, в связи с тем, что вся хозяйственная эволюция Италии характеризовалась преобладанием разрушительных процессов над созидательными. В этом она походила на Россию. Этому сходству в исходных точках чисто экономического характера соответствовало и сходство в социально-психологических последствиях. Так, например, эпидемия холеры в Италии сопровождалась такими же холерными бунтами, из-

бияниями докторов, их обвинениями в систематическом отравлении простого люда, как это было и в России.

Погромные настроения — основная черта «охлоса», вместе с его легковерием, — легковерием в дурную сторону, т.е. восприимчивую ко всякому натравливанию. Хорошо вспаханной психологической почвой для этого является органическая отчужденность и недоверчивое отношение к *интеллигенции*. Охлос и интеллигенция — два противоположных полюса. Если народ, демос тянется к интеллигенции и ценит ее, то чернь, охлос ей завидует, ей недоброжелательствует, и одновременно — обычное душевное противоречие — ее глубоко презирает за «чистоплюйство». Черты душевной утонченности, неразлучные с интеллигенцией, внутренне противны охлосу: он их психологически не переваривает. Примитивизм и глубокая стихийность — вот его интимнейшая сердцевина. Это — две силы непримиримые.

В моменты острого кризиса, постигающего народное хозяйство страны, количество «деклассированных» элементов возрастает внезапно с необыкновенной быстротой и в колоссальных размерах.

Возьмем современный петроградский пролетариат. При остановке работ на массе крупнейших фабрик и заводов фактически рабочие этих заводов — полудеклассированные. За время войны их состав лишился ценнейших элементов — постоянных, старых, опытных рабочих, неведомо зачем угнанных на фронт, и с той же бессмысленностью, характерной для старого режима, эта убыль была пополнена как попало — пришлыми крестьянами, мелким мешанством, прислугой, бывшими дворниками, штат которых сократился, и, наконец, просто дезертирами. И вот — вся эта масса перешла на положение временно незанятых, как бы отпускных на какой-то неопределенный, вилами на воде писанный срок, правда, на неполном жалованьи, но все же на жалованьи. В других местах было и еще того хуже: на заводах водворился какой-то промежуточный режим «накануне демобилизации», когда не то работают, не то не работают, являются на завод, не зная, что на нем делать, и либо больше слоняясь, чем работая, либо работая без малейшей веры, что эта работа есть действительно нужная работа, а не порча материала. И, конечно, такое положение может только деморализовать, а порою даже развращать рабочих, чувствующих, что они находятся на положении пансионеров государства, ни к чему настоящим образом «не прикаянных»...

И нет ничего удивительного, что при такой непрочности положения для многих таким благодатным выходом явилось пресловутое «красногвардейство». Наши «комиссародрынцы»

прекрасно поняли эту слабую сторону нынешнего пролетариата и предложили ему блестящий выход из безработицы: хорошо оплачиваемые места, с громким и почетным именем «красной гвардии» и фактическим положением какой-то иррегулярной, не знающей никакой настоящей дисциплины полу-полиции, полу-войска для служения на «внутреннем фронте». И вот сюда прежде всего хлынула неокрепшая, неперебесившаяся, не прошедшая трудовой школы рабочая молодежь, — иногда почти подростки — сразу получившие винтовку и револьвер в руки и занявшие в рабочих кварталах то самое положение, которое их хозяева — в России: положение победителей, почти завоевателей, у которых во всем — своя рука владыка. Трудно переоценить все значение внесенного таким образом в сознание рабочей молодежи соблазна. Еще не разобравшиеся толком в вопросах социализма полу-ребята сразу стали орудием чисто партийной власти, вооруженной опорой и основанием этой власти. В стране, где произвол и взяточничество долгое время были прочною частью быта, в стране, где кроме них не оказалось никакой охраны общественного порядка и личной безопасности, этот «взлет» кверху элементов, которые досель в рабочих кварталах рассматривались как подчиненные, несамостоятельные, как «пятые спицы в колеснице», не мог психологически и морально пройти безнаказанно для них. Охлократическое вырождение рабочей молодежи началось, можно сказать, по сигналу, данному сверху. Наверху нуждались в слугах нерассуждающих, покорных, усердных до буйства, до способности перестараться. И за деньги их получили.

Другим поставщиком явился наш флот. Без преувеличений можно сказать, что у власти, именующей себя «советской», есть целая особая категория слуг с ярко выраженными видовыми особенностями: это «сухопутные матросы». Они превращены в каких-то специалистов по всем областям. Надо ли Петербургу зерна? Снаряжаются в разные места России добывательные экспедиции из матросов. Нужно ли проводить на местах какой-нибудь не замеченный тугою на ухо Россиею ленинский декрет? Матросы тут как тут! Карательная экспедиция против какого-нибудь «контрреволюционного» города? Матросам, конечно, отводится видное место. Нужно, во избежание винных погромов, уничтожить источники соблазна, т.е. именем Советов обойти винные погреба и перебить в них бутылки? И здесь матросы выручат. Надо разогнать городскую думу? Надо, наконец, создать для Учредительного Собрания унизительную картину «парламент в участке»? Надо «твердокаменно» загородить дорогу рабочей манифестации, объявленной «калединской»? Паки и паки — матросы!

И вот, движутся туда и сюда сухопутные «команды дальнего плавания»... Не беда, что Гебен и Бреслау держат в страхе все русское побережье Черного моря⁴⁴. Они будут делать свое дело, пока не переменят фронта и не нарвутся на англичан. Черноморским матросам некогда: они десятками расстреливают флотских офицеров в Севастополе, они усмиряют крымских татар, они заняты на Ростовском фронте. Суша — вот отныне истинная стихия матроса... И нечего удивляться при виде того, как собственными руками матросы Балтийского флота готовят конечную гибель всего своего флота. Они поддерживают власть, разлагающую и оголяющую фронт и своей азартной внешней и внутренней политикой подготовляющую оккупацию немцами Прибалтийского края. Они, по сигналу из Смольного, вмешиваются в гражданскую войну, вспыхнувшую в Финляндии, вызывая риск такого же — только в пользу другой стороны — вмешательства шведов и немцев, вмешательства, результатом которого была бы оккупация Финляндии. И тогда — конец Петрограду, угрожаемому с двух сторон. И тогда — конец всему Балтийскому флоту, замкнутому стальным кольцом вражеских сил... Широкое участие матросов в октябрьском перевороте и в дальнейшей поддержке Смольного правительства исторически тяготеет к трагическому акту самоубийства Балтийского флота. Это самоубийство может быть избегнуто лишь одним путем: позорным склонением революционных знамен перед Вильгельмом и постыднейшей капитуляцией, с согласием на любые условия мира, которые только ему заблагорассудится поставить. Но если даже оно и не будет избегнуто — что из того? Все матросы Балтийского флота — я имею в виду оставшихся в живых — радикально «деклассируются». А охлократия и есть господство деклассированной «красной улицы».

В психологии матроса, живущего в объятиях самой непостоянной и переменчивой из стихий — моря с его капризами погоды, которых не предусмотреть, с его внезапными бурями и шквалами, есть что-то, отражающее это буйное стихийное непостоянство. И другая особенность — жизнь на самодовлеющих «плавающих крепостях» — тоже наложила на матросскую среду свой отпечаток. Эти черты матросской психологии особенно умело использовали вчера — большевики, а сегодня не менее умело их начинают использовать анархисты. Буйная удаля, с примесью непостоянства, беззаботная подвижность и неприкованность ни к каким прочным «устоям» и, наконец, самодовлеющее противопоставление остальному миру, при крепкой товарищеской спайке в собственном узком кругу — это ли не черты, наиболее пригодные для формирования по-

движных авангардных отрядов, способных стать во главе мятущегося «охлоса»?

Третьим устоем ныне правящей партии явилось *солдатство*, — точнее, определенная часть солдатства. Какая же именно часть?

Статистика выборов в Учредительное Собрание дает на это совершенно недвусмысленный ответ: тыловые гарнизоны. Партию большевиков после этих выборов многие так и звали — партией тыловых гарнизонов.

История перехода в руки большевиков Петроградского гарнизона была проста, ясна и фатально неизбежна. Все время лстыть Петроградскому гарнизону, как единственно надежному оплоту революции, и препятствовать выводу каких бы то ни было частей его на фронт, всякому требованию от него пополнений, маршевых рот, пулеметов, выдавая эти требования за коварный план разоружить революцию и подготовить реакцию, — такова была эта нескрываемо демагогическая линия поведения. Меньшевики и с.-ры, поскольку они пользовались влиянием, преодолевали исходящее отсюда сопротивление и одерживали победы, которые могли быть только пирровыми⁴⁵, таким путем они вербовали и выводили из гарнизона элементы, находившиеся под их влиянием. Оставались лентяи, бросившие всякое солдатское обучение и занимавшиеся лишь картежной игрой да лущеньем подсолнухов; оставались шкурники, естественно предпочитавшие тыл — окопам, — оставались «мешочники», мелкие маклаки, спекулянты и мародеры, занявшиеся торговлей табаком, папиросами, семечками, сбытом казенного добра, да пользовавшиеся бесплатным проездом по железным дорогам, чтобы исполнять миссию самовольных миссионеров продовольственного дела, клавших целиком в карман всю весьма солидную разницу между местными и питерскими ценами на предметы продовольствия... Небольшая примесь оставшихся более идейных элементов — преимущественно большевиков, принципиально уклонявшихся от составления маршевых рот, — давала всем этим элементам весьма удобную «вывеску», ширму для своего эгоизма, лени и трусости.

Петроградская тактика послужила образцом для тактики во всех других городах. Россия дореволюционная, Россия мудрого управления Протопопова была вся наводнена непомерно разросшимися тыловыми гарнизонами. Частью для того, чтобы слабость русской армии в военно-техническом оборудовании возместить изобилием «пушечного мяса», частью для того, чтобы по всей России иметь под рукой достаточную военную силу для подавления революционного движения, старый поря-

док мобилизовать, мобилизовать и мобилизовать, возраст за возрастом, категорию за категорией.

Огромное количество людей было оторвано от производительного труда на сроки, столь длинные, как не предполагал никто. Между тем война затягивалась до бесконечности. Они отвыкали от своего профессионального труда и быстро подвергались неизбежной деморализации. В известном рассказе «Мишаньки» Глеб Успенский нарисовал яркую картину того, как примитивные типы здоровых, отличных деревенских парней, в привычной колее трудовой жизни представлявшие образец твердых жизненных правил и превосходного поведения, — выскочив из этой привычной колеи и очутившись в водовороте незнакомой им городской жизни, быстро растерялись, потеряли почву под ногами и в слишком сложной для их грубых мозгов обстановке потеряли способность различать, где зло, где добро. Тыловые гарнизоны явились самой настоящей лабораторией таких деклассированных солдатчиной, деморализуемых бездельем тылового казарменного прозябания, бессмысленно ожесточенных безудержной демагогией «Мишаней».

На фронте тот же процесс нашел других, несколько неожиданных агентов своего ускорения. Это были — массами двинутые на фронт жандармы и городовые старого режима. Для того ли, чтобы «загладить» свои старые грехи перед народом, или для того, чтобы «саботировать» войну, на которую погнали их, побежденных, революционеры-победители, — но только по прибытии на фронт, распределенные по разным воинским частям (свести в особые отряды их боялись, чтобы эти отряды не послужили легким орудием контрреволюционных военных заговорщиков), они заняли там самую крайнюю позицию. Эти сверх-большевики, с идейным большевизмом ничего не имевшие общего, нашли себе податливую аудиторию в темной, усталой, еще при старом режиме отвыкшей побеждать и утратившей веру в себя массе. Тяга *домой*, усиленная летаргическим замиранием фронта в каком-то состоянии неписаного, молчаливого сепаратного перемирия, при котором приходилось бессмысленно прозябать в грязных окопах, все увеличивала и увеличивала число этих мнимых «большевиков», которым правильнее было бы дать имя «домовиков».

Таким образом, неработающие рабочие, сухопутные матросы и невоюющие солдаты — вот те «три кита», на которых держится наш нынешний охлократический образ правления...

Когда, еще до падения самодержавия, мне приходилось задумываться над характеристикой особенностей всего социального-экономического развития России, — постоянно мысли мои возвращались к одной, чреватой величайшими историческими последствиями, черте.

Эту черту я определял как *крайне неблагоприятное соотношение между положительными и отрицательными сторонами русского капитализма*.

Капитализм всякой страны в эпохи кризисов разворачивает в наибольшей мере свои разрушительные, человекоубийственные черты; в эпохи промышленного процветания, наоборот, свои творческие, культуuroобразующие. Но смены кризисов периодами процветания — только периодические приливы и отливы капиталистического океана, только зигзаги его хода. Капитализм каждой страны, независимо от этой «качки», от этого крена то в сторону минусов, то в сторону плюсов, знает свою «среднюю пропорцию»; и эта пропорция, конечно, неодинакова в разных странах. Можно даже сказать, что проложить наиболее существенную классификацию капиталистических стран — это значит расположить их в порядке убывания положительных и нарастания отрицательных сторон капитализма. При этом окажется, что страны привилегированные, в смысле чрезмерного перевеса творческих сторон капитализма над разрушающими, таят в себе максимальную опасность буржуазного вырождения пролетариата. Наоборот, страны наиболее обделенные, где капиталистическое хищничество наиболее затемняет, сдавливает и уродует капиталистическое строительство, чреватые в наибольшей мере прямо противоположной опасностью — *охлократического* вырождения пролетариата. Здесь, как и во всех областях, есть какая-то *норма* капиталистической погоды, наиболее благоприятная росту на почве буржуазных отношений социалистической силы, достаточно сплоченной и культурно-воспитанной процессами капиталистической жизнедеятельности, и в то же время достаточно гарантированной от мещански-примиренческого к ней отношения. Между пролетарским мещанством и пролетарской чернью, как между Сциллой и Харибдой, лежит средний путь пролетариата, как социалистического демоса.

Если дальше Англии и Германии не выходила ни одна из европейских стран на те *вершины* капиталистического развития, где свирепствует эпидемия *омещанения* пролетариата, то глубже России, кажется, ни одна не спускалась в те болотистые *низины* этого развития, где избылиуют миазмы обосаечения его. Нигде, быть может, в такой мере не свирепствовало капиталистическое накопление, в союзе с бюрократическим хищничеством и дворянско-крепостнической эксплуатацией, нарушая все старые «устои», выводя из жизненной колеи, переворачивая вверх дном, создавая брожение, развал и распад, как в России. И нигде не вознаграждало оно так мало, как в России, за эту свою *негативную* работу — работой *позитивной*, творящей новые устои общественного бытия. В связи с этим ненала-

женность, неустроенность, «ненаезженность» русской жизни, создававшая атмосферу вечного «переходного времени», вечной жизни «накануне» чего-то, вечного перемирания с ноги на ногу на каком-то историческом *распутье*, среди политической *распутицы* везде и морального *распутинства* наверху. «Мятушийся» русский интеллигент, «здесь града не имущий, но грядущего взыскующий», в то же время сам не знающий, на что опереться, и попадающий то и дело в положение «лишнего человека», русский интеллигент — этот вечный идейный бродяга и отщепенец, и своими сильными, и своими слабыми сторонами отражает на себе, как самый чуткий термометр, лишь это «бродильное» состояние всей русской жизни. Разве случайно, что первый, по всему духу своему, истинно пролетарский писатель России Максим Горький в своих произведениях гораздо ярче и всесторонне изобразил быт людей «деклассированных», выбитых из всякой жизненной колеи, босяков, чем классово устойчивых пролетариев нового капиталистического стиля? Разве случайно еще в первой половине девяностых годов, когда после долгого политического маразма предшествующего реакционного лихолетия стала возрождаться и искать своих путей революция, то одним из самых первых заметных новообразований было течение, — ныне полузабытое — программу которого в шутку окрестили «босяцкой программой»? Течение это видело наиболее горячий и годный к революции элемент в пролетаризированных, но не нашедших своей жизненной «полочки» под ферулой фабриканта элементах города и деревни, — в «резервной рабочей армии» совершенно особого рода, так сказать, некапиталистической или «капиталистически-излишней» рабочей армии, непомерное разрастание которой есть следствие того, что процессы разложения всех старых устоев жизни у нас далеко опережают процессы складывания новых устоев. Это течение искало в пестрой массе «разночинцев» другой элемент революционного брожения, полагая, что «разночинец» стоит в таком же приблизительно отношении к заправской интеллигенции, как и «босяк» — к пролетарию. Это течение не предполагало, что интеллигентное «босячество» и пролетарски-солдатское «босячество» сыграют минимальную роль в деле подготвления и победы революции, придут на готовое сейчас же, на второй день после революции, и своим грязным мутным потоком наводнят и затопят все. Это течение не предвидело также, что универсальное «босячество» неожиданно блеснет перед нами еще одною своею гранью: ужасающим *моральным босячеством*, доходящим до красного иезуитизма, и таким же *идейным босячеством*, превращающим социализм в какое-то уравнилельно-коммунистическое «опрощение» всей страны, а марксовский лозунг «эксплуатация экс-

плуаторов» в ленинский лозунг «грабеж награбленного», в какой-то универсальный захватнический лозунг — «на шарап!»

Превалирование в капитализме разрушительных сторон над созидательными означает перевес в классах эксплуатируемых — стихийной ненависти и жадности мести над рассчитанным стремлением к реорганизации строя, с устранением ответственности персонального состава привилегированных классов за их исторически сложившееся классовое положение. Эта мстительно-погромная и самосудная стихия всегда притягивала к себе демагогию. В революции 1905 года она «обрабатывалась» преимущественно максималистами и анархистами. В Прибалтийском крае она впервые создала «лесных братьев». На Урале она против партийных организаций выдвинула Лбова и лбовцев. По всей России она расплылась в «экспроприаторство», с его подвигами разных, ни к какой дисциплине не способных «удалых добрых молодцев», новоявленных ушкунничков, «красносотенцев» революции.

В нынешней революции «большевизм», оттертый от «демоса» союзом социалистов-революционеров и меньшевиков, апеллировал к «охлосу», перехватив его у максималистов и анархистов ценой собственного анархо-максималистского перерождения. А так как война страшно обострила все пертурбационные процессы, так как великая внутренняя всероссийская разруха усиливала все время центробежные силы за счет центростремительных, то в один прекрасный момент «охлос» сломал все тормоза, опрокинул все рогатки, сбросил все организационные недоуздки — и «демос» беспомощно расплылся и потонул в «охлосе»...

* * *

Когда приходится задаваться вопросом: готова ли Россия к социализму? — то обычно взвинчивают, во-первых, степень развития производительных сил страны, — ибо свести «социализм» ко всеобщему равенству на нищенском уровне значит только дискредитировать идею социализма. Затем обращаются к вопросу о степени организованности рабочего класса — и прежде всего к степени его экономической организованности. Среди социалистических мыслителей более или менее общепризнано, что хозяйственная структура будущего общества будет вовсе не «создана из ничего» росчерком пера на социалистическом декрете. Нет, эмбрион этой структуры должен созреть уже в материнском лоне буржуазного общества, — и тот факт, что буржуазное общество, как *mère dénaturée*, стремится к вытравлению этого плода, ничего не меняет. Кооперативная

и профессиональная организация рабочего класса, со всею совокупностью группирующихся вокруг них учреждений, — вот этот зародыш. Будущий социалистический строй должен представлять собою, во-первых, огромную, обязательно включающую всех граждан, общенациональную «потребилку», учитывающую все потребности страны и ставящую, на основании этого учета, свой «заказ» всему национальному производству. Во-вторых, социалистический строй будет таким же публично-правовым союзом всех граждан, поделенных по родам занятий, — и эти могучие самоуправляющиеся трудовые корпорации будут автономно управлять соответственными ветвями национального производства. Гармония производства и потребления предполагает, таким образом, общенациональную организованность: во-первых, всех граждан как потребителей — зародышем чего являются нынешние частно-правовые союзы, кооперативы; во-вторых, всех граждан как производителей — зародышем чего являются нынешние частно-правовые профессиональные союзы.

Совершенно ясно, что момент превращения зародышей будущего строя, частно-правовых организаций, в публично-правовые соединения, в органы трудового государства, — будет колоссальным экзаменом зрелости. И не выдержать этого экзамена будет значить надолго похоронить собственное дело. Прежде чем практически попытаться совершенно устранить буржуазию от кормила во всем народном хозяйстве и встать на ее место, рабочему классу необходимо пройти школу хозяйственного самоуправления в кооперативах и синдикатах, не говоря уже о городских муниципалитетах и сельских самоуправлениях. Не тот рабочий класс, который громче всех аплодирует самым крайним социалистическим требованиям на митингах, более всего готов для социализма, — а тот, который сумел создать наиболее внушительную профессиональную и кооперативную организацию, в то же время не разменявшись на мелочи повседневной деловой работы и не забыв за практической *деловитостью* великого общего идейного социалистического дела.

И профессиональные союзы, и кооперативы вначале бывают лишь организацией передовых кучек рабочих. Таким частно-правовым соединениям вдруг превратиться в государственные общегражданские органы нового, социалистического строя — было бы таким головоломным *salto mortale*, от которого делу социализма не поздоровилось бы. Социализм и социалистическая тактика — не акробатическое искусство. Рождение нового общества будет тем легче, безболезненнее и успешнее, чем меньше окажется фактическое различие между принципиально различными частно-правовыми кооперативами,

синдикатами современности — и публично-правовым соединением граждан нового трудового общества в территориально-потребительные союзы, с одной стороны, в производительно-трудо-вые корпорации — с другой. Иными словами, уже на началах *добровольного* соединения кооперативы и синдикаты должны охватить как можно полнее рабочий класс, — это раз; уже на началах частной инициативы они должны приобрести практику успешного разрешения самых многосложных хозяйственных заданий, — это два.

Социализм в экономической области есть не что иное, как переход от старой системы — самодержавия капиталиста на «его» фабрике, через промежуточную систему «фабричного конституционализма» (к этому тяготеет все рабочее законодательство, все содержание социалистической программы-минимум в рабочем вопросе), к конечной стадии полной фабричной *демократии*, т.е. трудовой индустриальной республике. Но фабричная демократия требует, чтобы был налицо фабричный *демос*. Старое общество, беременное новым, боится своего дитяти: ведь оно, как в мифе о Зевсе, убившем своего отца Сатурна, несет ему гибель. Старое общество заинтересовано, чтобы исторические роды закончились нежизнеспособным выкидышем.

Вот почему процесс самоорганизации рабочего класса, процесс выработки из аморфной рабочей «массы» выкристаллизованного демоса усердно минируется и подрывается наиболее предусмотрительными и злостными сторонниками старого строя. Пока масса находится в состоянии *распыленности*, пока она организована лишь поверхностно и на бумаге, до тех пор она, быть может, способна делать чудеса в области борьбы и разрушения, но она является беспомощной в деле творчества. Людская пыль может вздыматься ветром, крутиться грандиозным смерчем, засыпая и погребая под своей стихийной тяжестью то, что встает ей поперек дороги. Но самые бурные движения «людской пыли», при всей своей мощи, не гарантируют никаких прочных и осознательных результатов. Все это — лишь метания охлоса. Охлос — это улица, это — толпа, это — чернь, это — людская пыль, соединения которой стабильны и движения которой — капризны, неустойчивы и случайны. Строить на них — значит, поистине, строить «на песке».

Создание из аморфных «масс» настоящего «демоса», превращение неустойчивой «толпы» в «народ» — означает параллельный процесс: выработки рабочей *личности*.

Толпа, масса — безлична. В ней личность обезличивается. Личностью, отдельным индивидом в ней управляет по преимуществу стихия массовой заразы. Разные направления этой мас-

совой заразы обладают силою и неотвратимостью настоящих психических эпидемий.

В толпе личность нивелируется. В «демосе», наоборот, личность бережно охраняется, все самобытное, оригинальное в ней выявляется и находит арену для своего обнаружения. «Безличная личность» толпы создает как свое необходимое дополнение «вожака стада» движения которого имитируются всеми. Толпа, охлос есть необходимое и естественное «подножие ног» какого-нибудь самодержца. Свергнув наследственного самодержца, она охотно поставит на его место демагога. И чем усерднее будет этот демагог твердить, что он — всем слуга, тем легче он обеспечит за собою совершенно тираническую власть и выработается в маленького деспота. Без демоса не может быть и демократии. Ее место занимает охлократия, с ног до головы опутанная ловкой и беззастенчивой демагогией. За иллюстрациями ходить недалеко: ими пестрит до ряби в глазах вся деятельность Совета народных комиссаров.

Новый строй нуждается в *новом человеке*. Пути его трудны. Его не может быть без *перевоспитания личности* рабочего человека. Без такого перевоспитания «демос» будет вечно скользить по наклонной плоскости назад ко впадению в охлосо-образное существование. Об этом не думают иные «ура-социалисты», полагающие, что отваги и натиска вполне достаточно, ибо с ними штурмом можно взять все препятствия — интеллектуальные, моральные, психологические — на пути к социализму, ибо ими можно с успехом заполнить все пробелы и прорехи в подготовке рабочего класса к социализму.

Выработка новой личности... Но кому же не ясно, каким колоссальным препятствием для этого служит психологический след, врезанный в души тремя годами войны? Одичание, ожесточение, озверение — медленно и постепенно вели они «тихую сапу» под самые основы душевной устойчивости масс и, наконец, привели к чудовищному взрыву. Когда, после убийства Шингарева и Кокошкина, двое матросов поссорились из-за кожаной куртки одного из них — «делили ризы его между собою и об одежде его метали жребий»⁴⁶ — какого еще более яркого примера омертвления духовного, затемнения совести, обрастания сердца заскорузлой корою можно было желать? И когда на таких людях держится «социалистическая власть» — разве здесь, в немногом, красноречиво не выражается многое? Для социализма нет ценности выше, чем жизнь человеческая. Социалистический демос живо чувствует это. Но псевдо-социалистический охлос совершенно чужд «этих глупых нежностей». Для него жизнь — копейка, в особенности чужая; да и своя подчас не дороже. Это не препятствует патристическому разгулу шкурных инстинктов: толпа, чернь со-

ткана из противоречий. На фоне охлократического выражения нашей революции после октябрьского переворота странным отголоском, словно из какого-то другого мира, было чествование годовщины памяти Каляева. Чуткая, глубокая, вдумчивая совесть, остановившая его вооруженную бомбою руку, как только он увидел, что эта бомба поразит сидящих рядом в карете великокняжеских детей... Как это дико в наши дни, когда из тяжелых орудий «во имя социализма» громят целые города, когда случайные жители набиваются в страхе за жизнь в подвалы домов и нередко задыхаются там в ужасных муках, под обвалившимся от бомбардировки зданием! В наши дни, когда свирепый самодур сделался «бытовым явлением», когда, в панике от немецкого нашествия, солдаты, вооруженные «защитники отечества» первые захватывают вагоны, выбрасывают из них всех пассажиров — стариков, женщин и детей; когда с поезда на всем ходу сбрасывают человека, осмелившегося «поперек слово молвить» озлобленным людям, не терпящим никакого противоречия; когда «защитники родины и революции», бегущие от немцев, готовы вести между собою кровопролитные бои вокруг винных погребов; когда разорвать в куски, растерзать, поднять на штыки готовы похода — согласитесь, нежный образ Каляева является как бы выходцем с другой планеты. Еще так недавно этот акт Каляева казался нам моральным символом всей революции. А теперь?

Но кто думает теперь о воспитании моральной личности рабочего, о том, что новое вино не вливают в старые меха, о том, что для преобразенного строя нужен и новый, преобразенный человек? Мы теперь через все перескакиваем декретами, все устраним, черкнув пером по бумаге: «по ленинскому прошению, по щучьему велению — быть по сему!» Перескочим и через «нового человека». Вот только через одичание и озверение не перескочим, а запнемся и сами, сломя голову, окунемся в него. В гражданской войне, которую охлос теперь порою ведет с демосом, за отсутствием, после поражения контрреволюции, других врагов, охлос сплошь и рядом побеждает по очень простой причине: охлос ни на секунду не задумывается перед такими действиями, от которых демос не может не отпрянуть в ужасе. Белинский когда-то сказал: негодяи потому в жизни всегда побеждают честных людей, что честные люди обращаются с негодяями, как с честными людьми, а негодяи — с честными людьми, как с негодяями. Охлос состоит не из негодяев, но он — законная добыча авантюристов и негодяев. Боясь ослабить демократию междуусобием, демос позволяет себя скрутить демагогам, идущим во главе охлоса. Ослабление демократии получается сугубое: но вожди демоса утешают себя сознанием, что в этом их вины нет, и в спокойствии индивиду-

альной совести находят тихое пристанище от вида всеобщего развала демократии...

* * *

Перевоспитание личности... Социалистическая культура... Кто думает о ней сейчас, когда какое-то «опрощение» — финансовое, государственное, экономическое, культурное — сделалось законом жизни?

Правда, у нас был когда-то патентованный проповедник создания особой «пролетарской культуры», Луначарский, который ныне ведает «народным просвещением». Не опровергает ли это наши речи об охлократическом вырождении нашей духовной культуры в той фазе революции, в которую мы вступили после октябрьского переворота?

В эти грозные дни, когда волны немецкого нашествия — в разгаре нашей демобилизации и самодемобилизации армии — начали катиться через Прибалтийский край и Псковскую губернию к самому Петрограду, — я, не веря глазам своим, читал объявление о том, что в здании Армии и Флота, управляемом гражданкой Луначарской, объявляется «веселая танцулька», со «всеобщей мобилизацией всех танцевальных сил», куда зовут всех «молодушек и красных девушек» получить свое полное удовольствие по дешевой цене: «за вход пять рублей»... Балами и танцулками полно все... Серпантин, бой конфетти, все приманки, вплоть до какой-то «социальной любви» в заключение вечера, пестрят на всех афишах, все «социализировано»... Вся мещанско-обывательская пошлость хлынула волной вниз, в демократию, под флагом социализации культуры, с претензиями на революционные новшества. Уродуют немилосердно авторов, «революционизируя» их, всякий на свой салтык. В театре Московского Совета Р. и С.Д. дают Евгения Онегина, где — согласно ленинскому декрету о браке, Татьяну заставляют не говорить «я другому отдана и буду век ему верна», но бросаться в объятия Онегина; гоголевскую «Женитьбу» ставят не иначе, как переделав ее заглавие в «Женихи старого режима», и т.д. и т.п. Всех больше танцует «Красный Кронштадт»: там какая-то эпидемия балов и плясов, там целую ночь пускают ради этого электричество, из-за недостатка которого порой у нас останавливаются заводы и сидят вечерами в полутьме обыватели. Вопиющее опошление вкусов, победоносно спускающееся с «верхов» стеной обывательщины в низы, идет рука об руку с «демократизацией» легкости нравов. В связи с заполнением городов солдатчиной — здоровенными малыми, поставленными на бессемейное положение, — летучие браки делаются законом жизни, и это — тоже сходит чуть ли не за социалистическое отрицание нынеш-

него брака и семьи. Охлократия заражает молодую демократию всей поверхностью, несерьезностью, мелочной, некрасивой и грязной развращенностью мещанства. Социализму грозит самая подлинная, самая серьезная опасность от этого прикрытия его именем вещей, органически чуждых и противоположных малейшему намеку на социализм. Все, что есть стихийно-здорового, примитивно-девственного и неиспорченного в психологии и быте рабочего человека, — заражается болезнями перезрелой мнимой культуры...

А между тем, немногие попытки понести к народу истинное искусство уже не раз свидетельствовали о том, что народная душа способна тянуться к нему и благоуханно раскрываться навстречу его теплу и свету, как полевой цветок навстречу солнцу. Сколько трогательных сцен, сколько потрясающих излияний сохранили в своей памяти пионеры, приносившие в «низы» образцы настоящей, высокой и одухотворенной, утонченной красоты! Но это стремление «демоса» к действительно эстетическому и интеллектуальному развитию — оно слабым ручейком пробивается в сыпучих песках, то и дело пропадая в них; русло его засорено всяким мусором, всякими «танцальками» и «Женихами старого режима». Жизнь вопиет о том, что необходима особая культурная организация, развивающая вкусы народа, озаряющая часть его веселый радостным светом подлинной, возвышающей красоты, спасающей от впадения в пошлость. А у нас всеразрешающие Советы, в погоне за вкусами улицы, копируют худшие зазывания модного кафешантанного жанра. У нас задача — поднятие умственного уровня масс, серьезного самообразования и ученья, — а у нас пичкают его упрощенной пищей дешевых популярных брошюр, с элементарной жвачкой, да насвистывают рабочих, как скворцов, на поверхностно-фразистых митингах, да в погоне за популярностью создают социалистические газеты уличного, немного не подзаборного жанра, вроде пресловутой, неподражаемой «Красной Газеты». Везде, везде наглый охлос наводняет арену, и беспомощно тонет в нем неокрепший демос...

Культурная организация... Организация образовательная... Что говорить о них, когда лозунг охлократии — вообще уничтожение прочных организаций и замена их поверхностными, летучими псевдо-организациями. Наш демос в области государственного строительства только что получил было свои опорные пункты: волостные земства, земельные комитеты, муниципалитеты, уездные, губернские, областные земские учреждения, увенчанием которых должно было явиться Учредительное Собрание. Но «увенчание здания» было обречено на однодневное существование. Муниципалитеты, земства, земельные комитеты разгоняются. Довольно с нас и «Советов!» Это —

какие-то универсальные организации. Они организуют и эстетическое воспитание народа, они и образованием его займутся, они и общественное хозяйство поведут — все они! У нас кооперативы, которым, казалось бы, и книги в руки по части продовольственного дела. Объявим кооператоров «селедочниками», отстраним их, а продовольствие организуем посылкой вооруженных красногвардейских и матросских отрядов, которые все реквизируют, доставят, распределят, и ладно! У нас были зародыши профессиональной организации? Потопим эти кристаллы объединения в аморфной массе, решив, что мы уже вполне созрели для социализма и что потому добровольные профессиональные союзы должны уступить свое место принудительному соединению всех рабочих профессий в публично-правовую организацию, служащую исполнительным органом новому, социалистическому государству!

Вот именно: мы до всего дозрели. Отличительная особенность «охлоса» сравнительно с «демосом» в том и состоит, что охлос считает себя готовым для всего. Так, льстя ему, говорят те, кто управляет им, как стадом, при помощи этой лесты. Только демос понимает, какая великая лестница развития, какие горизонты восхождений простираются перед ним. Только демос отдает себе отчет в собственных силах и способен к самоограничению в своих достижениях и планах. Только демос при этом трезво взвешивает свои недостатки и вооружается для борьбы с ними. Охлос этого чужд. Он привык к угодничеству. Истинные друзья, считающие себя вправе говорить ему в лицо хотя бы горькую и суровую правду, не золотящие пилюль и желающие ему «служить, но не прислуживаться», — его раздражают и досадуют. Он предпочитает поддакивающих и поддельвающих. Подбадриваемый ими, он будет скользить весело «по тропинке бедствий, не предвидя от сего гибельных последствий». Это легче и, на первый взгляд, приятнее, чем омрачать свой путь взвешиванием препятствий, предостережением против промахов, подчеркиванием пробелов и недобора в силах.

Если в царстве демоса, готовясь и взвешивая шансы, работают в сложном деле общественного строительства, то в царстве охлоса — «распоряжаются». Особенно в царстве охлоса, взбудораженного войной. Незаметно и невидно, своими «нежалящими когтями» бытовая обстановка военного времени цепко впивается в психологию и уже не выпускает ее. Посмотрите на всю работу «октябрьской» власти. Вглядитесь хотя бы в самый текст, в самый язык ее законодательства. По содержанию, по стилю, по всему ее «декреты» суть настоящие «приказы по социальной армии». По способам проведения их в жизнь деятельность новой власти дает нам опять какую-то

картину своеобразного «штук-социализма». Давно уже было отмечено, что законодательство новой власти совершенно не обнаруживает не только деятельности, но даже и сколько-нибудь серьезных намерений и планов *организационного* характера в области производства. «Взять» и «раздать» — в этом альфа и омега экономической мудрости. Она живет на *готовом*, распоряжаясь этим готовым — и *проживая* его — совершенно «по-военному». Она не задумывается даже перед тем, чтобы жить за счет полуизношенного основного капитала страны. Социализм в охлократическом его издании — словно армия, совершившая оккупацию чужой территории и накладывающая руку на ее запасы. Самая «экспроприация экспроприаторов» у них принимает примитивный характер контрибуций, накладываемых на буржуазию покоряемых контрреволюционных городов. Псевдо-социализм охлократии насквозь пропах казармой. Нужды нет, что этот социализм провозглашает себя непримиримым врагом войны и милитаризма. Он сам духовно подвергся казарменному перерождению, стал своеобразным милитарным социализмом.

И охлократия шагает тяжелым солдатским сапогом, топчя молодые всходы демократии, — грубая, топорная, жестокая. Самодовольством она потягается с самодержавием. Охлократия есть не царство восставших граждан, а царство взбунтовавшихся рабов. Но раб, не отделившийся от рабьей психологии, привык к деспотизму и мыслит себе день освобождения лишь как право перевернуть острие деспотизма в противоположную сторону, взяв его рукоятку в собственные руки. А что затем он острием деспотизма начинает сослепу тыкать и зря, по сторонам в своих собственных братьев, — так ведь это так понятно, так естественно... Особенно приняв во внимание, что демагоги, накаляющие и разжигающие его самые элементарные страсти, для поддержания своего господства должны вечно натравливать его на «чужих», на возможных конкурентов по влиянию. Одна из особенностей охлоса — рядом со слепым повинованием пресмыкающимся пред ним по видимости демагогам, болезненная недоверчивость и подозрительность, воспитанная науськиванием, клеветой и всеобвинительным жаром фанатиков. Психологию охлоса ничего не стоит отравить. И отравленные семена дают ядовитые всходы злобы, ненависти и мести. Охлос живет пережевыванием собственной отрыжки — воспоминаний о былых обидах, гнете и унижениях, и жаждой заплатить оком за око и зубом за зуб. Ему чуждо желание демоса — быть великодушным в своей победе. Только демос, дойдя до освобождения, хочет глядеть вперед, а не назад, хочет оставить открытыми ворота в новую жизнь даже тем, кто был жертвой своего привилегированного классового поло-

жения и, пробуя противиться победному ходу вперед колесницы истории, угодил было под ее колеса...

* * *

Борьба охлоса с демосом... Это — не надо забывать — вовсе не есть борьба двух внешне разграниченных коллективных сил. Это — борьба двух начал в душах народных. Подлинно «две души живут в его груди, и одна хочет разлучиться с другой»...

В «охлосе» есть, конечно, элементы чужеродные, пристроившиеся сбоку и способные лишь грязнить все, в чем принимают участие. Какой-нибудь «Ионка-каторжник», уголовный, опоясывающий рукав красной лентой, чтобы на основании «ленинского декрета» повести деревенскую гольтьбу на разгром и расхищение образцового имения, взятого в свое заведование земельным комитетом, и разгоняющий, для большей свободы действий, и этот земельный комитет, и волостное земство, якобы «продавшееся буржуазии», какой-нибудь бывший жандарм, большевикствующий ради своей шкуры против наступления на фронте; мартовский революционер, затыкающий за пояс всех в неистовстве самой красной демагогии, — все это просто клещи, вливающиеся в тело народной революции. Но они — меньшинство. Они только способны заведомо своекорыстно развращению «охлоса». Большинство же — это серая масса «Мишанек» и «Кудинычей», поверхностно сагитированных наиболее крикливыми и фразистыми демагогами, состоит из обыкновенных русских людей, по существу не злых, а лишь обозленных, по существу не хищников, а лишь разгильдяйски неряшливых к общественному добру, по существу не продажных и не бесчестных, а лишь страдающих болезнью истинно русской распущенности, по существу не насильников, а лишь грубых и привыкших к «своим средствам», по существу не равнодушных к судьбам страны, а лишь по-детски и по-дикарски легкомысленных.

Это — лишь сырой материал для будущего «народа», но еще не «народ» в том истинном смысле этого слова, который делает огромночисленный, *большой* народ *eo ipse великим* народом.

В каждом отдельном человеческом экземпляре этого народа происходит психологическая борьба охлократического начала с демократическим. Торжество первого начала лежит по линии наименьшего сопротивления. Здесь — разнуздывание страстей, здесь — самонадеянное развязывание себе рук, здесь — предъявление *требований от жизни*, освобожденное от «бремен неудобноносимых» признания своих *обязанностей перед*

жизнью. Торжество второго начала может воспоследовать лишь в результате великих жизненных испытаний и тяжелых исторических родов.

При великой темноте, великой неопытности и духовной первобытности масс может создаться положение, когда путь охлократического вырождения народного движения должен — хотим мы этого или не хотим — должен быть пройден до конца. Пусть он поставит под величайшую угрозу все завоевания революции, весь народ, всю страну, пусть самое бытие ее будет поставлено на карту — ничего не поделаешь. Урок самой жизни, горький урок опыта должен быть дан, ничем не возмущенный, в чистом виде. Иначе опять и опять будет повторяться падение, и его удастся внешней силою лишь прервать — и тем самым процесс его лишь затянуть. Порою приходится быть недовольным зрителем того, как свернувшие, несмотря на все окрики и предостережения, на ложный путь должны пройти его до конца. Вино откупорено — его надо выпить. И что значит при этом знание стороннего зрителя, что это вино пьющему — отравя!

Но, наконец, должен наступить и наступает поворотный момент.

Народ должен испугаться самого себя — и от этого проникнуться мужеством.

Путем тяжкого похмелья, горьких разочарований и душевных утрат, порою после обусловленного ими духовного столбняка наступает кризис. Он может и должен быть смертельным для охлоса. Он может и должен быть рождением демоса.

Не отчаивайтесь в народе, не ставьте над ним крест, когда он, как взрослый ребенок, играет с огнем, рискуя поджечь — и даже поджигая — собственную хату. Это не безнадежный больной и не испорченный от природы, а лишь стихийный человек. Умейте продолжать любить его и жалеть его. Не любя, нельзя ему помочь выздороветь духовно. Не веря в запас его неисчерпаемых сил, нельзя развернуть всю полноту собственных сил ему в помощь.

Любите его «черненьким». Любите не слащавой, сентиментальной любовью прекраснодушных народо-поклонников, а «ненавидящей любовью» друга, истинного друга, не боящегося бичевать, во имя любви, в предмете любви все, недостойное любви.

И тогда вы сделаете все, что в силах человеческих, для подготовки великого исторического события: рождения из хаоса, из человеческой пыли, способной к вырождению в охлос, — рождения из него великого демоса — этого будущего *демиурга* истории...⁴⁷.

Виктор Чернов.

После 1919 г. статья в России не публиковалась, историки Октябрьской революции обходили ее, как бы не замечая, и, исходя из ее содержания, вполне понятно почему. Ряд положений статьи вызывают определенные и вполне оправданные ассоциации с последующим развитием событий — и не только отделенных от нашего времени восемью десятилетиями, но и с теми, которые происходили на наших глазах и с нашим участием. Заставляет задуматься, например, точка зрения Чернова на перспективы социалистического переустройства российского общества и особенности российского капитализма, который, по мнению Чернова, не исчерпал своих возможностей, степень готовности народа к социализму. При этом его рассуждения при сравнении с предыдущими выступлениями и статьями не всегда совпадают, но это побуждает отнести к ним особенно внимательно. Можно констатировать, что, к сожалению, последующая история подтвердила и некоторые опасения Чернова. Невольно напрашивается мысль: не слишком ли легко и пренебрежительно отбрасывалось все то, что исходило из другого лагеря, от «мелкобуржуазных» или либеральных буржуазных идеологов и политиков.

Привлекает внимание заключительная часть статьи председателя Учредительного собрания. Реакция масс на его роспуск не была такой, на какую рассчитывала преувеличивавшая свои силы и влияние партия эсеров. Было лишь несколько локальных, небольших выступлений, основная же масса народа приняла этот акт равнодушно. Такая реакция у многих эсеров вызвала разочарование в народе. Они не могли смириться с тем, что массы не выступили в защиту демократии, олицетворением которой они считали Учредительное собрание. Видя эти настроения, В.М.Чернов предупреждал, что нельзя терять веры в народ, в его творческие возможности.

При всей резкой характеристике «охлоса» в сделанном им очень интересном анализе поведения масс в критические моменты истории, в сложных условиях перехода к другому общественному строю, В.М.Чернов подчеркивал, что надо любить народ и «черненьким». Без этой веры прекраснодушные потуги политиков будет тщетны и успеха не принесут. Начатый путь должен быть пройден до конца — таково заключение В.М.Чернова. «Вино откупорено — его надо выпить».

Статья была, можно сказать, лебединой песней Виктора Михайловича. Потом были уже воспоминания, мемуары, споры, кто был прав и кто виноват в поражении демократии. Чернов как политик и лидер партии, а пожалуй, и как теоретик и философ, достиг зенита, а дальше...

Глава VII. ЗАКАТ

Как показало развитие событий после роспуска Учредительного собрания, в истории которого этот акт не стал завершающим, политическая карьера Чернова стала клониться к закату.

«Средством» восстановления работы Учредительного собрания, о котором писал В.М.Чернов, могла стать только вооруженная борьба против советско-большевистской власти. Однако началась она не сразу, только спустя четыре месяца партия эсеров приступила к практической реализации решения своего съезда об Учредительном собрании и письма В.М.Чернова. Почему же не январь, а июнь стал началом гражданской войны под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию»? Как политики, лидеры партии эсеров не могли не учитывать, что ситуация сложилась для них неблагоприятно. Роспуск Учредительного собрания массовых выступлений крестьянства, отдавшего свои голоса эсерам, не вызвал, хотя он и не облегчил, а, наоборот, отягчил положение советской власти, что показало уже начало гражданской войны. Надо было найти и военных союзников, на чьи штыки можно было бы опереться. В конце концов, судьба всех учредительных собраний, а не только российского, свидетельствовала, что за его спиной должна стоять какая-либо реальная, достаточно мощная вооруженная сила, без поддержки которой оно обречено.

Положение изменилось весной 1918 г. Заключение в марте 1918 г. Брестского мира вызвало недовольство значительной части патриотически настроенного населения, в особенности интеллигенции и крестьянства. ЦК эсеров, после подписания Брестского договора, уже прямо заявил: «Правительство народных комиссаров предало демократическую Россию, революцию, интернационал, и оно должно быть низвергнуто... Партия социалистов-революционеров приложит все усилия к тому, чтобы положить предел властвованию большевиков»¹. При этом следует оговориться, что эсеры, и правые, и левые, сделавшие на недовольство Брестским миром свою ставку в борьбе против большевиков, как показали дальнейшие события, преувеличивали его силу.

В результате ратификации IV Всероссийским съездом Советов Брестского договора левые эсеры разорвали правительственную коалицию с большевиками. Это обстоятельство тоже учитывали правоэсеровские лидеры, считая, что уход левых эсеров

из правительства ослабит его позиции, в первую очередь в крестьянстве, и увеличит ряды противников правящей партии.

Но этого еще было недостаточно. Первая попытка свергнуть советскую власть, предпринятая эсерами в мае 1918 г. в Саратове, провалилась. «Уже в то время, — писал позже глава Самарского правительства Климушкин, — можно было вызвать гражданскую войну, но мы понимали, что это закончилось бы печально, что реальных сил для поддержки движения со стороны населения не было... Мы видели, что если не будет толчка извне, то на переворот надеяться нечего»².

Большое значение имело введение в мае 1918 г. продовольственной диктатуры. Эсеры сразу же приняли в расчет недовольство крестьян принудительным изъятием хлеба. В силу условий, в которых длительное время развивалась историческая наука, полных данных о масштабах сопротивления крестьян продовольственной политике советского правительства нет. Несомненно лишь, что продразверстка, действия продотрядов и комбедов вызвали гораздо более сильное, особенно до начала наступления белых армий, противодействие крестьянства. Это позволило эсерам на начальном этапе несколько компенсировать урон, нанесенный их авторитету большевиками, включившими в «Декрет о земле» эсеровскую аграрную программу уравнительного землепользования, осуществления которой не смог добиться В.М.Чернов.

Наконец увенчались успехом поиски союзника. Им стал Чехословацкий корпус. Союз был выгоден обеим сторонам: эсеры получили вооруженную силу, с помощью которой свергли советскую власть в Поволжье, а командование Чехословацкого корпуса — возможность обосновать свои действия тем, что они защищают демократов-эсеров от олигархов-большевиков. Так складывались составляющие, которые привели руководство партии, в том числе В.М.Чернова, к выводу, что сложились условия, позволяющие начать крупномасштабную вооруженную борьбу за замену советской власти властью Учредительного собрания.

Решение об этом принял состоявшийся в мае 1918 г. VIII Совет партии, на котором обсуждались два доклада: «О текущем моменте» и «Советы и Учредительное собрание». В первом центральными пунктами были ликвидация власти Совета Народных Комиссаров, возобновление войны с Германией и возрождение органов народовластия во главе с Учредительным собранием. Отвергалась всякая возможность какого бы то ни было объединения с большевиками и предлагалось, чтобы «трудовая демократия решительно и активно выступила против большевистской олигархии». При этом все социальные требования, «выдвинутые русской революцией, должны быть

проведены в жизнь», но все «попытки немедленно реализовать их полностью» должны быть отклонены³.

Что касается Советов, то М.Я.Гендельман, который накануне открытия II Всероссийского съезда Советов назвал их «временной формой единой социалистической партии», теперь в своем докладе отказал им и в этом. После Октябрьской революции, утверждал он, Советы утратили свой социалистический характер, поэтому надлежит «противопоставить» им «новую форму единой социалистической партии», а ее ближайшей целью «должно быть восстановление... Учредительного собрания».

«Основной задачей партии является борьба за восстановление независимости России (имеется в виду денонсация Брестского мира, что отчасти тоже служило командованию Чехословацкого корпуса обоснованием союза с эсерами, поскольку корпус официально считался частью французской армии, а Франция еще находилась в состоянии войны с Германией. — *К.Г.*) и возрождение ее национально-государственного единства (согласно Брестскому договору Украина отделилась от России. — *К.Г.*), — говорилось в принятой Советом резолюции, — ...главным препятствием для осуществления этих задач является большевистская власть. Поэтому ликвидация ее составляет очередную и неотложную задачу всей демократии». Война объявлялась и Советам. «Государственная власть, которая сменит власть большевиков, должна быть основана на началах народоправства. Очередной задачей при таких условиях будет возобновление работ Учредительного собрания и восстановление разрушенных органов местного самоуправления»⁴.

Совет практически санкционировал и иностранную интервенцию, заявив, что «в интересах правительства организованной демократии (т.е. правительства, сформированного эсерами. — *К.Г.*), опирающейся на национальное законодательное собрание, допускается вступление союзных войск на русскую территорию». Далее следовала оговорка, что вступление должно преследовать стратегические цели (речь идет о продолжении войны с Германией. — *К.Г.*) и союзным войскам не следует вмешиваться во внутривластное устройство страны⁵. Правда, не очень ясно, почему свержение власти большевиков не относится к «внутриполитическому устройству».

Для претворения в жизнь решений VIII Совета ЦК распределил свои силы, направив своих представителей в Поволжье, Сибирь, Петроград. Два члена ЦК были посланы за границу для связи с союзниками и разъяснения социалистическим партиям союзных держав своей позиции. Главными организаторами всей кампании по подготовке смены власти были 7 членов ЦК, в том числе оставшийся в Москве В.М.Чернов. Все это

время правые эсеры оставались легальной партией, имели свои фракции во ВЦИК и в Советах. Только 14 июня 1918 г. они были решением ВЦИК исключены из Советов, как указывалось в постановлении, за участие в вооруженных выступлениях против советской власти в союзе с контрреволюционерами Дутовым, Калединым и чехословаками⁶.

Для переговоров с созданным в Томске, после его занятия Чехословацким корпусом, Временным сибирским правительством ЦК командировал Н.Д.Авксентьева, поручив ему «руководство политической работой фракции партии во Временном сибирском правительстве; сношение от имени партии с представителями союзных держав; руководство внешней политикой Сибирского правительства в духе решений VIII Совета партии с.-р.; руководство внутренней политикой Сибирского правительства». Организация власти, указывалось в решении ЦК, должна опираться на «основы, на которых было построено Демократическое совещание в Петрограде»⁷. Фактически это означало возвращение к коалиции с «цензовыми элементами», получившей свое выражение в выделенном совещанием Предпарламенте, деятельности которого была дана В.М.Черновым резко отрицательная оценка; речь шла, таким образом, о возвращении к курсу, итогом которого, по мнению лидера IV Съезда партии, было ее политическое банкротство. Но теперь это был уже не Чернов «Листков из политического дневника», а Чернов — автор «Охлоса и демоса», Чернов, который полагал, что «социальные требования, выдвинутые русской революцией, должны быть проведены в жизнь», однако «вместе с тем должны быть решительно отклонены все попытки немедленно реализовать их полностью»⁸.

Во время свержения советской власти в Самаре и формирования там состоявшего из эсеров правительства — Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) лидер партии оставался в Москве, но его идейное влияние явно ощущается в программных документах и выступлениях лидеров нового режима. Выразилось оно прежде всего в центристской позиции «демократической контрреволюции», получившей название позиции «третьей силы». Глава Самарского правительства П.Д.Климушкин говорил о его основной задаче: «Вся наша политика направлена на создание блока и на уничтожение тех трений, которые создались в обществе в результате классовой борьбы»⁹. Председатель Комуча В.К.Вольский обосновывал его политическую линию тем, что «капиталистический строй в настоящее время отменен быть не может. Капиталистическая промышленность должна существовать, и класс капиталистов должен иметь возможность вести промышленность»¹⁰. На что не решился Комуч, во всяком случае однозначно, так это на восстановление поме-

щичьего землевладения. «Земля бесповоротно перешла в народное достояние», — категорически заявило Самарское правительство, все сделки по ее купле и продаже запрещаются. Но далее опять следует оговорка, согласно которой озимые посевы имеет право убрать бывший собственник земли, т.е. помещик. Сами же помещики шли дальше: вслед за посевами они, с помощью отрядов сформированной Комучем для борьбы с большевиками «Народной армии», костяк которой составляло кадровое офицерство царской армии, отбирали у крестьян и землю.

На «Территории Учредительного собрания» были введены военно-полевые суды, возникли конфликты между буржуазией, офицерством и учредилловцами. Политика «третьей силы» реального воплощения не находила. В этой обстановке 19 сентября в Самару приехал и Виктор Чернов. «Позднее появление лидера правых эсеров на территории Комитета, — писал в книге «Демократическая контрреволюция» министр труда в правительстве Комуча, а позднее видный историк, академик И.М.Майский, — объяснялось специфическими причинами. Руководители Комитета считали Чернова слишком левым и чересчур "одиозным" для буржуазно-офицерских элементов Поволжья и потому под разными предлогами задерживали его прибытие в Самару. Действительно, Чернов попал на Волгу уже к шалочному разбору. Но зато на недостаток внешних знаков почета ему жаловаться не приходилось: председателя Учредительного собрания поселили в лучшем номере гостиницы "Националь", перед дверью номера поставили вооруженный караул, устроили торжественный банкет с речами и иностранцами в ознаменование его прибытия и, наконец, заставили всех управляющих ведомствами явиться к нему для "всеподданнейшего доклада", каждому по работам своего министерства»¹¹.

Иной позиция «учредилловцев» и не могла быть по двум, по крайней мере, причинам. Во-первых, Чернов оставался избранным большинством председателем Учредительного собрания, и его отстранение было бы нарушением принципа легитимности власти, которую официально защищали эсеры. Во-вторых, учредилловцам нужна была поддержка крестьянства, сельской интеллигенции, а пока, при общем падении престижа партии правых социалистов-революционеров, наименьший урон потерпела репутация В.М.Чернова, который слыл среди них защитником крестьянских интересов и не был связан с последним коалиционным Временным правительством. «В партии социалистов-революционеров Чернов занимал своеобразное положение. Он никогда не был ни организатором, ни практическим руководителем партии... Чернов с момента основания партии был ее главным идейным вдохновителем, создателем ее идеологии и про-

граммы», — характеризовал его положение в партии И.Г.Церетели. Подчеркнув, что на произведениях Чернова воспитывались кадры партии социалистов-революционеров, которые после Февральской революции оказались в руководстве массовых организаций, автор характеристики далее пишет: «Если большинство русского крестьянства, пока оно пользовалось свободой действий, отказывалось поддерживать большевистскую политику и не приняло лозунга самочинного передела земли, то здесь, рядом с народным инстинктом самосохранения от анархии, очень большую роль сыграло и то обстоятельство, что организованные кадры партии, имевшие тесные связи с крестьянством, были проникнуты идеями демократического порядка и народовластия»¹².

Конечно, соратник Чернова несколько преувеличивал его влияние и отрицательное отношение крестьянства к «самовольным захватам», но, в общем, это положение Чернова в известной мере сохранялось и в период, предшествовавший наступлению белых армий, период, когда на востоке страны еще действовали эсеровские правительства. Но это был относительно кратковременный период. Созданные эсерами правительства все дальше отходили от провозглашенных вначале принципов в сторону сближения с политическими силами, представляющими интересы «цензовых элементов», пока не возобновили правительственную коалицию с кадетами.

По настоянию союзников, 8 сентября 1918 г. в Уфе было созвано так называемое Уфимское государственное совещание. На нем были представлены Комуч, Сибирское временное правительство, Временное областное правительство Урала, Оренбургское, Сибирское, Иркутское, Семиреченское, Енисейское и Астраханское казачьи войска, Союз земств и городов, партии социалистов-революционеров, народных социалистов, меньшевиков и кадетов. Из 170 участников кадетов было более 100, но, при наличии большинства, у них не было единства. Делегаты Сибирского временного правительства и кадеты выступили за единоличную власть и против созыва Учредительного собрания в его старом составе. Комуч — против единоличной власти и за Учредительное собрание в избранном ранее составе. Представители ЦК эсеров Н.Д.Авксентьев и В.М.Зензинов хотели сыграть роль центра, а фактически все свели к поступкам кадетам, хотя самарские «учредилловцы» заклинали «центристов» «не сдавать позиции».

Одновременно в Уфе проходил «Всероссийский съезд представителей торговли, промышленности и сельского хозяйства», который недвусмысленно высказался за установление военной диктатуры. Чувствуя слабость позиций «демократической контрреволюции» и поддержку съезда, кадеты держали себя

уверенно и неуступчиво. Как говорилось в записке, направленной Юго-Восточному комитету членов Учредительного собрания, фракция эсеров на совещании, «напуганная сдачей Казани, Симбирска и предстоящей сдачей Самары, готова была идти на все»¹³. После десятидневной дискуссии было достигнуто соглашение о констатации власти. Была создана Директория из 5 лиц, и комплектовалась она, официально, не по партийному принципу, а персонально. В.М.Чернову в ней места не нашлось. От эсеров в Директорию, которая уже не была чисто эсеровским органом, вошли Н.Д.Авксентьев, причем не как представитель партии, а как один из руководителей «Союза возрождения», организации, созданной в Москве в марте 1918 г., представителями партий эсеров, меньшевиков, народных социалистов и кадетов, и, как председатель, В.М.Зензинов, всегда занимавший в партии крайне правые позиции. Состав Директории, по мнению авторов уже цитированной записки, не мог гарантировать ни созыва Учредительного собрания, ни выполнения программы, на которой было заключено Уфимское соглашение¹⁴. Это подтвердили уже первые шаги: создавая Директорию, фракция эсеров отказалась от основной идеи демократии о всероссийском правительстве, сформированном Учредительным собранием и ответственным перед ним.

Судьба Виктора Чернова как политического деятеля оказалась тесно связанной с судьбой Учредительного собрания, которое отодвигалось все дальше на задний план и, не имея реальной опоры, не могло существенно повлиять на ход событий, хотя и пытались это сделать. После образования Директории Комуч объявил о самороспуске, а вместо него был создан «Съезд членов Учредительного собрания», который, естественно, по принципу легитимности возглавил его председатель В.М.Чернов. Фракция эсеров «Съезда» приняла появление на свет Директории без особого воодушевления, председатель Учредительного собрания считал ее образование тяжелым поражением революции. Обсудив, как следует отнестись к новому органу, то ли поддержать его — то ли нет, фракция в итоге, как это уже бывало в партии в подобных случаях, приняла половинчатое решение: не одобряя, в общем, создание Директории, в то же время против нее не выступать.

Сама же Директория, перебравшись из Уфы в Омск в начале ноября 1918 г., сформировала Совет министров, в который в качестве военного и морского министра вошел адмирал А.В.Колчак. В ночь на 18 ноября казачий отряд Красильникова арестовал Авксентьева и Зензинова, а утром Совет министров провозгласил Колчака «Верховным правителем России». Надо отдать должное В.М.Чернову и другим эсеровским лидерам и членам Учредительного собрания, большинство из кото-

рых не остались в колчаковском лагере и не пошли на службу к Верховному правителю. Более того, «Съезд членов Учредительного собрания», находившийся в Екатеринбурге, и ЦК эсеров, собравшиеся в номере В.М.Чернова в гостинице «Пале-Рояль» 20 ноября 1918 г., объявили Колчака мятежником и призвали к борьбе с ним, что, естественно, было небезопасно.

Практических последствий в этот момент решение не имело. Особых симпатий к себе этим актом «учредилловцы» не снискали, однако в перспективе репутацию партии эсеров он укрепил, что впоследствии отразилось на той роли, которую они позже играли в Иркутском «Политцентре», которому, как известно, чехословацкое командование выдало арестованного Колчака. «Съезд» был разогнан, часть его членов, в том числе Чернов, арестована и выслана в Челябинск, а оттуда в Уфу, где они безуспешно пытались собрать силы для защиты Учредительного собрания. В начале декабря командующий чехословацкими войсками на уфимском участке фронта предложил «учредилловцам» покинуть Уфу. В город вошли части колчаковской армии. Часть членов ЦК эсеров и депутатов Учредительного собрания была арестована, некоторые расстреляны, часть, в том числе Чернов, ушли в подполье и уцелели благодаря тому, что Уфа в конце декабря была занята Красной Армией. Теперь уже можно было сказать, что Учредительное собрание не только на советской территории, а повсеместно, полностью прекратило свое существование. Так была перевернута еще одна, может быть, самая драматичная страница биографии Виктора Чернова.

Эсеры в начале гражданской войны пытались сыграть роль «третьей силы» — свергнуть диктатуру большевиков и в то же время сохранить перспективу социалистического развития. Попытка провалилась. Теперь Чернов был готов бороться с белой армией всеми средствами, вплоть до террора и восстаний. На его идеях и создается Иркутский «Политцентр», подготовивший восстание против Колчака. Он был готов приостановить вооруженную борьбу с большевиками, но был категорически против объединения с ними для совместной борьбы против белого движения, против Колчака. Вопрос об изменении отношения к советской власти был поставлен на состоявшемся 5 декабря в Уфе совещании членов ЦК, принявшем решение о переходе партии в колчаковском тылу на нелегальное положение.

Главная партия «демократической контрреволюции» безусловно не была сторонницей восстановления помещичьей (частной) собственности на землю, но она, стараясь занять некую промежуточную позицию между реакцией и советской властью, оказалась неспособной, как показали события, противо-

стоять осуществлению ее реставраторами своих намерений. В результате крестьянство сделало свой выбор в пользу советской власти, что и предопределило судьбу учредилковского режима и оставшихся без поддержки эсеровских правительств. Рассчитывая на поддержку крестьянства, которое хотело избавиться от продвольтыстной диктатуры, они не учли категорического неприятия крестьянами сословного характера землевладения, непримиримого отношения к помещичьей собственности на землю и их растущего недовольства политикой партии, не сумевшей преодолеть сопротивление «врагов крестьянства» — кадетов.

Многие историки, говоря о судьбе российского крестьянства, подчеркивают, что, дескать, оно с самого начала восставало против советской власти, не желая ее принимать. Между тем, бывший министр Временного правительства, один из лидеров меньшевиков, зам. председателя ВЦИК I созыва, личный друг В.М.Чернова и отнюдь не сторонник советской власти И.Г.Церетели писал в своих воспоминаниях: «В ходе гражданской войны, когда белые армии жестоко расправлялись с крестьянами, возложив на них ответственность за большевизм и делая попытки восстановить в захваченных областях помещичье землевладение, крестьянство в целом было отброшено в лагерь тех, кто сражался с этими армиями. Поставленное перед необходимостью выбирать между сторонниками реставрации старых порядков в деревне и большевиками, не успевшими еще ввести своих колхозов, крестьянство выбрало большевиков»¹⁵.

Вопрос о новой тактике был вынесен на обсуждение конференции организаций эсеров на территории советской России, состоявшейся в феврале 1919 г. в Москве, куда к этому времени приехал находящийся на нелегальном положении В.М.Чернов. Она отвергла блокирование с партиями, «мечтающими об единоличной диктатуре и восстановлении неограниченного хозяйского произвола», и вооруженную борьбу с советской властью, поскольку такая борьба ведет к усилению контрреволюции¹⁶. По итогам конференции пленум ЦК принял «Руководящие тезисы ЦК П.С.Р.», в которых констатировал крах политики «несбывшихся надежд на установление единого общенационального фронта путем формальной коалиции в правительстве и реальной коалиции вне его» (это фактически то, о чем говорил Виктор Михайлович накануне падения Временного правительства). Что же касается событий в Поволжье, т.е. повторной попытки создания общего фронта с буржуазными партиями, то «выигрыш демократии» заключается лишь «в слишком дорогой ценой купленном праве сказать, что с ее стороны имели место все допустимые и даже недопустимые усилия и жертвы во имя возможности политики кооперации с буржуа-

зией». Вслед за такой малоутешительной констатацией следовал вывод, что партия может приостановить вооруженную борьбу с большевиками, но лишь «на то время, когда она не имеет достаточных сил для борьбы на два фронта»¹⁷.

Это основное положение новой тактики получило подтверждение в решениях IX Совета партии (18–20 июля 1919 г.), одобдившего и утвердившего «решение прекратить вооруженную борьбу против большевистской власти и заменить ее обычной политической борьбой». Одновременно Совет предупредил о невозможности «слить свою борьбу против попыток контрреволюции с борьбой большевистской власти» и потребовал от эсеровских организаций «не допускать вредных иллюзий, будто большевистская диктатура может постепенно перерасти в народовластие»¹⁸.

В качестве официального политического курса партии Совет провозгласил ставку на третью силу, равно чуждую и большевизму, и реставрации, которая может вести борьбу на два фронта — и против буржуазно-помещичьей реакции, и против диктатуры пролетариата. Именно третья сила, по утверждению руководителей партии, и только она, может вывести страну из тупика гражданской войны.

Позиция IX Совета партии отражала общую концепцию В.М.Чернова. Он заговорил о третьей силе, стоящей как бы над борющимися сторонами и способной прекратить войну, еще после вступления России в первую мировую войну. Поскольку войну ведут два «мировых политических треста», задача социалистов, утверждал В.М.Чернов, заключается в противопоставлении им «третьей силы». Такой третьей силой является международное социалистическое движение, которое должно объединить в своих рядах все силы: и пацифистов, и оборонцев, и левых, и центристов. Тогда же его соратник А.Р.Гоц заявил, что «третья сила» утратила чисто идеологический характер и стала реальной исторической силой. Она воплощена в русской революции и развивается в двух направлениях: давление на свое правительство с тем, чтобы побудить его отказаться от захватов и аннексий, и обращение с этими требованиями к союзникам и демократии воюющих стран¹⁹. Теперь эта концепция, применительно к гражданской войне, получила в документах партии и выступлениях ее творца новое содержание.

«Мы стоим на принципиальной позиции создания третьей силы между большевистской охлократией (охлос и демос... Об этом Виктор Михайлович уже сказал. — К.Г.) и военно-буржуазной контрреволюцией. И в деревне ищем мы главным образом кадры для организации этой силы»²⁰. Итак, «Ни Колчака, ни Трощкого». Казалось бы, такая компромиссная позиция

должна была объединить и правых, и левых. Однако, вопреки ожиданиям, внутри партии политика «третьей силы» единой поддержки не встретила. Правые заявили, что «всемерная поддержка в вооруженной борьбе, которую ведут Добровольческая армия, краевые правительства и правительство Колчака, является в переживаемый момент обязательной для всех членов партии с.р.»²¹. Другая часть партии отвергала решение IX Совета на том основании, что «обе стоящие друг против друга армии одинаковы, и подход к ним, практические планы и прочее должны быть одни и те же»²². Наконец, третья группировка объявила проповедь борьбы на два фронта скрытой поддержкой белогвардейцев. «Стремление угодить всем преступно, — заявили ее члены. — Мы решительно требуем от ЦК, чтобы он определенно и категорически встал на путь активной борьбы за революцию»²³. Были и организации, поддерживающие решение IX Совета партии, однако, по всей видимости, они не составляли большинства.

В.М.Чернов, последовательный поборник центристской политики, вновь оказался в трудном положении, поскольку, в общем, его концепция, а точнее ее практическое применение, не устраивала ни правое, ни левое крыло партии. Мечтая о примирении в партии, он на деле оказался перед необходимостью выбора, с кем идти. В этом он не колебался. Как и следовало ожидать, он вступил в борьбу с левым крылом, которое представляла, прежде всего, образованная уфимскими эсерами, после освобождения города Красной Армией, группа «Народ», получившая свое название от издаваемой ими газеты. Группа вступила в переговоры с Уфимским ревкомом о совместной борьбе против Колчака. «Делегация членов партии социалистов-революционеров и президиума съезда членов Всероссийского Учредительного Собрания призывает всех солдат народной армии (армия, созданная Комучем. — К.Г.) прекратить гражданскую войну с Советской властью, являющейся в настоящий исторический момент единственной революционной властью эксплуатируемых классов для подавления эксплуатации, и обратить свое оружие против Колчака»²⁴.

Это обращение, опубликованное группой «Народ», ЦК эсеров квалифицировал как предательство по отношению к партии и Учредительному собранию и постановил возбудить вопрос об исключении из партии руководителей группы Вольского, Святицкого, расследовать поведение членов ЦК Буревского и Ракитникова²⁵, не принявших меры для пресечения переговоров. Однако уфимская делегация не отказалась от своей позиции. В своем письме она осудила «борьбу на два фронта» и призвала с оружием в руках бороться с реакцией тех, кто находится в рядах Красной Армии, и тех, кто находится в белых

войсках Колчака и Деникина, обратить оружие против «реакционных узурпаторов».

Процитированное обращение ЦК эсеров было воспринято как объявление войны. Он разослал всем партийным организациям письмо, в котором видна рука главного идеолога партии. «Партия не смогла или не успела вовремя ликвидировать отслужившую свое время систему коалиции... партия не встала во главе революции, была обречена на пассивное, скрепя сердце, поддержание быстро сменяющихся друг друга, все более слабых, непопулярных смешанных правительств, отбрасывающих тень своей непопулярности и на нее». Это весьма объективная оценка. Она повторила, что раньше констатировал В.М.Чернов, но дана-то она задним числом. В то же время в письме настойчиво предлагалось и впредь высоко нести знамя борьбы с большевизмом и советской властью²⁶. Так началась длительная литературная дуэль между ЦК и группой «Народ», которую возглавил В.М.Чернов.

Через десять дней после публикации в «Известиях» обращения уфимских эсеров «К членам партии социалистов-революционеров» за «линию поведения, идущую вразрез с постановлением высших партийных органов», ЦК распустил Уфимскую организацию, а Чернов обратился к группе «Народ» с письмом, в котором предложил ее членам в самой решительной форме высказаться против заявлений подобных Уфимскому, пригласившему членов партии подать руку большевистской власти.

Письмо вызвало очень резкий ответ группы, которая прямо поставила вопрос: «Что будет делать партия с.-р. и ее руководящие органы? Станет ли она в ряды борющихся отрядов Красной Армии, или подобно Пилату, отойдет в сторону и будет со стороны наблюдать, как вершится гнусное дело расправы с революцией?» «Стремление угодить всем преступно» — так квалифицировали «народовцы» черновский лозунг «третьей силы» и потребовали от ЦК, чтобы он «определенно и категорически встал на путь борьбы за революцию»²⁷. ЦК постановил распустить группу «Народ», но она не подчинилась решению и заявила о своем выходе из партии, так как ЦК «не способен и не пытается выбраться из двусмысленной и безнадежной позиции нейтралитета и бездействия», которая «обрекает саму партию на дальнейшее разложение»²⁸. Это уже прямой удар по позиции В.М.Чернова. Можно правомерно считать, что престиж его и его центристской позиции упал, и он потерпел поражение — стремление сохранить единство партии (в который раз!) не увенчалось успехом.

Способствовала этому, конечно, и тактика большевиков. В.М.Чернов совершенно правильно определил их позицию в

отношении внутривнутрипартийных разногласий в партии эсеров. «Большевики, — писал он в одном из писем группе «Народ», — систематически предъявляют вопрос, какой ориентации внутри партии данные лица и группы — партийного большинства или меньшинства... цель этого ясна... С одной стороны, создать для слабых духом соблазн перемены ориентации... С другой стороны, побудить инакомыслящих в партии не скрывать перед внешним миром, а открыто афишировать свою собственную позицию»²⁹. Собственно говоря, такая тактика для политической партии вполне правомерна и обоснована и, безусловно, ослабляла противника и способствовала переходу членов партии и отдельных групп на сторону большевиков, вплоть до вступления в большевистскую партию.

Надо сказать, что свой конфликт с руководством партии «народовцы» рассматривали сугубо как столкновение двух тенденций — реформистской и революционной — внутри одной партии и были далеки от мысли о порочности эсеровской программы и тактики. Они жаждали больше всего спасти честь своей партии и сохранить ее от распада. Тем не менее, в декабре 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов ее представитель огласил декларацию об отношении к советской власти и коммунистической партии, в которой было объявлено, что группа возвращается к активному участию в советской работе, и осуждалась партия эсеров за то, что она «не учла силы коммунистической партии, ее способность, опираясь на дух революционной эпохи, развить колоссальное сопротивление и одерживать победы».

Как бы ни старались лидеры эсеров, в том числе и В.М.Чернов, приуменьшить последствия выхода из партии группы «Народ», объявляя его «безоговорочной капитуляцией перед большевиками» и квалифицируя как попытку превратить партию в «придаток при большевистском служилом сословию», он оказал серьезное влияние на процесс ее распада. Кризис партии эсеров непрерывно обострялся, по выражению одного из организаторов группы «Народ», она таяла, как свеча, зажженная с обоих концов. «Дробление партии социалистов-революционеров на ряд самостоятельных групп, — писали эсеры Херсона, — с одной стороны, нанесло тяжелый удар основной партии, обессилив ее и нарушив равновесие, а с другой стороны... обесцветило новые эсеровские образования, которые в процессе дальнейшего почкования свели свою деятельность к нулю»³⁰.

Крушение в конце гражданской войны своих надежд на торжество «третьей силы» Чернов наблюдал уже из-за рубежа. После возвращения в Москву в марте 1919 г. он все время находился на нелегальном положении, не доверяя принятому в

феврале 1919 г., после отказа эсеров от вооруженной борьбы с советской властью, постановлению ВЦИК, отменившему решение об исключении правых эсеров из Советов, т.е. легализовавшему партию. И, видимо, не безосновательно. В декабре 1919 г. ВЧК арестовала большую группу эсеров, в их числе в Бутырской тюрьме оказалась и его жена. Члены ЦК, оставшиеся на свободе, настояли на том, чтобы Чернов выехал за границу для организации издательской деятельности. В начале 1920 г. Виктор Михайлович через Ревель покинул Советскую Россию и обосновался в Праге. Там он основал и до октября 1921 г., первоначально единолично, редактировал журнал «Революционная Россия». Оказавшись «по ту сторону», В.М.Чернов стремился, прежде всего, и там сохранить за собой положение лидера партии, хотя и потерпевшей поражение, и имидж председателя Учредительного собрания, сыграть излюбленную роль центра и в смысле своей политической позиции, и в смысле консолидации распадающейся партии, разных группировок эсеровской эмиграции.

Он объявил себя и оставшихся на территории России членов ЦК А.Р.Гоца и Е.М.Тимофеева неким «партийным центром». Решающее слово в этой тройке принадлежало Чернову, который утверждал, что при выезде из России ЦК предоставил ему «чрезвычайные полномочия», как члену Заграничной делегации партии социалистов-революционеров и представителю за рубежом названного центра. В этой роли он пытался проводить левоцентристскую политику в духе решений IV Съезда и послесъездовских Советов партии, участвовал в так называемом частном Совещании членов Учредительного собрания. Оно состоялось в январе 1921 г. в Праге, и на нем были представлены все бывшие союзники эсеров по коалиции — кадеты, октябристы, народные социалисты.

Об отношении Чернова к этому совещанию, его политической позиции и положению в партии можно судить по письму, которое было направлено партийным деятелям, оставшимся в России.

«Дорогие друзья, — пишет Виктор Михайлович, — я вернулся из-за границы как раз ко времени Кронштадтской заварухи, когда сношения с Россией оборвались. По приезде в Прагу я прежде всего запросил Зензинова, что за история происходит с совещанием Учредительного собрания, — кто, что, как и почему. Он ответил мне, что "сам не в восторге от этой затеи", но что теперь пятиться уже невозможно — дело сделано, все приглашены, уже съезжаются, и приходится ставить вопрос не о том, нужно или не нужно Совещание, а лишь о том, как провести его, дабы получить от него хоть некоторую пользу, и главное *nequicq respublicae detriment capua*³¹. Ока-

залось, что инициаторами явились парижане. Вы уже знаете, что между Парижем и Прагой все время существовала глухая рознь. Газета "Pour la Russie"³² явилась объединенным органом заграничных "левых" и "центровиков" с.-р. "Правые" ее бойкотировали. "Левыми" тут являются Сталинский, Слоним, Гр.Шрейдер, Лебедев, Махин. "Центр" — Зензинов, Минор, Керенский, Брушвит. "Правые" — Гуковский, Авксентьев, Вишняк, Бунаков, Руднев, Новарский, Роговский. Члены нашей делегации — Сухомлин, Русанов, Гавронский³³ — стоящие на чисто партийной точке зрения, скептически относятся к левизне заграничных левых. На этом основании Русанов бойкотировал все предприятия всех их, Гавронский тоже, и лишь Сухомлин принимал "условно" участие в литературной работе, не принимая никакой ответственной роли. Это было большой тактической ошибкой, ибо при их вхождении в работу можно было бы изолировать правых и подтянуть к партийной позиции левых и центровиков.

Вышло иначе. Как раз ко времени моего приезда за границу, "центровики", по почину Керенского и при помощи Зензинова, ценою неимоверных усилий замазали трещину, все время отделявшую от них правых, и создали формальную организацию, объединяющую всех (кроме членов партийной делегации). Организация эта формально объявлена межпартийной, но состоит она целиком из с.-р. с прибавкой одного меньшевика, одного энеса и одного беспартийного кооператора. Некоторых из последних Христом Богом умоляют не переходить в с.-р., дабы не умерла естественной смертью "беспартийность" организации. На вопрос: зачем нужна беспартийность — ответ гласит: для того, чтобы под сим титулом получить находящиеся в руках чехов средства, оставшиеся от Комитета членов Учр. Собр. — организации тоже формально беспартийной. Но я боюсь, что для некоторых членов есть и дополнительное основание: забронированность от контроля делегации ПСР.

Организация зиждется сейчас на следующих и довольно шатких основаниях. В Праге работают ("Воля России" и брошюры) левые под контролем центра. В Париже дали отступного в виде "Совр. записок", где они работают без всякого контроля. Этот журнал я считаю положительно вредным для партии. Почему — вы увидите особенно из № 2, из статьи Авксентьева "Сложение сил". В том же Париже у центра (в руках лично Керенского, при основной работе Сталинского, нейтрализуемого правым меньшевиком Рубинштейном) находится в руках Bulletin à l'Information Pour la Russie³⁴, бледное и сокращенное продолжение газеты того времени.

Бюджет организации малосильный. У нее существует (пока лишь номинально) большая "служба связи". Предположитель-

но военный орган — но не популярный типа "Вольный голос красноармейца", а политический, для воспитания демократического офицерства. Во главе организации стоит "Совет", в котором сейчас, в результате сплочения с партизанами, царит засилье правых и центра. В связи с этим наблюдалось и поправление (хотелось бы надеяться временное) центровиков, особенно Минора, но также и Керенского с Зензиновым.

По инициативе парижан, воспринятой подпавшим под их влияние Минором, и воспринятой им со всей присущей ему скоропалительностью, "Совет" решил положительно вопрос о созыве конференции членов Учредительного собрания. "Левые" резко возражали. Тогда дело было поставлено так: Совецание членов У.С. созывается самостоятельной инициативной группой, от имени которой ответственными людьми выступили т.т. Минор, Керенский и Авксентьев. Но организация финансировала предприятие (суммы затрачены огромные). Этим предотвратили распад организации. Надо сказать, что Керенский, Минор, даже Зензинов настолько были ангажированы во всем предприятии, что распад выразился бы просто в уходе всех левых. Денежные средства, организации, словом, все осталось бы в руках правых и центра, причем центр сделался бы пленником правых.

Я забыл еще сказать, что организация ведет, руками левых, — одну действительно большую работу: среди военнопленных и интернированных всех видов (здесь и военнопленные "великой войны", и интернированные красноармейцы Польши, и вывезенные с юга Врангелем и т.д., казаки, добровольцы и т.д., и, наконец, сюда присоединяются интернированные в Финляндии матросы и красноармейцы из Кронштадта).

Идея Керенского была развить работу организации в грандиозном масштабе с транспортом на Кавказ и через Константинополь в Крым и Одессу, и через Румынию, через Польшу и т.д. ... Для этого нужны средства, средства и средства... Но лично им, Керенским, были переведены в 17 году за границу и депонированы в разных местах крупные суммы. У него явилась надежда получить их обратно, создав заграничный представительный орган на основе совещания находящихся за границей членов У.С. За эту идею он ухватился со свойственной ему кипучестью и монотеизмом. "Иначе нельзя работать, иначе все начатое дело придется бросить к черту" — таков был его вечный припев. И он готов был на стену лезть, когда видел в чем препятствия намеченному делу. Его некоторый уклон вправо и был вызван оппозицией левых. В то время, как раньше он шел, обычно, с левыми, смягчая позиции, тут он временно совершенно изменил тактику. Он привлек правых,

чтобы централизовать левых, заставить при помощи центра то правое, то левое большинство переступить с одной ноги на другую и, таким образом, проводить свою линию.

Ознакомившись с положением вещей, я занял следующую позицию:

1. Указал на основную неправильность во всем мероприятии: оно было затеяно без предварительного сношения с ЦК, что при моем посредничестве могло быть осуществимо относительно просто, быстро и легко.

2. Отметил, что Россия не сможет принять органа, носящего вид коалиции с цензовиками.

3. Указал, что с этой точки зрения было бы лучше, если бы и самого совещания не было. Тем более, что в таком пункте, как Париж, в данный момент центр реакции Антантовского стиля. Ибо выбор пункта может слишком многим показаться не случайным (как то было на деле), а указанием на то, по чьему "заказу" предпринято дело.

4. Сам я отказался принять участие в конференции. Мотивов я выставил два: как член ЦК, я не могу без его решения на свой личный риск и страх делать такого рода шаги. Как председатель У.С., я не могу ангажировать себя ни в каких "частных совещаниях членов".

5. Я изъявил согласие работать во фракции с.-р. членов совещания с такой целью: помочь им с наивозможно меньшим политическим ущербом выбраться из всего этого предприятия.

6. Не буду говорить о тяжелом положении, порою создававшемся при этом лично для меня (особенно резко было столкновение с бабушкой³⁵, о чем как-нибудь после). Работа во фракции не совсем дала необходимые плоды. Особенно в вопросе непризнания за границей советского правительства. Мои попытки провести формулу ЦК (приблиз. об окраинных государствах)³⁶ также получились хуже, чем следовало бы. Главным успехом было проведение через фракцию заключительной декларации с категорическим отвержением коалиции.

Как вы увидите из "Совр. зап.", позиция Авксентьева и его группы такова: сейчас для коалиции время не настало, но надо готовить почву для будущей коалиции. Первый шаг для такого приготовления — совещание членов У.С. Но главным вопросом, разрешенным неудовлетворительно, был вопрос о представ. органе. Я решительно заявил: единственно, что может переварить Россия, — это мажоритарный исполнительный орган, без кадет, т.е. из с.-р. плюс нац. меньшинства. Впоследствии, быть может, можно к нему прибавить представителей земско-городского объединения, как деловых культурных работников, но политическое представительство от партий должно

быть чисто от всякого объединения с цензовиками. Это, однако, в конце концов не прошло. Было решено — ввиду безвыходности положения не избирать никакого специального органа. Но, предполагая возможность нового созыва совещания, в промежутки между ними заставить работать одну из комиссий совещания (нечто вроде не то "сеньорен конвента", не то согласительной редакционной комиссии). Это, конечно, плохой выход. Предложенный мной был лучше. Однако и этот плохой выход был в пересказке Сов. Прессы искажен донельзя. Ни совещание, ни его квази-орган никаких претензий быть властью не имели, а лишь представлять за русские интересы и за интересы русских перед общественным мнением, прессой и влиятельными политическими кругами Европы, опираясь просто на моральный вес своих заявлений, обуславливаемый как "именами", так и источником их полномочий, всеобщим избирательным правом.

Теперь, когда вы имеете стенографический отчет о заседаниях, совещаниях и прилагаемые вырезки, вы можете произнести свое окончательное решение по этому вопросу. Вы видите, что имя партии я тщательно выгородил из всего этого дела. Партия в лице ЦК совершенно свободна, руки у нее ничем не связаны. Судите и решайте. Но для решения примите во внимание следующее.

Кронштадтские события были огромным толчком для "заграницы". Доселе они строились в порядке "самодовления". Мой приезд и доклад поколебали многих. Левые сплотились и приняли чисто партийную ориентацию. Но, по-прежнему, было много скептиков — не говоря уже о "правых" и "центре". Планы А.Ф. усилили крен всей организации на запад, на всякие "представительства", и, зная импрессионерскую натуру А.Ф., я сравнительно спокойно отношусь к этому, как к очередному преходящему увлечению. И в самом деле, последние пришедшие сегодня вести гласят, что А.Ф. сильно разочарован в Парижском Исполнительном органе, блистает своим отсутствием или сидит, зевая и думая. Подоспевший гром Кронштадтских батарей повлиял на всех страшно сильно. Явилась тяга к России, вера в близкое "движение воды". Сразу зародились планы — перенести больше сил и материальных средств на территории, прилегающие к России.

Теперь: 1) Я имею субсидию от Праги на продолжение издания "Р.Р." 2) Если вы пришлете сюда автора "Армия и Гвардия" в провалившемся № 1 "Вольного голоса красноармейца", то с помощью его, Махина и еще одного-двух здешних лиц можно будет начать здесь кр. газету, которая будет также финансироваться Прагой. 3) Народное дело преобразуется с помощью присланного Слонина в приличную газету, которая,

тем не менее, будет выходить без партийной фирмы, чтобы нам служить, но нас не ангажировать. (Предполагается вообще переброска довольно большого числа в эти края. Есть, в связи с этими предложениями, план закрытия "Совр. Зап.", может быть бюллетеня, чтобы освободившиеся средства затратить на организацию транспорта и т.п.)

Я считаю так. Сейчас разрушить бесп. организацию было бы ударом по работе. Надо: 1) Немедленно строить рядом с нею парт. организации повсюду. В Праге уже образовалась парт. группа в 24 человека. В Париже организуется. В Ревеле существующая группа преобразуется. Я, от имени партии, опубликовал "категорический императив" всем членам партии входить в такие группы и образовывать новые. Далее. 2) Вести беспартийную организацию лиц, способных подкрепить левое крыло. Для этого надо переправить сюда людей, не используемых в России. Так, например, Сергей; П; и автор "Гв. и Арм.". О них я уже говорил, их, конечно, примут с распростертыми объятиями, расходы по их переправке оплатят полностью. 3) Людей центра надо, по-моему, менажировать. Они (лучший пример Зензинов) в общем все время выдвигаются ближе к партийным позициям, правда, все время с опозданием, воспроизводя нашу точку зрения задним числом. Но они привязаны к партии неразрывной духовной связью, и отбрасывать их к правым, одной ногой стоящим в партии, другой вне ее, — не следовало бы. 4) Правых следует по возможности изолировать и для постановки им от лица партии тех или иных ультиматумов, формул *se soumettre on se demettre*³⁷, искать моменты, когда им нельзя уплотниться за фракционных соседей.

С этой точки зрения я и вел переговоры с Зензиновым. Он, как вы помните, вышел из Ц.К. в то время, когда они получили резолюции 9-го Совета и сочли их для себя неприемлемыми. Однако он сам мне заявил, что изменил свою точку зрения, что ныне видит, насколько эти резолюции соответствовали моменту и условиям работы. Свое несогласие с ними объясняет оторванностью и неосведомленностью заграницы и раскаивается в сделанном тогда шаге. Я, со своей стороны, предложил ему заявить об этом, с его разрешения, Ц.К. и внести предложение — аннулировать его выход из состава Ц.К., как основанный на недоразумении. Я выразил, со своей стороны, свое чисто субъективное убеждение, что мое предложение будет единодушно принято, ибо товарищи в России будут душевно горячо рады, что разрыв Зензинова с ними оказался случайным и мнимым. Согласно этому предварительному обмену мнений с Зензиновым, я и предлагаю принять примерно такую резолюцию: ознакомившись по докладу В.М.Ч. о том, что Н.М.З. согласно его собст-

венному заявлению и т.д., признать подачу Зензиновым в отставку и принятие этой отставки Ц.К.-том подлежащими аннулированию, восстановить З-ва в правах члена Ц.К. и включить его, вместе с членами Ц.К. Сухомлиновым, Русановым и Черновым, в состав Загр. Представительства ЦК П.С.Р. Я забыл вам упомянуть, что прежней "Загр. Делегации" более не существует, по отсутствию материальных средств она давно уже не подавала признаков жизни. Единственный член ее, не состоявший в Ц.К., Дм.Гавронский взял длительный отпуск, временное увольнение его от всякой партийной работы на предмет окончания им начатого большого труда "Система социологии", да и вообще, Делегация, отправленная лишь на предмет информирования Европы о России и о позиции П.С.Р., не считала себя ничем большим и никакой дисциплинарной власти и организационно-руководящей роли по отношению к членам партии, наход за границей, особо не присвоила. Да и по части информации-то ей, годами не имевшей от Ц.К. ни одной строчки, приходилось часто поступать "по вдохновению".

Теперь дело меняется: я служу соединительным звеном между Европой и Россией. Взаимная информация возможна. Есть коллектив из трех, а если вы пришлете О.З., то даже из четырех наличных членов Ц.К. (Я, Кудрин, Сухомлин и Зензинов). Если позволите, то я соответственно изменю и адрес вашего письма "Заг. Делегации". Если же вы будете настаивать, чтобы иметь за границей нечто более расширенное, чем заграничная секция Ц.К., то мы обсудим вопрос о новых членах. Конечно, я ничего не буду иметь против пополнения Керенским. Моя идея в том и состоит, чтобы его и Зензинова теснее привязать к партии и этим оторвать от правых, ушедших слишком далеко не только от интернационализма, но даже и от социализма в настоящем смысле этого слова.

Нельзя, однако, не считаться с тем, что сейчас, после Парижского Сопещения и резолюции о нем Ц.К., вопрос крайне осложнился. Не произойди таких событий, как Кронштадтские, — боюсь, мы имели бы сейчас полный кризис. Дело в том, что в "Комиссии", оставшейся работать после окончания совещания, находятся и Керенский, и Минор, и Зензинов. Уйдут ли они. Послушаются ли Ц.К. Не придется ли нам, следуя букве постановления Ц.К., объявить их выбывшими из партии. Что после этого произойдет со всей здешней организацией, со всеми ее предприятиями, органами, с матер. средствами, с ассигнованиями на разные нужды дела и т.д., и т.д. Гром Кроншт. батарей заглушил шум начавшейся было заграничной бури в стакане воды и объединил всех новыми надеждами и стремлениями к работе непосредственно на "Россию". Наличность в вашей резолюции некоторых недоразумений и

фактических неточностей внушила Парижу и Праге надежду, что вы пересмотрите и измените вашу резолюцию после того, как ознакомитесь с подлинными протоколами и текстами резолюции Совещания.

И это, конечно, надо сделать. Я не приглашаю вас заглушить вашу точку зрения. Говорите решительно, прямо, открыто и определенно. Но вот что, по-моему, ни в коем случае делать не следует. Не надо включать в мотивировку резолюции слишком спорные мотивы, например, что сидеть на частном Совещании членов У.С. рядом с членами к.д. партии означает вступление в политическую коалицию с ними — я бы ни в коем случае не утверждал. Почему — ясно. Вы скажете: одно дело официальное заседание У.С. — другое дело частное совещание, только в первых мы заседаем вместе с к.д. по должности, во вторых же — по собственной инициативе и желанию. Аргумент шаткий. Если на совещание собираются все члены У.С., живущие за границей, то это значит, что они могут явиться все: и левые эсеры, и даже большевики, словом, элементы, ни в какой политической кооперации не соединимые. Частное Совещание отличается от У.С. лишь тем, что здесь часть вместо целого. Но ведь не специально по партийным признакам подобранная часть, а лишь по признакам членства в У.С. Ведь мыслим и такой случай: Частное Совещание собирается для того, чтобы с этой более заметной публичной трибуны дать сражение, дать идейную битву между представителями разных фракций. Нельзя же серьезно утверждать, будто и в этом случае следует: сидеть вместе в одной зале и выступать попеременно на одной и той же трибуне, чтобы громить друг друга, — будет все-таки политической коалицией.

Вы имеете стенографич. протокол совещания. Критикуйте как угодно решительно постановку работ, характер речей и резолюций. Критикуйте все, что в содержании речей и резолюций представляется дефектным с с.-р. точки зрения. Но не топите всего этого в утверждении сомнительной верности о коалиционном значении самого факта заседания в одном зале. Этим вы только создадите на почве оппозиции данному пункту вашей мотивировки вредный для нас союз правых, центра и части левых заграничной организации.

Упомяну еще вот о чем: если вы будете настаивать на негосударственном значении частного совещания в отличие от заседаний Уч. Собр., то и здесь будет довольно трудно логически провести эту точку зрения до конца. У нас в Самаре, Уфе и Екатеринбурге в 1918 г., в Ростове или Екатеринодаре в 1919 г. действовали "комитеты членов Учр. Собр." и "Съезд членов Учр. Собр.". Что это были за штуки, насколько они были "приватны" и насколько "государственны". Ясно, что

это были промежуточные формы. Это были, если позволено так выразиться, ersatz³⁸ государственных форм. Таким же ersatz'ем, таким же промежуточным образованием являются и заграничные "совещания". Приватные съезды по государственному признаку, они еще менее Уфимского Комитета "государственны". И все же это не просто собрание людей из нескольких партий, замысливших общее для своих партий дело, а собрание людей безотносительно к партиям и без предрешения о том, объединит ли их что-нибудь или, наоборот, встреча будет идейно-политическим сеансом фехтования ради целей пропагандистских, использованием трибуны для чисто партийной агитации.

Если вы не заострите разногласий на таких questions régalables³⁹, где сложность и спорность вопроса ослабят вашу позицию, если свою критику хода, результатов и даже самого замысла Парижского Совещания вы сосредоточите на беспорно слабых его сторонах, то ваша окончательная резолюция сыграет положительную роль. Однако учтите все мною сказанное. Вы, быть может, недовольны мной за то, что я не выступил в Париже более категорически против того, что произошло. Формально вы будете, пожалуй, даже правы. Но имейте в виду: я и без того все время ходил по краю обрыва. Еще один шаг — и был бы полный разрыв с Керенским, Зензиновым, Минором, не говоря о более правых; разрыв, на который идти значило бы быть готовым к объявлению их вне партии. Без вас, единолично, я ни в коем случае на такую вещь пойти не мог. Ваши руки свободны, я вас ничем не ангажировал, только предупредил вас о том, что может означать каждый ваш шаг. Если вы дорожите пребыванием в партии таких людей, как Кер., Зенз., Минор, — сумейте высказаться не менее *partire in re*, но более *suaviter in modo*⁴⁰.

И еще одно замечание. Не делайте искусственно "левых" союзниками тем, кто, быть может, все равно в партии духовно уже "отрезанный ломоть". Не отталкивайте левых от себя чрезмерно резкими и преждевременными приговорами.

Здесь я настойчиво прошу вас уполномочить меня вычеркнуть из письма Загр. Делегации ваше требование — снять с "Воли России" имена партийных людей. Не то чтобы ваша критика газеты была безосновательна; я сам писал им нечто в этом роде; но эта критика запоздала, она относится к первоначальному периоду газеты, когда она была еще неустановившейся. Теперь "новым фактом" является сотрудничество в газете таких деятелей социалистического мира Европы, как члены Англ. LIP (незав. раб. партии), Рамсей Макдональд и Филипп Сноуден, как Германские независимые с.д. Бернштейн и Штребель, Венгерский Э. Кушри, Испанский П. Иглеси-

ас, Финл. О.Токой и т.д., и т.д. В газете сейчас широко поставлена хроника соц. движения. В фельетонах перепечатан и дискутируется наш "проект экон. программы". Охотно принимаются и мои статьи по теории социализма. Газета чем дальше, тем больше выправляется, приобретает влияние, вербует прозелитов. "Умейте наказать, умеете и помиловать". Я бы, напротив, предложил вам с удовлетворением отметить эту работу загр. товарищей, равно как и изданные ими брошюры вроде "Как Черноморские крестьяне боролись за свои права", "Мирской приговор" и т.п. Всякое поощрение надлежащей затраты сил, одновременно с критикой нежелательных уклонов, усилит действия критики, создав нам союзников в критикуемой сфере. Слишком же огульная критика может оказать обратное действие. Я это хорошо понимаю, как тянущим тяжелую лямку организационной работы в России хочется "обложить" покрепче всю заграницу "оптом". Но понятное психологически в России не будет самым целесообразным в здешней сфере и в здешних условиях.

Теперь о другом. Дальнейшее печатание здесь литературы пока обеспечено: ассигновки будут. У меня сейчас печатается 4-й № и посылаю для набора № 5. Я, кроме того, предложил письмом членам Кронштад. Ревкома, интернированным в Финляндии, издание "Красной Книги" Кронштадтского восстания — сборник их воспоминаний с приложением полного комплекта их радио, воззваний и бюллетеней. Думаю, что они примут это предложение с радостью, а ассигновка будет. Наши листовки — память разгона Уч. Собр. и по поводу "Большевиков и голода" — вы, вероятно, уже видели. Спец. листовка будет посвящена "Войне и миру". Но вот в чем дело. Когда я уезжал, то сообщил, что транспортные возможности контрабандой через границу у нас огромные: вопрос лишь о постановке вами с той стороны приемных пунктов, особенно в Пскове и Петрограде. Вы мне отвечали, что вышлете на этот предмет специального человека, для обследования и организации приемки, хранения и переправки в указанных мною местах. Но я доселе не знаю, что вами сделано в этом смысле.

Транспортные возможности у нас за это время сильно возросли; поставлена и Финляндская граница. Налаживается и Латвийская. Одно время, при дезорганизации местных коммун. властей известиями о Кронштадте, граница, в сущности, была открыта, и можно было перевозить десятками пудов. Было много перевезено, но только для того, чтобы "пустить в пространство". Можно было бы перевезти во много раз больше и с большим толком в смысле направления литературы. Мы упустили это. Теперь уже стало опять несколько хуже, хотя все же возможности огромные. Итак, повторяю: поставьте

только приемные пункты со складами, и мы вас завалим литературой. Но только, ради Бога, не медлите. Чего у вас не хватает для этого. Сообщите. Может быть, деньгами совсем обнищали. Можно было бы попытаться перехватить у беспарт. орг. и для вас на сей предмет субсидийку, если... если сия организация не будет вами окончательно взорвана на воздух и если ее ресурсы по части "нерва войны" в результате конфликта нам не "улыбнутся".

В мое отсутствие тут работа застопорилась, и я боюсь, что вы вообще махнули на наши края, перестав ожидать чего бы то ни было. Постараемся доказать, что сие заключение преждевременно. Напротив, именно теперь надеюсь, что удастся им всей работе придать самый широкий размах и самый энергичный темп. Со своей стороны скажу, что был приятно удивлен по приезде сюда, найдя такую массу корреспонденций и материалов. Правда, все эти материалы квасились у этого лентяя и бездельника Каганова, но лучше поздно, чем никогда. В пятом номере доскребаю остатки. Для шестого почти ничего уже не остается, и я опять взываю к вам: продолжайте то, что начали, в том же духе, не ослабляя темпа. У нас нет ни одной строчки о продовольственных демонстрациях в Москве, как раньше ни строчки не было о "лапотном бунте". С нетерпением жду. Заграничные газеты полны какими-то проблематическими сведениями о восстаниях в Сов. России. Особенно много пишут о восстании в Одессе; хотелось бы знать, было ли действительно таковое. Пишите обо всем, что вам известно, — пишите, пишите и пишите.

Да, из письма Ртищева вижу, что нам было послано "письмо к зарубежным товарищам" — я его не получил. Или вы забыли послать, или — что, по-видимому, весьма вероятно — его затерял Колакас. Пошлите снова: насколько я понимаю, его надо напечатать в "Рев. России" — сделаю немедленно по получении. Я надеюсь, там не будет таких положений, которые теперь, после Петроградских и Кронштадтских событий, будут архаизмами. Жизнь течет быстро, и при первой публикации документов важно вычеркивать то, что оставлено жизнью сзади.

Жду от вас немедленного ответа. А.Ф., несомненно, разрыва не хочет, но надо дать ему какой-нибудь мостик для отступления. Сюда приезжал от него и др. И.Брушвит, и до Кроншт. событий А.Ф. даже телеграфировал ему предложение послать к вам специального гонца для разъяснения и улаживания конфликта. Примите все это во внимание. Считаю, что свой долг выполнил. А затем, что бы вы ни решили — рассчитывайте на меня. Буду делать все, чтобы сознание долга, партийной дисциплины здесь одержало победу над центральными тенденциями.

Крепко обнимаю всех, крепко всех любящий Виктор Чернов.

Что имеется о Кронштадте у вас, что знаете о репрессиях. Пишите. Не думаете ли вы, что стоило бы к интернированным в Финляндии прикомандировать Дашу.

К вам поехал Колакас, который меня и в этот раз надул со своей поездкой, скрыв ее время, втирая мне очки в глаза. Очевидно, боялся, что я переобременю его поручениями и письмами, с ним я всякие дела после этого совершенно прекращаю»⁴¹.

Письмо написано вскоре после Кронштадтского восстания (март 1921 г.), которое Чернов встретил в Ревеле, куда прибыл 8 марта, сразу же после начала мятежа, чтобы установить связь с повстанцами. Берлинская эмигрантская газета «Голос России» писала, что он «готовился в случае падения Петербурга провозгласить новое русское правительство»⁴². Так это или не так, рассчитывал Виктор Михайлович на пост премьера или нет, сказать нельзя. Однако сам Чернов писал, что В.В.Сухомлин 7 марта предложил ему создать в Ревеле «Комитет действия». Рупором его должна была стать объявившая себя беспартийной газета «Воля России». И во всяком случае Чернов прямо предложил свои услуги организаторам восстания. «Сообщите, сколько и чего нужно? — писал он в Кронштадт. — Готов прибыть лично и предоставить на службу революции свои силы и свой авторитет»⁴³.

Кронштадтские руководители на предложение не откликнулись. В докладе о результатах расследования по делу с Кронштадтском мятеже особуполномоченный Совета Народных Комиссаров при президиуме Всероссийской Чрезвычайной Комиссии отмечал, что на одном из заседаний Временного Революционного Комитета (органа, созданного восставшими) его председатель П.И.Петриченко⁴⁴ сообщил, что получил от курьера, прибывшего из Ревеля (ныне Таллин), обращение Виктора Чернова, который предлагает, чтобы ему, как председателю Учредительного собрания, разрешили приехать в Кронштадт с тем, чтобы «вооруженная борьба против Советской Власти происходила под флагом Учредительного Собрания и чтобы все руководство делом борьбы с Советской Властью было предоставлено Учредительному Собранию». Одновременно он предложил и вооруженную помощь. Петриченко доложил, что дал Чернову ответ, в котором поблагодарил его за приветствие, но предложение отклонил. ВРК предложил сохранить в секрете и предложение Чернова, и ответ на него⁴⁵.

Тем не менее, руководители РКП(б) и советского правительства стремились всячески подчеркнуть роль в кронштадтских событиях эсеровских лидеров, и особенно В.М.Чернова.

Уже в одном из первых интервью иностранным корреспондентам Л.Д.Троцкий заявил, что еще в прошлом году в заграничной печати неожиданно для советского правительства появилось сообщение о перевороте в Нижнем Новгороде и образовании там правительства Чернова — Спиридоновой. Это бессмыслица, поскольку альянс двух таких противников был невозможен. Тем не менее, Троцкий трактовал сообщение как факт, подтверждающий, что «иностранный пресса время от времени с известной точностью предсказывает заранее перевороты в определенных пунктах Советской России»⁴⁶.

Выступая с докладом о кронштадтских событиях в Екатеринославе, К.Е.Ворошилов цитировал слова В.М.Чернова: «Советская власть столь сильна, — говорил Чернов, — что сразу свергнуть ее нельзя без трудящихся. Действовать нужно осторожно. Открыто нужно действовать только против коммунистов, но не против Советской власти»⁴⁷. В какой-то степени К.Е.Ворошилов прав. Эсеры и Чернов не требовали ликвидации Советов как органов власти, и их лозунг «Власть Советам, а не партиям» был воспринят кронштадтцами. Но и только. «Нам прочли предложение Чернова... Громадным большинством предложение было отвергнуто», — говорил на допросе член ВРК П.М.Перепелкин. Он же показал, что заявление Чернова «о готовности социалистов-революционеров оказать помощь военную и организационную восставшему Кронштадту решено было Ревкомом сохранить в тайне и не разглашать»⁴⁸.

Сразу же возникает вопрос — почему? Не потому ли, что у крестьян имя Виктора Чернова, особенно после «военного коммунизма», полностью авторитета еще не утратило и его послание будет оценено иначе: вдруг масса потребует его приезда в Кронштадт? Это руководителей ВРК не устраивало. Эсер Путилин говорил на допросе, что в переходный период от Советов к Учредительному собранию для подавления анархии и большевизма необходима диктатура⁴⁹. В этом смысле В.М.Чернов не подходил. На роль диктатора он не годился. Не устраивала и политическая платформа Чернова, сохранившего верность Учредительному собранию и не упускавшего случая напомнить, что он его председатель. Но кронштадтцы лозунг возврата к Учредительному собранию отвергли.

Лидер эсеров на сей раз оказался в таком же положении, в каком после Октября оказались монархисты. Выступать за восстановление монархии Романовых было бесполезно, под этим лозунгом собрать массы было невозможно, и рассчитывать в борьбе с советской властью можно было лишь на демократический лозунг — «Вся власть Учредительному собранию!», который трактовали как восстановление демократии, поправной охлократии-большевиками.

В начале гражданской войны этот лозунг был поддержан даже монархически настроенным офицерством. На востоке страны возникли различные органы власти Учредительного собрания: Комитет членов Учредительного собрания, Уфимская директория, Съезд членов Учредительного собрания и др., но они быстро дискредитировали себя, и теперь стало невозможно поднять массы и на защиту Учредительного собрания. Те, кто понял это, выдвинули новый тактический лозунг: «Советы без коммунистов», «Власть Советам, а не партиям», поскольку авторитет Советов как органов власти в годы гражданской войны, когда население должно было выбирать между ними и властью белогвардейцев, укрепился. В.М.Чернов не придал должного значения тому факту, что власть учредителей как раз и скомпрометировала себя сотрудничеством с белой реакцией, которая на крестьянство возлагала ответственность за Октябрь и мстила ему жестокими репрессиями. В общем, можно сказать, что попытка Чернова встать во главе движения не удалась, и не удалась, в частности, потому, что его лозунги устарели, а новые принадлежали не ему.

В свое время В.М.Чернов возражал против Уфимского приглашения, считая, что эсеры должны вести борьбу на два фронта — против белой реакции и против большевиков, и его позиция была поддержана ЦК социалистов-революционеров 6 голосами против 2 (всего было 9 членов ЦК). В принятом по этому поводу решении, которое недаром было названо «Черновской грамотой», с одной стороны, подвергалось критике Уфимское государственное совещание, а с другой — созданная им Директория все же не отвергалась. Тем не менее, «грамота» потом использовалась Колчаком как одно из доказательств «ненадежности» эсеров⁵⁰. Аналогичную позицию он занял и в эмиграции. О конференции членов Учредительного собрания Виктор Михайлович отзывался весьма критически. Он отказался появиться на конференции, ссылаясь на свой статут председателя Учредительного собрания и неприемлемость коалиции с «цензовиками», но принял участие в работе фракции социалистов-революционеров с тем, чтобы из создавшегося положения они вышли с наименьшими потерями.

И на этот раз Чернов получил поддержку ЦК своей партии, который в феврале 1921 г. осудил конференцию и даже пригрозил исключением тем, кто вошел в созданный ею Исполнительный комитет. Однако последняя часть постановления вызвала, в свою очередь, возражения Чернова, который призвал отменить указанное решение, поскольку оно грозит расколом, и не только с правыми, но и с центром, в то время как традиция партии — терпимость по отношению к меньшинству, если оно придерживается партийной дисциплины⁵¹. А в

общем, А.В.Луначарский был прав, говоря, что «Авксентьев держится за Керенского, Керенский за Чернова, Чернов за вас»⁵². Эта реплика относится уже к 1922 г. и обращена к подсудимым на процессе эсеров. Перед этим, в ноябре 1920 г., «Известия» писали, что арестованные эсеры будут рассматриваться как заложники, поскольку «группа Чернова» вместе с организацией Б.Савинкова, используя средства, полученные от Антанты, готовит террористические акты против руководителей Советского государства и большевистской партии⁵³. Правда, на следующий день Ф.Э.Дзержинский поспешил заявить, что понимает разницу между Савинковым и Черновым. В то время, когда в 1921 г. готовилось решение о предании арестованных эсеров суду, инициатором которого, как утверждают, был Ф.Э.Дзержинский, хотя прямые указания исходили от В.И.Ленина: в записке в ЦК РКП(б) он отметил, что материалы ЦК эсеров «Чернов и К^о» используются для разоблачения социалистов-революционеров недостаточно⁵⁴.

Эсеры, как признавал их лидер, часто опаздывали. Так было и с НЭП. Когда советское правительство ввело в стране новую экономическую политику, социалисты-революционеры заявили, что это их программа, что большевики просто обокрали их партию, а Чернов сетовал: опять опоздали. Тем не менее, не будучи сторонником экстремистской политической линии, он считал нужным воспользоваться некоторой либерализацией общественной жизни в Советской России, использовать в интересах партии открывшиеся легальные возможности. В «Общественной позиции партии эсеров» Чернов поставил перед оставшимися в России членами партии задачу завоевания «при малейшей возможности фабрично-заводских комитетов, делегатских собраний, профсоюзов, беспартийных конференций и вообще всех низовых рабочих органов», считал вполне приемлемым организованное возвращение в Советы, как только обстоятельства позволят это сделать. Он заявил, что встал на точку зрения «длительного изживания коммунизма», а ставший центральным органом эсеров журнал «Революционная Россия», на страницах которого разрабатывалась программа действий в новых условиях, назвал основным оружием партии⁵⁵.

В эти же годы выходил и еженедельник «Воля России». В.М.Чернов считал, что возглавленная им редакция центрального органа среди эсеровских группировок занимала положение «промежуточной группы». В начале 20-х гг. она поддерживала Чернова (правые причисляли его к левой группе), но затем присоединилась к «парижским оппозиционерам», т.е. эсерам, живущим в Париже, — так характеризовал Чернов расстановку сил внутри эсеровской эмиграции в своей записке «Современные течения и деления среди эсеров»⁵⁶.

Позиция Чернова и в Советской России оценивалась по-разному, но ссылались на него достаточно часто. Переход от «военного коммунизма» к новой экономической политике вызвал определенное смягчение социальных отношений. Возник вопрос и об изменении отношения к демократическим партиям, возвращении к многопартийности. Наиболее ярким свидетельством этого может служить письмо референта ВЧК, известного публициста и одного из первых историков политических партий России Ильи Вардина (Мгеладзе) в ЦК и МК РКП(б) «Об отношении к партиям мелкой буржуазии».

«Партии меньшевиков и эсеров, различные группы анархистов фактически в настоящее время находятся на *нелегальном* положении. Большинство эсеров, придерживаясь *активистской* политики, легальности не добивается. Наоборот, П.С.Р. уходит в глубокое подполье, чтобы оттуда взрывать советскую власть.

Но среди всех нелегальных партий и групп имеются течения и группы, враждебные активизму. Определенная, по-видимому не очень значительная, часть эсеров резко высказывается против черновско-авксентьевских авантюр. Большинство меньшевиков несомненно относится отрицательно к новым воинственным попыткам эс-эров, причем у них произошел новый *откол* групп, стоящих левее Мартова — Дана.

Вот эти «левые» группировки добиваются легальности. Член Ц.К. эс-эров Донской возбудил ходатайство о разрешении им печатного органа. Меньшевики давно добиваются того же. В связи с выборами в Московский Совет встает общий вопрос: должны ли мы предоставить нашим политическим врагам известную «свободу выборов». Я полагаю, что на эти вопросы следует ответить *утвердительно*. Мне кажется целесообразным разрешить меньшевикам, эс-эрам, наиболее «приличным» анархистам издания печатных органов. (Еженедельники, двухнедельники.) Я не понимаю, какую опасность мог бы представлять для нас мартовский «Социалистический вестник», если бы он выходил в Москве, а не в Берлине. Ярче, сильнее он от этого не стал бы. Серьезным организационным центром для меньшевиков он вряд ли мог явиться. Кооперация, например, в этом смысле для меньшевиков и эс-эров играет куда более важную роль, а когда сейчас этот убогий «Соц. Вестник» проникает к нам в качестве нелегалщины, он приобретает для всех особый интерес.

Но, легализуя, вожжи, понятно, мы должны держать натянутыми. Обычно мы либо позволяем нашим врагам совершенно распоясаться, либо совершенно зажимаем им рот. В рамках закона до сих пор мы держать их как-то не умели.

Сейчас мы это должны попытаться сделать. Нашим врагам мы должны сказать: — Господа, в рамках наших законов вы свободны. За всякую попытку призыва к гражданской войне, к забастовкам, к нарушению наших законов мы вас будем привлекать к трибуналу. Всякая ваша попытка активно выступить против совласти нами будет решительно пресекаться.

Мы должны это обещать им и обещания аккуратно выполнять. Мы можем бороться с нашими врагами в пределах наших законов. Рабочие поддержат трибунал, который осудит м-ка, эс-эра, анархиста за призыв к новой гражданской войне, за призыв к забастовкам и т.д.

Мне кажется, что политически бороться с эс-эрами, м-ками, анархистами нам легче тогда, когда они пользуются легальностью. В наших руках сейчас огромное количество ценнейшего материала против всех наших врагов. Когда сейчас мы выступаем в печати с разоблачениями, нам мало верят, нам говорят: "У них зажат рот".

По моему мнению крайне важно, чтобы в выборах в Советы участвовали "все партии", а не "одна партия". В Советах нам необходима оппозиция. Когда беспартийный рабочий протестует против партийной диктатуры, он имеет в виду отсутствие в Советах тех партий, которые часто отражают не классовые, а его профессиональные и бытовые интересы и нужды.

Оппозиция нам нужна для того, чтобы усилить тенденцию расколов и расхождений в рядах враждебных нам партий. "Большевистская партия утверждает свое господство на систематической дезорганизации и распылении всех соседних партий", — плачется Чернов в № 3 "Рев. России". Легальная фракция неизбежно заражается известным духом "приспособленчества". Если относиться к оппозиции несколько более деликатно, более "парламентски", чем до сих пор, то она несомненно явится фактором "дезорганизации и распыления" в рядах партий мелкой буржуазии.

Наконец, вопрос о системе — о советской системе, о конституции. Когда абсолютистское правительство, посылавшее членов нашей партии на каторгу, терпело в Думе нашу фракцию, оно заботилось об интересах русской "парламентской системы", о своей конституции. Полагаю, что в настоящее время мы не можем пренебречь интересами нашей советской системы, авторитетом нашей конституции.

"Свободные выборы", "конституция", когда мы это проводим в жизнь, это усиливает нашу позицию, это ослабляет шансы нового Кронштадта.

Наряду с разверсткой и кооперацией нам нужно вырвать из рук наших врагов и это оружие. Чем скорее мы это сделаем, тем лучше.

Сейчас, по-моему, мы имеем для мелкой буржуазии, в общем, "хорошую политику". Эс-эрам и меньшевикам пока остается кричать, что их еще раз "обокрали" большевики. При таких условиях, я полагаю, что было бы весьма целесообразным повторить удачный питерский опыт лета 1918 года и *перед избирательной кампанией освободить демонстративно тех меньшевиков, эс-эров, наиболее "приличных" анархистов, которые не обвиняются в подготовке, в призыве, в организации восстаний, забастовок и т.д.* Эта мера не ослабит, а усилит нас политически.

Уполномоченный референт ВЧК, Ил. Вардин (Мгеладзе) 11/IV 21 г.». ⁵⁷

Иначе было воспринято ходатайство Донского автором другой записки по этому поводу.

«Пред. ВЧК Дзержинскому.

В ответ на Ваше задание о разрешении правым эсерам легального органа печати.

В № 3 "Рев. России" Чернов, опасаясь методов нашей работы с эсерами, меньшевиками и т.д., ясно и точно разгадал наш метод борьбы с ними. Он подвел итог тому, как путем разложения мы сваливали на обе лопатки своих противников, но вместе с тем, я не думаю, чтобы эсеры ограничились только лишь статьей Чернова, наоборот, я думаю, что они сделают для себя практический вывод и сознательно попытаются пойти на легализацию для того, чтобы ценой небольших для себя жертв, через легализацию возродить, объединить и укрепить идейно разрозненные, одичалые, но вместе с тем довольно значительные на местах эсеровские силы. Перед Центром или Комитетом П.С.Р. теперь стоит один вопрос: свалить Сов. власть и ее опору, комм. партию, вооруженной рукой или путем идейным. Увлечшись первым путем, эсеры за три года сожгли себе шею, и, кроме того, они потеряли партию (партийные низы, массы).

Эсеровскую партию идейно нужно добить» ⁵⁸.

Письмо И. Вардина было передано Л.Д.Троцкому, и, как показали события, соображения его автора не были приняты во внимание. Был избран другой путь, более близкий к мнению автора записки Дзержинскому и сформулированный В.И. Лениным в письме народному комиссару юстиции Д.И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики». В нем, в частности, поставлена задача: «Усиление репрессии против политических врагов Сов. власти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров);

проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обязательная постановка ряда образцовых (по быстроте и силе репрессии; по разъярению народным массам через суд и через печать значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других важнейших центрах»⁵⁹. Письмо датировано 20 февраля 1922 г., а 28 февраля было опубликовано постановление Главного политического управления о предании суду Верховного Революционного Трибунала 34 членов ЦК и других органов партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических отношениях с иностранными государствами, и 8 июня начался длившийся два месяца судебный процесс.

История процесса — это особый, достаточно обширный сюжет, который к Чернову имеет косвенное отношение, поскольку он находился за границей, а не на скамье подсудимых и непосредственно в процессе не участвовал, но и обойти его нельзя. Процесс затрагивал и эмигрировавших эсеровских вождей, в том числе, если не в первую очередь, В.М.Чернова, которые в обвинительном заключении были выделены в отдельную группу. Имя Чернова в материалах процесса фигурировало неоднократно. Характерно, что во время процесса от подсудимых настойчиво добивались, чтобы они дали показания против Чернова, видимо, потому, что он оставался одним из наиболее авторитетных руководителей и еще не утратил своего влияния.

Чернов, в частности, обвинялся в том, что вместе с Гоцем объявил осенью 1917 г., что в случае, если большевики воспрепятствуют созыву Учредительного собрания, они «вспомнят о своей старой, испытанной тактике», т.е. о тактике индивидуального террора. ЦК эсеров отклонил предложение официально отказаться от террористической тактики, и этот отказ был на процессе расценен как «позиция молчаливого санкционирования и официального отрицания»⁶⁰. Подсудимые защищали Чернова и Гоца, заявив, что те имели в виду не террористические акты, а восстание в защиту Учредительного собрания. Но это, так сказать, толкование, т.к. что именно имел в виду Чернов, сказать с уверенностью невозможно. Но складывается впечатление, что все равно он изменил к этому времени свое отношение к террору, и даже характеристика, данная ему в записке И.Вардина, опирается, видимо, главным образом на ранее укоренившееся представление о Чернове. Кстати, одна интересная деталь. В письме Валерии Брюсову 25 декабря 1918 г. В.М.Чернов, основываясь, вероятно, на том, что в свое время Каплан была связана с М.Спиридоновой, высказал

предположение, согласно которому покушение на В.И.Ленина — глупая работа левых социалистов-революционеров⁶¹.

От подсудимых на процессе требовали, чтобы они отмежевались от заграничной части партии, т.е. в первую очередь от возглавляемой Черновым Заграничной делегации, которая, как утверждали обвинители, стремится к вооруженному свержению советской власти. Организатором его был объявлен Административный центр так называемого Внепартийного объединения, созданный социалистами-революционерами в 1920 г. Эмигрантские эсеровские организации заявили, что центр не занимался подготовкой вооруженного свержения власти, а создан был лишь для информации и пропаганды. Однако истинное лицо центра стало ясно позже, в 1922 г., после раскола Заграничной делегации партии социалистов-революционеров. В меморандуме, в числе авторов которого был В.М.Чернов, повторялась большая часть обвинений в адрес центра, прозвучавшая на процессе 1922 г., и указывалось, что Административный центр создавался правыми социалистами-революционерами в эмиграции именно с целью вооруженного свержения советской власти, несмотря на то, что ЦК ПСР такая линия не поддерживалась, и пытался связаться с Россией без ведома партийных организаций⁶².

Вспомнили на процессе и протест Чернова против исключения из партии эсеров, поддерживавших конференцию членов Учредительного собрания. В обвинительном заключении участие эсеров в Парижской конференции квалифицировалось как возобновление коалиции с буржуазными партиями, которая была отвергнута IX Советом партии, а письмо Чернова с предложением пересмотреть решение об эсерах — членах созданного на ней Исполнительного комитета как защита коалиции. Обвинители требовали от подсудимых публичного осуждения Чернова. «Или вы одобряете действия Керенского, Авксентьева, Зензинова и Чернова — тогда мы судим отдел франко-чехословацкой контрразведки, — писала "Правда". — Или вы должны сказать: "Этот отдел — Чернов, Зензинов, наша заграничная организация, с которой мы рвем, но не мы"»⁶³. Настояния оказались бессмысленными. Подсудимый Гоц, отклоняя попытки разъединить российскую часть партии с ее представителями за границей, говорил: «Нет ни одной политической группировки, которая к вам приблизилась бы и не поплатилась бы за это своей политической смертью»⁶⁴.

Публично опровергнуть обвинения Заграничной делегации ПСР пытался и сам В.М.Чернов. Когда издававшаяся в Берлине на русском языке газета «Новый мир» повторила выдвинутые на процессе обвинения, он возбудил в суде дело по обвинению ее редактора Курта Керстена в клевете. Клеветой В.М.Чер-

нов объявил статьи, в которых лидеры эсеров обвинялись в покушениях на вождей большевистской партии и в получении денежных субсидий от немецкого генерального штаба, русских епископов и французской дипломатической миссии. Но попытка организовать таким образом своеобразный контрпроцесс, чтобы публично, перед независимым судом опровергнуть обвинения, выдвинутые на московском процессе, успехом не увенчалась, хотя Керстен и был оштрафован за оскорбления⁶⁵.

По мере ослабления, через многочисленные расколы, эсеровской эмиграции и распада, частью в результате репрессий, частью вследствие потери доверия членов партии, чему, в частности, способствовал процесс эсеровских организаций в России, падал и авторитет Чернова. Интересно, что падал его авторитет именно как политика, в то время как авторитет ученого, теоретика держался более прочно. Так, в 1925 г. в Праге вышла его работа «Конструктивный социализм» — наиболее значительная из того, что было им написано после эмиграции. Она действительно представляет интерес, в частности, центральная идея, что социализм проходит в своем развитии три фазы: утопический социализм, научный социализм и социализм конструктивный. До российских читателей эта книга не дошла. На нее было наложено «табу», как и вообще на эмигрантскую литературу противников советской власти. Тем более, что ее автор считал, что до «конструктивного социализма» Россия не доросла.

Виктор Михайлович, конечно, не случайно так стремился сохранить единство партии, понимая, что раскол на группы бесспорно вел к политической смерти партии и в эмиграции. Распалась и главная опора Чернова — Заграничная делегация ПСР. Одной из причин раскола было, в частности, отношение к Административному центру и Парижской конференции. Члены делегации не хотели признавать Чернова своим руководителем. В протоколе беседы Чернова с В.В.Сухомлиным и С.П.Постниковым зафиксировано, что они добились признания об отсутствии у него чрезвычайных полномочий, позволяющих выступать от имени партии и вести переговоры политического и финансового характера⁶⁶. Делегация раскололась, и ее меньшинство, к которому принадлежал и Чернов, опубликовало в 1929 г. меморандум об отношении к Административному центру.

Чернов не сдавался. В начале 1930 г. его оппонент по Заграничной делегации В.В.Сухомлин с горечью констатировал: «Нет ни революционной партии, ни воли к борьбе»⁶⁷. Тем не менее, Чернов в это время отправляется в лекционное турне по США и Канаде, где содействовал образованию группы эсеров, разделявшей его позиции. В своих лекциях он доказывал не-

избежность скорого падения советской власти. Однако лекции большим успехом не пользовались, и не потому, что Чернов был плохим лектором, оратор он был великолепный, а потому, что обстановка в мире менялась и выступления против Советского Союза стали уже не столь модны. Пытался он также доказать, что партия социалистов-революционеров действует, и в интервью газете «Новая Заря» в Сан-Франциско утверждал, что она пользуется влиянием на крестьянство. Однако каких-либо реальных за этим заявлением не было. НЭП был последним периодом хотя бы относительного идеологического плюрализма, когда еще существовали частные издательства, в том числе эсеровского направления, и т.д. Но после коллективизации практически уже ни о каких действиях и влиянии не могло быть и речи.

В 1933 г. эмиграция широко отметила 60-летие В.М.Чернова. На него откликнулась эмигрантская пресса, свои приветствия направили Чернову не только его бывшие соратники по партии, но и меньшевики, которые, кстати, в своих поздравлениях наряду с ролью в революционном движении признали и его теоретические заслуги. Кстати незадолго до своей смерти Ю.О.Мартов подарил ему книгу воспоминаний с подписью «Многолетнему другу-противнику»⁶⁸.

В середине 30-х гг. с нарастанием фашистской угрозы Чернов стал выступать за создание с участием коммунистов антифашистского народного фронта. А незадолго до начала Второй мировой войны предложил Исполкому Социалистического Интернационала проект резолюции, призывавшей содействовать сближению Англии, Франции и США с СССР с тем, чтобы предотвратить его сближение с Германией. В 1940 г. В.М.Чернов уехал в США, где перед окончательным уходом с политической арены в числе 14 русских социалистов подписал обращение «На пути к единой социалистической партии». В нем было сказано, что история сняла споры между различными русскими социалистическими течениями и поставила задачу создания единой социалистической партии.

Юбилейный комитет, который был создан, когда отмечалось 60-летие Виктора Михайловича, собрал средства для издания его работ по истории российских революций, однако свет увидела лишь одна — «Рождение революционной России. (Февральская революция)»⁶⁹, которая сразу же стала использоваться в качестве источника зарубежными историками, занимающимися историей России в первые десятилетия XX в., российских политических партий. Вторая книга — мемуары «Перед бурей», — вышла в Нью-Йорке только в 1953 г., через двадцать лет после первой и уже после смерти автора, окончившего свой жизненный путь в этом городе 15 апреля 1952 г.

Послесловие

Автор одной из немногочисленных статей о В.М.Чернове закончил свой очерк следующим выводом: «Как лидер влиятельной политической партии В.М.Чернов перестал существовать с момента эмиграции и в связи с полным распадом партии эсеров и в России, и за рубежом... Умер Чернов в 1952 г. в полном забвении, похоронен в Нью-Йорке»¹. Это мнение достаточно широко распространенное. Тем не менее, с ним вряд ли можно полностью согласиться. В какой-то степени можно признать справедливой часть вывода, касающуюся партии социалистов-революционеров. Да, она перестала существовать и в эмиграции, и В.М.Чернов остался генералом без армии. Но генералом он все же остался. Даже в СССР его не давали забыть многочисленные работы по истории Октября, истории КПСС, которая была обязательной дисциплиной во всех высших и средних учебных заведениях и т.д. В них весьма часто вспоминали бывшего лидера бывшей партии, чтобы покритиковать его теоретические выводы, обвинить в предательстве интересов трудящихся, объявить контрреволюционером... Этими обвинениями и обличениями, как правило, все и ограничивалось, но имя Чернова, тем не менее, со страниц не сходило.

В «Философском энциклопедическом словаре» не нашлось места для хотя бы краткой характеристики философских взглядов Чернова, и в работах они серьезно анализу не подвергались, хотя с Черновым спорил В.И.Ленин. Сейчас, когда многое в нашей истории пересматривается, иначе выглядит и роль личности в истории. Приходится констатировать, что наша история оказалась обезличенной, поскольку во главу исторического процесса ставился только экономический детерминизм и утверждалось, что надо писать историю идей, а не историю людей. Но ведь Чернов протестовал против чисто экономического подхода к истории и, вероятно, в чем-то был прав.

При непредвзятом и не ограниченном догматами взгляде не такой плохой представляется и разработанная В.М.Черновым аграрная программа, ведь именно она была принята близко к сердцу крестьянством, отвечала его представлениям о справедливости. В свое время это признали и противники ее автора. Да, Чернов как политический лидер потерпел поражение, и, тем не менее, он оставил заметный след в истории, который долгое время, образно выражаясь, старательно заметался. И в

наши дни при чтении его статей и выступлений напрашивается аналогия с последующими событиями и мысль: а ведь он, рассматривая перспективы российской революции, будущее правящей большевистской партии, в ряде вопросов оказался прав. Как, например, сейчас звучит данная им в одной из последних речей накануне эмиграции характеристика создаваемого государственного строя: «Какой-то партийный абсолютизм, какой-то своеобразный опекунский социализм, олигархически-чиновничий по строю управления, казарменный и военно-каторжный по методам — словом, аракчеевский коммунизм»².

Под влиянием новых подходов, изменения исторического мышления, расширения круга доступных источников наша история перестает быть двухцветной, черно-белой, какой подлинная история никогда и не была. Она постепенно обретает свои светотени и переходные тона, причем сказанное относится не только к событиям, но и к людям.

В новом освещении по-прежнему вырисовывается и фигура социолога и политического лидера, теоретика и публициста, министра Временного правительства и председателя Учредительного собрания. Конечно, Виктор Михайлович Чернов был порой непоследователен и нерешителен, не обладал способностью в кризисные моменты быстро принимать точные и целеустремленные решения, хотя сам считал, что это была одна из главных черт поведения Ленина, сделавшая его вождем. Но нерешительность у В.М.Чернова соединялась со стойкостью убеждений. Он искренне стремился как убежденный демократ к достижению социальной справедливости и народовластия. Это был умный, высокообразованный политик, хотя, может быть, и не того образца, который был нужен в бурной исторической действительности его времени, одна из наиболее значительных личностей среди российских социалистов. Таким, со всеми своими достоинствами и недостатками, и должен остаться в нашей истории Виктор Михайлович Чернов.

Примечания

1. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 175.

2. Милюков П.Н. (1859–1943) — видный историк, профессор, крупный политический деятель, один из организаторов и лидер партии кадетов, с 1907 г. — председатель ЦК партии и редактор ее центрального органа — газеты «Речь», депутат III и IV Государственных дум, входил в число основных оппонентов В.М.Чернова. Во время Февральской революции пытался спасти монархию. В первом составе Временного правительства занял пост министра иностранных дел. Его нота о продолжении войны и верности союзническим обязательствам вызвала возмущение масс, и 15 мая 1917 г. П.Н.Милюков ушел в отставку. После Октябрьской революции сотрудничал с рядом белых правительств. В 1920 г. эмигрировал, за границей выступил с предложением пересмотреть тактику партии, продолжал антисоветскую деятельность, написал ряд работ по истории Октябрьской революции. После начала второй мировой войны выступал против сотрудничества русских эмигрантов с фашистами, за поддержку Красной Армии. Мартов (Цедербаум) Ю.О. (1873 — 1923) — один из основателей РСДРП и наиболее влиятельных меньшевистских лидеров. После вступления России в первую мировую войну и свержения самодержавия возглавил левое крыло партии, меньшевик-интернационалистов, однако стремился не допустить раскола партии. После победы Октябрьского вооруженного восстания остался на II Всероссийском съезде Советов, когда его покинули меньшевики, выступал за создание правительства из представителей всех социалистических партий. Был членом ВЦИК, в 1919–1920 гг. — депутатом Моссовета. В 1920 г. эмигрировал, за границей издавал «Социалистический вестник». Умер в Берлине.

3. В своей основной философской работе «Материализм и эмпириокритицизм» В.И.Ленин ссылается на В.М.Чернова 16 раз.

4. Ллойд-Джордж Д. (1863–1945) — лидер либеральной партии Великобритании. В 1905–1915 гг. занимал посты министра торговли и министра финансов, в 1916–1922 гг. — премьер-министра. До конца жизни оставался влиятельным политическим деятелем.

5. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. М., 1996. С. 687. Ракитников Н.И. (1864–1938) — один из лидеров партии социалистов-революционеров. Революционную деятельность начинал в группе «Народной воли», в 90-х гг. был связан с Саратовской и другими организациями эсеров. Написал статью с критическим обзором народнических программ. В начале 900-х гг. за границей участвовал в деятельности Аграрно-социалистической Лиги. Вошел в Саратовскую организацию социалистов-революционеров. На всех съездах партии избирался членом ЦК, написал много статей по основным вопросам программы, тактики и организации партии. После первой российской революции эмигрировал. Во время войны занимал интернационалистские позиции. В 1915 г. вернулся в Россию, после Февраля 1917 г. — председатель президиума III съезда партии, товарищ министра земледелия, один из авторов представленного

эсерами Учредительному собранию законопроекта о земле. Октябрьскую революцию оценивал отрицательно, но был против вооруженной и террористической борьбы с большевиками. Один из организаторов группы «Народ», в 1919 г. вышел из ЦК и вскоре фактически вообще отошел от политической деятельности. В обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев был редактором ряда сборников по истории «Народной воли».

6. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М., 1923. С. 113. Майский И.М. (1884—1975) — политический деятель, дипломат, историк. За участие в студенческом движении в 1902 г. исключен из Петербургского университета и выслан в Омск. В 1903 г. вступил в РСДРП, меньшевик, принимал участие в профсоюзном движении, во время первой русской революции — член Саратовского совета рабочих депутатов, в 1906 г. арестован, выслан в Тобольск. Из ссылки бежал в 1908 г. в Германию, в 1912 г. после окончания Мюнхенского университета переехал в Англию. В мае 1917 г. вернулся в Россию, участник ряда профсоюзных съездов и конференций, избран членом ЦК меньшевиков. Октябрьскую революцию встретил отрицательно, в июле 1918 г. выехал в Казань, стал управляющим ведомством труда в правительстве Комуца. В 1919 г. порвал с меньшевиками, в 1921 г. вступил в РКП(б). В 1922—1945 гг. — на дипломатической работе, с 1946 г. — на научной, академик АН СССР с 1946 г.

7. «Народные социалисты» — члены Трудовой народно-социалистической партии, образованной в 1906 г. отделившейся от эсеров наиболее правой частью партии, главным образом бывшими либеральными народниками, группировавшимися вокруг журнала «Русское богатство». Была наиболее правой из демократических и наиболее левой из буржуазных партий. После Февральской революции ее представители входили в состав коалиционного Временного правительства. После Октября 1917 г. заняли антисоветскую позицию, участвовали в вооруженной борьбе против Советской власти. В 1918 г. прекратила свое существование. «Эсеры-максималисты» — официальное название Союз социалистов-революционеров максималистов. Был образован левой частью партии эсеров, тяготеющей к анархизму. Требовали немедленного осуществления программы максимум, главными средствами борьбы считали индивидуальный террор и экспроприации, имели свою боевую организацию. В 1909 г. подверглись полицейскому разгрому. После Октября поддержали советскую власть, но изменили свою позицию после заключения Брестского мира. В 1920 г. часть максималистов приняла решение о вхождении в РКП(б), другие перешли на открыто антисоветские позиции.

8. Получила название по своему центральному органу — газете «Народ». Группа находившихся в Уфе эсеров, в том числе ряд членов ЦК партии, выступившая после колчаковского переворота в ноябре 1918 г. за сотрудничество с советской властью и большевиками как единственной силой, способной противостоять реакции. Потребовала от ЦК занять более прямую и решительную позицию. ЦК эсеров, провозгласив временный отказ от вооруженной борьбы с советской властью, в то же время выступил против единого с большевиками антиколчаковского фронта, категорически отвергнув возможность объединения с большевиками в борьбе против реакции. Группа «Народ», вопреки решениям ЦК, вступила в переговоры с советской властью, завершившиеся соглашением между ними. Длительная дискуссия между ЦК эсеров, главным образом

В.М.Черновым, и лидерами группы закончилась тем, что члены ЦК, вошедшие в группу и не подчинившиеся постановлению о ее роспуске, были исключены из партии, другие ее приверженцы вышли из партии и образовали «Партию социалистов-революционеров (меньшинство)». Группа сближалась с советской властью, хотя ставила вопрос об опасности однопартийной диктатуры. Впоследствии часть членов группы вступила в РКП(б).

9. Азеф Е. Ф. (1869—1918) — являясь с 1893 г. сотрудником Департамента полиции, сблизился в Германии, где учился в Политехническом институте, с Союзом русских социалистов-революционеров. В 1899 г. вернулся в Россию, по рекомендации зарубежных эсеров вступил в контакт с руководством Союза социалистов-революционеров, оказал ему некоторые услуги и был принят в Союз. Содействовал объединению в 1901 г. «Северного союза социалистов-революционеров» с «Южной партией социалистов-революционеров», которое положило начало существованию партии эсеров. В 1903 — 1908 гг. возглавлял Боевую организацию партии. В 1904 г. входил в состав делегации эсеров на Амстердамском конгрессе II Интернационала и вместе с В.М.Черновым представлял партию на конференции оппозиционных и революционных партий России в Париже. Провел несколько удачных террористических актов — убийство министра внутренних дел В.К.Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и др., чем завоевал в партии огромный авторитет. Одновременно в 1901 г. выдал полиции съезд представителей эсеров в Харькове, типографию в Томске, в 1905 г. — почти весь состав (17 человек) Боевой организации, предотвратил покушение на Николая II, министра внутренних дел П.Н.Дурново, по его доносу в 1908 г. были казнены 7 членов Боевой организации. Сообщения о предательстве Азефа руководством партии были встречены с недоверием. После получения неопровержимых доказательств ЦК эсеров приговорил его к смертной казни, однако он успел скрыться и бежал в Германию, где с 1909 г. жил под фамилией А.Неймeyer. Во время первой мировой войны в 1915 г. был арестован как подданный враждебной державы и заключен в Берлине в тюрьму Моабит. В 1917 г. был освобожден и вскоре умер. Имя Е.Ф.Азефа стало нарицательным для обозначения провокационной деятельности.

10. Колчак А.В. (1873—1920) — адмирал. Временным правительством был послан в командировку в Великобританию и США. В октябре 1918 г. вернулся в Омск и был назначен военным министром в сформированном Уфимской Директорией, в которой главную роль играли эсеры, правительстве. 18 ноября 1918 г., опираясь на белогвардейское офицерство, казачий отряд и поддержку интервентов, совершил государственный переворот. Съезд членов Учредительного собрания был разогнан, члены Директории и правительства, не сумевшие скрыться, арестованы, некоторые высланы, некоторые расстреляны, а А.В.Колчак провозглашен Верховным правителем России. В январе 1920 г., потерпев поражение, сложил с себя и передал А.И.Деникину звание Верховного правителя, был арестован чехословаками, передавшими его Иркутскому Политцентру, поднявшему в городе антиколчаковское восстание. Иркутским ревкомом был расстрелян.

11. По приговору Исполнительного комитета «Народной воли» 1 марта 1881 г. в Санкт-Петербурге бомбой народовольца И.И.Гриневичского был убит император Александр II. «Народная воля» образовалась в 1879 г. из профессиональных революционеров, сторонников политичес-

кой борьбы с самодержавием. Народовольцы создали централизованную, хорошо законспирированную организацию. Народовольческие группы имелись примерно в 50 городах, в движении участвовало несколько тысяч человек. «Народная воля» вела революционную агитацию во всех слоях населения, готовила восстание, в котором главную роль отводила своей организации — революционному меньшинству, рассматривая политическую борьбу как заговор. По мере развития политической борьбы все большее значение как главное ее орудие приобретает террор. Было подготовлено 7 покушений на Александра II, на организацию террористических актов были брошены лучшие силы. В 1879—1883 гг. прошло более 70 процессов, по которым привлечено к суду более 2 тыс. человек.

12. Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр: В двух томах. Т. 2. Л., 1972. С. 219.

13. Натансон М.А. (1850 — 1919) — старейший представитель революционного народничества, один из основателей «Земли и воли». В течение 15 лет (1872—1887) находился в ссылке. С момента организации партии эсеров — член ее ЦК. После раскола партии в 1918 г. один из лидеров партии левых эсеров, представлял ее во ВЦИК. Тютчев Н.С. (1856—1924) — народник. С 1878 по 1890 г. находился в ссылке в Восточной Сибири. Вернувшись, принял активное участие в создании партии «Народное право». В 1894 г. вновь арестован и выслан на 8 лет в Минусинск. В 1904 г. вступил в партию эсеров. После Октября 1917 г. — сотрудник редакции журнала «Каторга и ссылка». Аптекман О.В. (1849—1926). В 1876 г. примкнул к ростовско-харьковскому кружку народников, вошедшему в «Землю и волю», после раскола которой стал одним из основателей «Черного передела». В 1880 г. сослан на 5 лет в Якутию. В 1893 — 1894 гг. участвовал в создании организации «Народное право». В 1906 г. эмигрировал, в 1917 г. вернулся в Россию, работал в Историко-революционном архиве. Анненский Н.Ф. (1843—1912) — публицист, экономист, общественный деятель. Окончил Петербургский и Киевский университеты, сотрудничал в «Отечественных записках», «Русском богатстве» и других изданиях, руководил статистическими работами в ряде губерний, в 1896—1900 гг. заведовал статистическим отделом Петербургской городской управы. Видный представитель либерального народничества, подвергался арестам, административной высылке в 1880 г., один из создателей и руководителей партии «Народных социалистов». Богданович А.И. (1860—1907) — русский публицист и критик, член народовольческого кружка. В 1883 г. выслан в Нижний Новгород, где сблизился с В.Г.Короленко. С 1887 г. — редактор газеты «Волжский вестник». В 1893 г. — в Петербурге один из организаторов партии «Народное право». Сотрудничал в журнале «Русское богатство». В конце 1890 г. отошел от народничества и примкнул к «легальным марксистам».

14. Михайловский Н.К. (1842—1904) — талантливый публицист, социолог, литературный критик. Один из главных теоретиков народничества. В конце XIX века пользовался большой популярностью в демократических и революционных кругах. В 1879 г. сблизился с «Народной волей», после покушения на Александра II редактировал ее письмо, в котором были изложены требования к Александру III. Выдвинул идею «субъективного метода в социологии», согласно которому отдельная личность объявлялась исходным пунктом исторического исследования и высшим мерилom общественного прогресса. После разгрома «Народной воли» выступил с теорией «героев и толпы». Эсеры считали идеи Михайловского основополагающими для своей партии. Короленко В.Г. (1853—

1921) — писатель, общественный деятель. Был близок к народникам. В 1874 г. в Петербургской земледельческой академии стал «лавристом» и собиравал пойти «в народ». С 1876 по 1885 г. неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1896 — 1900 г. входил в редакцию журнала «Русское богатство», с 1906 по 1918 г. с перерывами его редактор. Называл себя «беспартийным социалистом», пользовался огромным авторитетом, считался олицетворением совести и достоинства российской демократической литературы.

Глава I

1. По данным биографического словаря «Политические деятели России. 1917». (М., 1993. С. 347). В сборнике «Россия на рубеже веков: исторические портреты». (М., 1991. С. 297) местом рождения назван г. Новоузенск Самарской губернии, а дата рождения — 9 ноября 1873 г.

2. Толстовцы — последователи религиозно-философского учения Л.Н.Толстого. Предполагали преобразовать общество путем религиозно-морального совершенствования, проповедовали «всеобщую любовь», «непротивление злу насилием». Православной церковью были объявлены вредной сектой. Образованные в 1880-х гг. в некоторых губерниях поселения («культурные скиты») вскоре распались. Вели просветительскую деятельность, их издательство «Посредник» издавало массовыми тиражами книги для народа.

3. Лавров П.Л. (1823—1900) — теоретик революционного народничества 70-х годов, философ, публицист. За участие в революционном, в частности студенческом, движении был арестован и выслан в Вологодскую губернию, где написал свой знаменитый труд «Исторические письма». В 1870 г. бежал из ссылки и эмигрировал во Францию. Вступил в I Интернационал, участвовал в Парижской Коммуне. Установил связь с русскими революционными организациями «Черный передел» и «Народная воля». Участвовал в создании «Группы старых народовольцев», позднее вошедшей в партию эсеров. Одна из основных идей Лаврова — идея долга перед народом. Придерживался «субъективного метода в социологии», отбывшего личности главную, определяющую роль в истории. Оказал большое влияние на развитие революционного движения в России. Умер в Париже.

4. Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 3—43.

5. Сазонов А.В. (1862—1927) — один из основателей Южной партии социалистов-революционеров. Внебрачный сын помещика, окончил земледельческую школу, занимался статистикой. В 1886 г. арестован за участие в революционных кружках и сослан в Сибирь. После возвращения из ссылки жил в Саратове, один из организаторов революционного общества в Поволжье. В 1892 г. вновь арестован, в 1893 г. освобожден, поселился в Орле, где примкнул к партии «Народное право»; затем жил под надзором полиции в г. Воронеже, как активный участник революционных событий вновь арестован. В 1917 г. присоединился к правым эсерам. В 1920 г. эмигрировал в Китай.

6. Кант И. (1724—1804) — немецкий философ, ученый, родоначальник немецкой классической философии. В своих главных произведениях «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения» изложил учение о явлениях и вещах, как они существуют сами по себе — «вещи в себе», воздействующие на наши чувства. Однако «вещи в себе» непознаваемы, поскольку наши ощущения и суждения не могут дать теоретического познания их. Обращение

В.М.Чернова к Канту вызвано тем, что в конце XIX — начале XX в. широкое распространение в философии получило неокантианство, сторонники которого призывали вернуться к Канту, пытались решить основные философские проблемы современности, исходя из идеалистического толкования его учения.

7. Струве П.Б. (1870—1944) — политический деятель, экономист, философ. Окончил юридический факультет Петербургского университета, увлекся марксизмом, выпустил в 1894 г. книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», которая заканчивалась получившим широкую известность афоризмом: «Признаем же нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму» (указ. соч. С. 165). Главный представитель «легального марксизма», в 1901 г. эмигрировал за границу, издавал журнал «Освобождение». С 1905 г. — член ЦК партии кадетов, лидер ее правого крыла, депутат II Государственной думы. Октябрьскую революцию встретил враждебно. В 1918—1920 гг. — член «Особого совещания», выполнявшего функцию правительства при А.И.Деникине, член правительства П.Н.Врангеля. В конце гражданской войны эмигрировал, в эмиграции вел активную издательскую и исследовательскую работу.

8. ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2547.

9. Слетов С.Н. (Земляков, лит. псевдоним Нечетный) — один из организаторов и первых историков партии социалистов-революционеров. Сын чиновника, учился в Московском университете, первоначально был связан с социал-демократами. В 1891 г. арестован, ссылку отбывал в Уфимской губернии и в Тамбове, где принимал участие в создании и деятельности Крестьянского союза. Осенью 1901 г. выехал за границу, вошел в Аграрно-социалистическую Лигу. В 1903 г. кооптирован в состав ЦК эсеров. Выступал за усиление работы среди крестьян, децентрализацию террора. По доносу Азефа арестован в 1904 г. и освобожден по Манифесту 17 октября 1905 г. В 1907 г. выслан за границу. После революции 1905—1907 гг. — один из лидеров «ликвидаторов», издавал их орган — журнал «Почин». Во время первой мировой войны добровольцем вступил во французскую армию. Убит на франко-германском фронте. Одной из наиболее интересных работ является «К истории возникновения партии социалистов-революционеров». Пг., 1917.

10. Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 299.

11. Спиридович А.И. Революционное движение в России в период империализма. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886—1916 гг. Пг., 1918. С. 572—573.

12. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 685.

13. Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Берлин — Петербург — Москва, 1992. Кн. I. С. 326—327.

14. Спиридонова М.А. (1884—1941) — одна из наиболее ярких фигур среди эсеровских террористов, лидер партии левых эсеров. 16 января 1906 г. по постановлению Тамбовской организации эсеров смертельно ранила усмирителя крестьянских волнений, главу черносотенцев губернии, губернского советника Н.Г.Луженовского. После ареста подвергалась издевательствам и надругательству со стороны конвоировавших казаков. Случившееся получило широкий общественный резонанс и сделало имя Спиридоновой очень популярным. Военный суд приговорил ее к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую она отбывала в Нерчинской тюрьме. Во время первой мировой войны стояла на интернационалистских позициях, являлась одним из лидеров левой оппози-

ции, которая после Октябрьской революции выделилась в самостоятельную партию левых эсеров. Выступала против коалиции с буржуазией, за немедленное решение аграрного вопроса, за признание войны империалистической. Считала возможным и целесообразным сотрудничество с большевиками. После Октябрьской революции стала членом ВЦИК, председателем его крестьянской секции, поддержала образование правительственного блока с большевиками. Разошлась с ними по вопросу о Брестском мире, была одним из организаторов убийства германского посла Мирбаха в Москве 6 июля 1918 г. Приговорена к одному году тюремного заключения, но на следующий день после приговора амнистирована ВЦИК за прежние заслуги перед революцией. Вновь была арестована в феврале 1919 г. по обвинению в контрреволюционной агитации и клевете на советскую власть. Вскоре она была освобождена. В дальнейшем последовала цепь арестов и ссылок. В 1941 г. расстреляна в Орловской тюрьме.

15. Антонов А.С. (1888—1922) — член партии эсеров с 1906 г., в 1905—1907 гг. участвовал в эсеровских экспроприациях, 8 лет отбывал ссылку. После ссылки вернулся в Тамбовскую губернию и был назначен начальником милиции Кирсановского уезда. В августе 1920 г. возглавил крупное крестьянское восстание в Тамбовской губернии, названное по его имени «Антоновщиной».

16. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907 гг. М., 1996. С. 66. Ратаев Л.А. — руководитель политического сыска за границей, затем начальник особого отдела департамента полиции в Санкт-Петербурге.

17. Там же. С. 74.

18. Спиридович А.И. Революционное движение в России в период империализма. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886 — 1916. С. 85 — 86.

19. Там же. С. 88.

20. Там же. С. 85—86.

21. Черномордик С. Эсеры. Харьков, 1930. С. 10.

22. Гоц М.Р. (1866—1906), Гоц А.Р. (1882—1940) — братья, видные деятели партии социалистов-революционеров, входят в группу основателей партии, члены ее ЦК. Оба в своей деятельности были тесно связаны с В.М.Черновым. М.Р.Гоц — народоволец с середины 80-х годов, организовал подпольную народническую типографию. В 1886 г. арестован и в 1888 г. выслан в Восточную Сибирь, где в 1889 г. за участие в вооруженном сопротивлении властям приговорен к бессрочной каторге. Амнистирован в 1895. В 1901 г. эмигрировал во Францию. Один из инициаторов создания и руководителей эсеровского журнала «Вестник Русской Революции» и газеты «Революционная Россия». А.Р.Гоц в революционном движении с 1896 г., примыкал к Северному союзу социалистов-революционеров. С 1906 г. — член Боевой организации партии эсеров, в тероре видел «высшую форму революционной борьбы». В 1907 г. арестован, приговорен к 8 годам каторги. Входил в группу «сибирских циммервальдцев». В мае 1917 г. вернулся в Петроград, стал лидером эсеровской фракции Петроградского Совета, членом президиума ВЦИК I созыва, депутатом Учредительного собрания. Октябрьскую революцию встретил враждебно, организовал выступление юнкеров против «большевистской авантюры», был против образования социалистического правительства во главе с В.М.Черновым, предпочитая правительство под руководством Н.Д.Авксентьева. Участвовал в боевой работе партии. В 1920 г. аресто-

ван, в 1922 г. по процессу правых эсеров приговорен к смертной казни, замененной 5 годами заключения, в 1939 г. Военной комиссией Верховного Суда СССР приговорен к 25 годам, умер в заключении.

23. Плеханов Г.В. (1856—1918) — с 1876 г. — член народнического кружка, избегая ареста перешел на нелегальное положение, стал профессиональным революционером. С 1877 г. — член «Земли и воли», после ее раскола возглавил организацию «Черный передел». В 1880 г. эмигрировал в Швейцарию, в 1883 г. возглавил марксистскую группу «Освобождение труда». Выступал с критикой народничества с позиций марксизма в работах «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о монистическом взгляде на историю» и др. Написал и издал более 140 работ. Организовал «Союз русских социал-демократов за границей» и «Заграничную лигу русских социал-демократов». После раскола РСДРП старался примирить обе фракции. Выступал за участие в Думе, блок с кадетами. После начала первой мировой войны занял оборонческую позицию. После Февральской революции вернулся в Россию, выступал за продолжение войны, за добровольное сотрудничество рабочего класса и буржуазии. Октябрьскую революцию оценил резко отрицательно, считая социалистическую революцию преждевременной, обрекающей страну на экономическую разруху, однако отверг предложение Б.В.Савинкова возглавить антибольшевистское правительство. Умер после тяжелой болезни.

24. Троцкий Л.Д. (Бронштейн) (1879—1940) — в 1896 г. участвовал в работе Южно-русского рабочего союза, в 1898 г. арестован, в 1902 г. эмигрировал, в эмиграции часто выступал с рефератами для русских эмигрантов и студентов. Был связан с Г.В.Плехановым и В.И.Лениным как один из активнейших пропагандистов марксизма и критиков народничества. В 1907 г. возглавил группу центра, пытался во II Интернационале примирить фракции большевиков и меньшевиков. В марте 1917 г. вернулся в Россию, образовал межрайонный комитет РСДРП, на VI съезде партии «межрайонцы» были приняты в РКП(б). Занимал высокие руководящие посты в РКП(б) и Советском правительстве. Вступил в конфликт со Сталиным, был исключен из партии и в 1927 г. выслан из СССР. Убит в Мексике испанцем Р.Меркадером по заданию НКВД.

25. Россия на рубеже веков: исторические портреты. С. 302—303. Литвинов М.М. (Валлах М.) (1876—1951) — видный государственный деятель, выдающийся дипломат. В революционное движение вступил в 1898 г., в 1901 г. арестован как член Киевского комитета РСДРП, совершил побег из тюрьмы и эмигрировал в Швейцарию. В русской революционной эмиграции занимал видное место, был агентом «Искры», членом Заграничной лиги русских революционных социал-демократов, в 1907 г. — секретарь делегации РСДРП на Штутгартском конгрессе II Интернационала, большевик с 1903 г., секретарь Лондонской группы большевиков, представлял большевиков в Международном социалистическом бюро. В 1918 г. в Лондоне арестован и освобожден в обмен на освобождение арестованного в России Локкарта. После возвращения в Россию — на дипломатической работе, член коллегии Народного комиссариата иностранных дел, зам. наркома иностранных дел, в 1930—1939 гг. — нарком, в 1941—1943 гг. — зам. наркома и одновременно посол в США.

26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 40.

27. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907 гг. М., 1996. С. 141.

28. Блок А. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 2. М., 1980. С. 270. Более полно характеристика звучит так:

«Век расшибанья лбов о стену,
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных снов.
Век акций, рент и облигаций
И малодейственных умов».

29. Революционная Россия. 1902. № 8. С. 11—12.
30. Русское богатство. 1900. № 4. С. 156.
31. Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. Пг., 1918. С. 103.
32. Спирина М.В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987. С. 38.
33. Трудовое крестьянство и его задачи. М., 1918. С. 8.
34. Корень Б. Сущность учения социалистов-революционеров. Пг., 1917. С. 13.
35. Программа и организационный устав партии социалистов-революционеров. Б/м., 1906. С. 20.
36. Чернов В.М. Основные вопросы пролетарского движения. С. 10.
37. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.
38. Русское богатство. 1900. № 5. С. 47.
39. Чернов В.М. Земля и право. Пг., 1919. С. 226.
40. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907. С. 124.
41. Чернов В.М. К обоснованию программы социалистов-революционеров. Пг., 1918. С. 55.
42. Трудовое крестьянство и его задачи. С. 17.
43. Россия на рубеже веков: исторические портреты. С. 304.
44. Там же. С. 312.
45. Материалы к предстоящему III партийному съезду. М., 1917. С. 1—14.

Глава II

1. Революционная Россия. 1902. № 7—8. С. 2—5.
2. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907 гг. С. 76. Гершуни Г.А. (1870—1908) — один из основателей и лидеров партии эсеров, член ЦК, организатор и руководитель Боевой организации. Талантливый конспиратор, пользовавшийся в партии большим влиянием и авторитетом. Он организовал несколько крупных террористических актов, в частности, убийство министра внутренних дел Д.С.Сипягина и уфимского губернатора И.М.Богдановича. В мае 1903 г. был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Осенью 1905 г. был переведен в Акатуйскую каторжную тюрьму, откуда бежал за границу. В 1907 г. участвовал в Таммерфорской конференции партии социалистов-революционеров, на которой выступал за блок с партией либеральной буржуазии — кадетами. Умер и похоронен в Париже.
3. Цит. по: Мещеряков В. Партия социалистов-революционеров. Ч. II. М., 1918. С. 49.
4. См.: Заключение следственной комиссии по делу Азефа. Б./м., 1911. С. 11.
5. Минувшее. Исторический альманах. Вып. 18. СПб., 1995. С. 201.

6. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907. С. 11.

7. Савинков Б. Воспоминания террориста. Харьков, 6./г. С. 73. Савинков Б.В. (лит. псевдоним В.Ропшин) (1879 — 1925). В революционном движении с 1897 г. В 1901 г. был арестован по делу социал-демократической группы «Рабочее знамя» и выслан в Вологду, откуда в 1903 г. бежал за границу. Вступил в Женеве в партию эсеров и вошел в ее Боевую организацию. После ряда успешных террористических актов стал заместителем руководителя, а после разоблачения Азефа — ее руководителем. В 1906 г. был арестован, приговорен к смертной казни, совершил побег в Румынию. В 1911 г. приехал во Францию. После начала I мировой войны добровольно вступил во французскую армию. После Февральской революции вернулся в Россию. Был назначен комиссаром Временного правительства Юго-Западного фронта, затем управляющим Военным министерством. 9 октября 1917 г. за участие в Корниловском мятеже был исключен из партии эсеров. Октябрьскую революцию встретил враждебно. Участвовал в походе Керенского — Краснова на Петроград, в формировании белой Добровольческой армии, возглавлял заговорщическую антисоветскую организацию, занимался за границей формированием отрядов, совершавших отсюда рейды на советскую территорию. В 1924 г. нелегально приехал в СССР, был арестован, приговорен к расстрелу, замененному 10 годами тюрьмы. В 1925 г. в здании ЧК покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна. Существуют и другие версии его смерти — несчастный случай, был выброшен чекистами. Судя по письмам Савинкова из тюрьмы, первая версия психологически наиболее вероятна.

8. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907. С. 268.

9. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. С. 188—189. В 321 г. до н.э. после поражения в битве при этом ущелье в Центральной Италии победители самниты заставили римское войско пройти под «ярмом» из воткнутых в землю скрещенных копий. С тех пор Кавдинское ущелье символизирует тяжелое унижение.

10. Провокатор. М., 1929. С. 98.

11. Пешехонов А.В. (1867—1933) — публицист, общественный деятель, Мякотин В.А. (1867—1937) — историк, публицист — деятели либерально-буржуазного движения, входившие в группу, сложившуюся вокруг журнала либеральных народников «Русское богатство». А.В. Пешехонов сотрудничал также в «Революционной России». В 1906 г. выступили организаторами партии «народных социалистов», ядром которой стала отколовшаяся от эсеров группа «Русского богатства». Лидером новой партии стал А.В. Пешехонов. После Февральской революции он был членом Исполкома Петроградского Совета, членом Главного Земельного Комитета, с мая по август 1917 г. — министром продовольствия. После Октябрьской революции вместе с Мякотиним вошел в контрреволюционный «Союз возрождения России» и являлся представителем «Союза» в белогвардейской Добровольческой армии. Мякотин в 1918 г. эмигрировал. Пешехонов за контрреволюционную деятельность в 1922 г. был выслан за границу. Обращался с просьбой о возвращении. С 1927 г. работал консультантом торгового представительства СССР в Прибалтике. Умер в Риге, похоронен в Ленинграде.

12. В первой половине 1907 г. были арестованы 18 человек, которых судили по обвинению в подготовке покушения на Николая II, великого князя Николая Николаевича и председателя Совета Министров П.А. Сто-

лыпина (1862—1911). Не удалось и покушение на него эсеров-максималистов. П.А.Столыпин был убит при третьем покушении в Киеве Д.Г.Богровым. Во многих случаях констатируется, что он убит эсером. Богров, действительно, некоторое время был связан с партией эсеров, но при допросах признал себя анархистом. ЦК эсеров опроверг появившиеся в русских газетах в связи с убийством сообщения о причастности к нему партии социалистов-революционеров, опубликовав в «Знамени труда» № 38 заявление, что ни он, ни местные организации в этом деле не принимали участия. В обстоятельствах покушения есть немало оснований, свидетельствующих, что убийство было спровоцировано охранкой. П.А.Столыпин — одна из наиболее крупных политических фигур царской России. Но он сделал свое дело, и к моменту убийства был неудобен, мешал царскому двору, при котором все большее влияние приобрел небезызвестный Григорий Распутин.

13. Плеве В.К. (1846—1904) — государственный деятель. В 1902—1904 гг. министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов. Проводил крайне реакционную внутреннюю политику, насаждал антисемитизм, организовывал еврейские погромы, способствовал развязыванию русско-японской войны. Своей политикой вызвал всеобщую ненависть. Убит Е.С.Саоновым (1879—1910), сыном крестьянина, членом Боевой организации эсеров. После покушения, раненый, он был арестован, приговорен к бессрочной каторге, отбывал наказание на Черчинской каторге. В знак протеста против телесного наказания покончил с собой, приняв яд.

14. Сергей Александрович Романов (1857—1905) — дядя Николая II, в 1891—1905 гг. московский генерал-губернатор, командующий войсками Московского военного округа. Оказывал большое влияние на царя. Крайний реакционер, религиозный фанатик. Его пребывание на посту генерал-губернатора ознаменовано кровавой Ходынской катастрофой во время коронации Николая II (1896 г. — погибли 1389 человек, получили увечья 1300), массовыми арестами, гонениями на прогрессивную печать, антисемитизмом. Убит И.П.Каляевым (1877—1905). Член партии эсеров с 1903 г. (до этого член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса») и ее Боевой организации. И.П.Каляев по кличке «Поэт» (он действительно писал стихи) — одна из самых ярких фигур революционного движения. Его обличительная речь в суде 5 апреля 1905 г. прозвучала на всю Россию. Приговорен к смертной казни и повешен 10 мая 1905 г. в Шлиссельбургской крепости.

15. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907. С. 62—63. Аргунов А.А. (1866—1939) — один из организаторов и лидеров партии эсеров, в 1901 г. принял в партию Е.Ф.Азефа. С 1905 г. член ЦК, занимался организационными вопросами, был казначеем партии. Вышел из состава ЦК вместе с В.М.Черновым после разоблачения Е.Ф.Азефа. После февраля 1917 г. один из лидеров правого крыла эсеров. К установлению советской власти отнесся отрицательно. Участник Уфимского государственного совещания, после провозглашения Колчака Верховным правителем выслан им за границу.

16. Письма Азефа. М., 1994. С. 107—108.

17. Провокатор. Правда о революционном терроре в России. С. 65—66.

18. Там же. С. 92.

19. Летом 1905 г. ЦК эсеров получил письмо, в котором говорилось, что в партии действует провокатор Т. Подозрение пало на Татарова, члена партии с высоким реноме, одного из основателей группы «Рабочее знамя», в которую вначале входил и Б.В.Савинков. В 1901 г. Татаров

был кооптирован в состав ЦК. Партийное расследование подтвердило предательство Татарова. В марте 1907 г. он был убит террористом Некрасовым. ЦК считал, что все заявления о провокаторстве связаны с Татаровым, и дело Татарова на какое-то время заслонило фигуру Азефа.

20 Минор О С (1861—1934) — учился в Ярославском юридическом лицее, член группы «Народная воля», арестован в 1886 г., выслан в Якутск. За участие в вооруженном конфликте ссыльных с властями приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. С 1902 г. — эсер, один из разработчиков программы партии, участник I—IV партийных съездов. В январе 1908 г. арестован по доносу Азефа и приговорен к 8 годам каторги. После Февральской революции приехал в Москву, стал лидером московских эсеров, председателем Московской городской думы. Октябрьскую революцию встретил враждебно, в сентябре 1918 г. выехал в Уфу, избежал ареста во время переворота Колчака, эмигрировал во Францию. В 1921 г. вместе с группой правых эсеров подписал манифест с призывом к новой интервенции против Советской России.

21 Тютчев И С (1856—1924) — дворянин, с 1876 г. член «Земли и воли». В 1878 г. арестован и выслан в Восточную Сибирь, вернулся из ссылки в 1891 г., участвовал в создании партии «Народное право», вновь арестован в 1894 г. В 1904 г. — вступил в партию эсеров, член Боевой организации. В 1908—1914 гг. находился в эмиграции. С 1918 г. работал в Историко-революционном архиве, сотрудничал в журнале «Каторга и ссылка».

22 Савинков Б В. Воспоминания террориста. С. 346.

23 Бурцев В Л (1862—1942) — в революционном движении с 80-х годов. После ареста бежал за границу, где главным образом занимался сбором и публикацией документов о русском революционном движении. Издавал газеты «Свободная Россия», «Будущее», журнал «Былое». Известен разоблачением секретных дел Департамента полиции, ряда провокаторов. Перед первой российской революцией был близок к эсерам, после нее — к кадетам. Во время первой мировой войны ярый шовинист. Вернулся в Россию в 1915 г. После Октябрьской революции эмигрировал.

24 Бакай М Е — чиновник для особых поручений Варшавского охранного отделения. Передал В Л Бурцеву для публикации в журнале «Былое» несколько секретных документов, свидетельствовавших, что целый ряд арестов, провалов террористических актов, разгромов типографий связаны с провокаторской деятельностью агента Раскина. Это была фамилия, присвоенная Департаментом полиции Азефу.

25 Провокатор. Правда о революционном терроре в России. С. 202.

26 Там же. С. 203.

27 Там же. С. 241.

28 Лопатин Г А (1845—1918) — революционер-народник. Первый раз арестован в 1868 г. Из ссылки бежал. В 1870 г. организовал побег из ссылки П Л Лаврова и вслед за ним уехал за границу. Вступил в дружеские отношения с Марксом и Энгельсом и был введен в члены Генерального Совета I Интернационала. Первый переводчик на русский язык «Капитала». Зимой 1870 г. выехал в Сибирь, чтобы попытаться освободить из ссылки Н Г Чернышевского. Был арестован и снова совершил побег. Еще несколько раз арестовывался и бежал. В 1884 г. пытался возродить разгромленную «Народную волю», однако был арестован и в 1887 г. приговорен к смертной казни, замененной заточением в Шлиссельбургской крепости. Освобожден по амнистии в 1905 г. Отошел от поли-

тической деятельности, но сохранил в революционных кругах большой авторитет, почему эсеры во время суда над Азефом избрали его одним из судей.

29. Фигнер В.Н. (1852—1942) — видная деятельница российского революционного движения, народница, писательница. В 1872 — 1875 гг. училась в Цюрихском университете. В 1875 г. вернулась в Россию и с 1876 г. связана с «Землей и Волей», после раскола которой стала членом Исполнительного комитета «Народной воли». Принимала участие в подготовке покушений на Александра II. В 1882 г., оставшись единственным членом Исполкома, пыталась восстановить разгромленную «Народную волю». В 1883 г. арестована, приговорена к смертной казни, замененной каторгой. 20 лет отбывала заключение в самой страшной из царских тюрем — Шлиссельбургской крепости. В 1906 г. выехала за границу. В 1907—1909 гг. входила в партию эсеров. Благодаря героизму, принципиальности, честности в революционных кругах пользовалась громадным авторитетом. В 1915 г. вернулась в Россию, занималась литературным трудом. Главное произведение «Запечатленный труд» вышло в 1921—1922 гг.

30. Кропоткин П.А. (1842—1921) — князь, теоретик анархизма, ученый-географ. В 1872 г. за границей примкнул к бакунинскому крылу I Интернационала. Вернувшись в Россию, участвовал как анархист в народническом движении. В 1874 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость, откуда совершил смелый побег и эмигрировал за границу. Прожил в эмиграции 40 лет, также подвергаясь преследованиям властей. В 1900 — 1909 гг. входил в заграничные организации русских анархистов. К партии эсеров не примыкал, но среди всей революционной эмиграции пользовался большим личным авторитетом, в связи с чем и был приглашен в качестве члена суда. В Россию вернулся в 1917 г. В 1921 г. в связи со смертью Кропоткина арестованные ВЧК анархисты, под честное слово, выпускались из тюрем для участия в его похоронах. Честное слово анархисты сдержали.

31. Рубанович И.А. (1859—1922) — видный деятель партии эсеров. Начиная революционную деятельность как народоволец, в 1882 г. эмигрировал, за границей стал членом «Аграрно-социалистической Лиги» и секретарем «Группы старых народовольцев», с которой в 1902 г. вступил в партию социалистов-революционеров. С 1904 г. до своей смерти — ее бессменный представитель в Международном социалистическом бюро. В ряде случаев представлял в нем также и социал-демократов.

32. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. С. 15.

33. Провокатор. Правда о революционном терроре в России. С. 262.

34. Там же. С. 269.

35. А.А.Лопухин писал председателю Совета Министров, что 11 сентября 1908 г. Азеф явился к нему на квартиру и заявил, что «в партию социалистов-революционеров, членом которой он состоит, проникли сведения об его деятельности в качестве агента полиции, что над ним происходит потому суд членов партии, что этот суд имеет намерение обратиться ко мне за разъяснениями по этому поводу и что вследствие этого его, Азефа, жизнь находится в зависимости от меня». В тот же день, сообщалось в письме, к нему пришел начальник охранного отделения Герасимов и от имени Азефа просил сказать ему, как поступило я, если члены товарищеского суда обратятся за разъяснениями, и предупредил, что ему «все, что будет происходить в означенном суде, имена всех опрошенных судом лиц и их объяснения будут хорошо известны». В заключение Ло-

пухин просил Столыпина оградить его «от нарушающих мой покой, а может быть, и угрожающих моей безопасности действий агентов политического сыска» (Гусев К.В. Рыцари террора. М., 1992. С. 45).

36. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. С. 305.

37. Там же. С. 333—334.

38. Савинков Б.В. Последние письма и статьи. М., 1926. С. 38—39.

39. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. С. 348.

40. Там же. С. 352; С.П.Дегаев в 1882 г. стал членом Исполнительного комитета «Народной воли» и в том же году был завербован секретной полицией, которой выдал большую группу народолюбцев. Признан в предательстве и был народолюбцами приговорен к изгнанию. Уехал в Америку, где и умер в 1920 г.

41. Там же. С. 352—353.

42. Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, б.г. С. 152.

43. Там же. С. 355—356.

44. Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охраны. С. 88—89.

45. Там же. С. 89—91.

46. См.: Минувшее. Исторический альманах. Вып. 18. С. 231.

47. Там же. С. 258.

48. Чернов В.М. Савинков в рядах ПСР. Воля России. Прага. 1924. № 14/15. С. 159. Карпович П.В. (1874—1917) — за участие в студенческих беспорядках в 1899 г. исключен из Юрьевского университета. Уехал за границу, где поступил в Берлинский университет. Вернулся в Россию, в 1901 г. смертельно ранил министра просвещения Н.П.Боголепова, издавшего приказ об отдаче в солдаты «непокорных» студентов. Осужден на 20 лет каторги. В 1907 г. выпущен на поселение, бежал за границу, где вошел в Боевую организацию и стал одним из помощников Азефа, после его разоблачения отошел от партии. Погиб в 1917 г. при возвращении в Россию: на пароходе, потопленном немецкой подводной лодкой.

49. См.: Дуначарский А.В. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922. С. 12; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 137.

Глава III

1. Революционная Россия. 1905. № 61. С. 1.

2. Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» был издан Николаем II под давлением революционного народа во время Всероссийской Октябрьской политической стачки. В нем было обещано неизбежное соблюдение основ гражданских свобод — совести, собраний, союзов, признания Думы законодательным органом. 21 октября была объявлена политическая амнистия. После подавления революции большинство обещаний царским правительством были отброшены.

3. Россия на рубеже веков: исторические портреты. С. 313.

4. Там же. С. 314.

5. Там же. С. 301.

6. Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906. С. 243.

7. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907 гг. С. 184.

8. Там же. С. 193.

9. Там же. С. 185, 186.

10. Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. С. 248.
11. Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С. 237.
12. Там же. С. 258.
13. Материалы к крестьянскому вопросу. Отчет о заседаниях Делегатского съезда Всероссийского Крестьянского союза 6—10 ноября 1905. М., 1905. С. 81.
14. Спиридович А.И. Революционное движение в России в период империализма. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. С. 178.
15. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 686. Вишняк М.В. (1883—1976) — юрист, публицист, политический деятель. Окончил юридический факультет Московского университета, сотрудничал в ряде изданий, в т.ч. в журнале «Русское богатство», в 1905 г. вступил в партию эсеров и вошел в состав Московского комитета партии. В революцию 1905—1907 гг. — член редакции газеты «Известия», органа Московского Совета рабочих депутатов. В 1906 г. арестован, бежал, эмигрировал в Германию, вернулся нелегально в Россию в 1907 г., вновь арестован и освобожден под залог. В годы первой мировой войны — доброволец. После Февральской революции на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов избран членом Исполнительного Комитета, участник III и IV съездов социалистов-революционеров, редактор центрального органа партии, газеты «Дело народа». Участник Московского государственного и Демократического совещаний, вошел в состав Временного Совета Российской Республики (Предпарламента). Избран членом Учредительного собрания и его секретарем. Оставил интересные воспоминания об Учредительном собрании. Участвовал в VIII съезде партии. В 1919 г. эмигрировал во Францию, где в 1919—1940 гг. участвовал в деятельности партии социалистов-революционеров, был одним из издателей и редакторов ее журнала «Современные записки». В 1940 г. выехал в США, сотрудничал в журнале Нью-Йоркской группы эсеров «За свободу». В 1952 г. вместе с Черновым подписал обращение 14 русских социалистов «На пути к созданию единой социалистической партии».
16. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. С. 279.
17. Там же. С. 306, 311.
18. Там же. С. 347.
19. Там же. С. 367.
20. Россия на рубеже веков: исторические портреты. С. 318.
21. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907 гг. С. 417.
22. Там же. С. 429.
23. Сознательная Россия. Вып. 3. 1906. С. 24—25.
24. Там же. С. 6.
25. Россия на рубеже веков: исторические портреты. С. 323.
26. Там же. С. 322.
27. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907 гг. С. 239.
28. Там же. С. 463.
29. Протоколы первой общепартийной конференции партии социалистов-революционеров. Август 1908 г. Париж, 1908. С. 91—93, 154—155.
30. Пропагандист. 1939. № 16. С. 11.

31. Протоколы первой общепартийной конференции партии социалистов-революционеров. Август 1908. С. 56.

32. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 687.

33. Россия на рубеже веков: исторические портреты. С. 327.

34. Луначарский А.В. Бывшие люди. С. 18; Зензинов В.М. (1880 — 1953) — лидер крайне правого крыла эсеров. С 1905 г. член Московского комитета партии, с 1906 г. — Боевой организации, с 1909 г. — ЦК. Во время первой мировой войны — оборонец. В 1917 г. член Исполнительного Комитета Петроградского Совета, сторонник коалиции с буржуазией, редактор органа правых эсеров, газеты «Дело народа». После Октябрьской революции вел активную борьбу против советской власти. Вместе с Н.Д.Авксентьевым входил в Уфимскую Директорию. После Колчаковского переворота арестован и выслан во Владивосток. В 1920 г. эмигрировал за границу. В эмигрантских кругах также находился на правом фланге.

35. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 9—11.

36. Керенский А.Ф. (1881—1970) — политический деятель, адвокат по профессии. Был депутатом Государственной думы, в которой возглавлял близкую к эсерам фракцию «трудовиков». В годы первой мировой войны занимал оборонческую позицию. После Февральской революции стал зам. председателя Петроградского Совета. В первом составе Временного правительства был министром юстиции. В марте 1917 г. вступил в партию эсеров. Сторонник коалиции с кадетами, во втором, коалиционном Временном правительстве занимал пост военного и морского министра. С июля 1917 г. — министр-председатель (премьер) и одновременно военный и морской министр, а с сентября и Верховный главнокомандующий. Незаурядный оратор с бонапартистскими замашками, всеми силами защищал коалицию с буржуазией. Установил общий фронт с претендентом в диктаторы Л.Г.Корниловым, но затем, испуганный возможностью потерять власть, отказался от поддержки Корниловского заговора. После победы Октябрьского вооруженного восстания бежал из Петрограда и поднял антисоветский мятеж, после разгрома которого скрылся на Дон и в 1918 г. эмигрировал во Францию. С 1940 г. жил в США.

37. Имеется в виду возглавляемая Г.В.Плехановым группа «Единство». Образовалась в 1914 г., оформилась организационно в 1917 г. Название получила от издававшейся ею газеты «Единство». Отрицала возможность победы социалистической революции в России, выступала за продолжение первой мировой войны до «победного конца», поддерживала политику Временного правительства. Октябрь встретила враждебно. В 1918 г. распалась.

38. Авксентьев Н.Д. (1878—1943) — лидер правого крыла эсеров. Защищал легальность и отказ от террора. Во время первой мировой войны крайний социал-шовинист. В 1917 г. — член Исполкома Петроградского Совета, председатель Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел в правительстве А.Ф.Керенского. После Октябрьской революции — один из организаторов выступления юнкеров в Петрограде. В 1918 г. — председатель Уфимской Директории, расчистившей дорогу Колчаку. Во время установления власти Колчака был арестован и выслан, в конце 1918 г. эмигрировал. В Париже возглавлял русскую эмигрантскую мasonicкую ложу «Северная звезда».

39. Рамков (Кац) Б.Д. (1855—1938) — один из лидеров левого крыла эсеров, а затем партии левых социалистов-революционеров. Участвовал в революционном движении на юге России, в 1904 г. арестован как

член Боевой организации и выслан в Туруханский край, бежал за границу, где установил связь с Черновым и Натансоном; окончил Гейдельбергский университет. Во время первой мировой войны — интернационалист, участник Циммервальдской конференции, один из учредителей «Комитета помощи русским военнопленным», который вел работу более чем в 100 лагерях. Вернулся в Россию после Февральской революции. Позицию ЦК эсеров квалифицировал как «социал-патриотическую с интернационалистским антуражем», требовал сделать шаги в сторону «ликвидации войны», был против вступления эсеров в коалиционное правительство. На съезде партии отверг тезис, что после революции война перестала быть империалистической. К осени 1917 г. занял ведущее положение в столичной организации и Северном областном комитете эсеров. После Октября добивался образования коалиционного советского правительства из всех социалистических партий, на II Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК, вошел в «Комиссию по контактам с большевиками». Первоначально поддержал переговоры о мире, затем изменил позицию, стал инициатором разрыва правительственного блока с большевиками, призывал к борьбе за «восстановление погранных завоеваний революции». После антибольшевистского выступления левых эсеров 6 июля скрылся, заочно был осужден на 3 года. В 1920 г. в Москве арестован, в 1923 г. сослан в Челябинск, с 1933 г. в ссылке в Архангельске, в 1937 г. арестован по делу мнимого «правотроцкистского блока», в 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда расстрелян. Реабилитирован в 1991 г.

40. Спирина М.В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. С. 64.

Глава IV

1. Суханов Н. (Гиммер Н.Н.) (1882—1940) — участник революционного движения, экономист, публицист, автор «Записок о революции» (в 7 т. Берлин — Петроград — Москва, 1921, 1922, 1923). С 1903 г. — эсер, с 1917 г. — меньшевик. Сотрудничал в журналах «Русское богатство», «Современник». В своих статьях пытался соединить народничество с марксизмом. В первую мировую войну занимал интернационалистские позиции. После Октября работал в советских экономических учреждениях. Осужден в 1931 г. по сфальсифицированному процессу Союзного бюро меньшевиков.

2. Протопопов А.Д. (1866—1918) — землевладелец и фабрикант, последний министр внутренних дел царского правительства. Окончил кадетский корпус, был слушателем Академии Генштаба. В 1890 г. ушел в отставку. В Симбирской губернии избирался земским гласным, уездным предводителем дворянства, член императорского Географического общества, председатель Союза суконных фабрикантов. Октябрист, депутат III и IV Государственных дум. Входил в буржуазно-помещичью оппозицию, но порвал с ней и стал сторонником правительства. В сентябре 1916 г. по протекции императрицы и Распутина назначен министром внутренних дел. Своей политикой вызвал недовольство общества, Дума и премьер-министр настаивали на его отставке, однако Николай II ходатайство не удовлетворил. Первое сообщение о «беспорядках в столице» передал в ставку, где находился царь, лишь 24—25 февраля, сообщив, что успешно справляется с ними. В ночь с 25 на 26 февраля проголосовал за роспуск Думы. Министры решили вывести его из состава правительства, как препятствующего соглашению с Думой, но не решились

этого сделать. 28 февраля он явился в Таврический дворец, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Летом 1918 г. отправлен в Москву, в Таганскую тюрьму и расстрелян по постановлению ВЧК.

3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 156.

4. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Т. 1. С. 84; Церетели И.Г. (1881—1959) — политический деятель, один из лидеров меньшевиков. Сын грузинского дворянина. Гимназистом познакомился с народническими и марксистскими идеями. Поступил на юридический факультет Московского университета, через год, в 1901 г. арестован за участие в студенческом движении и сослан в Сибирь. Освобожден в 1903 г., вступил в РСДРП, после ее раскола — меньшевик. Депутат II Государственной думы, член аграрной комиссии, после разгона Думы осужден на 5 лет каторги. В 1912 г. сослан на поселение в Сибирь. Вернулся в Петроград в 1917 г., вошел в состав Исполкома Петроградского Совета и президиум ВЦИК I созыва. С мая 1917 г. министр почт и телеграфов, с 1 июля, по совместительству, министр внутренних дел Временного правительства. Поддерживал В.М.Чернова, выступал за передачу земли крестьянам после Учредительного собрания, созыв которого демократическими партиями недопустимо затягивается. Октябрьскую революцию встретил враждебно, но, как и Чернов, считал, что демократия потерпела поражение из-за несостоятельности своей политики. В 1918 г. выехал в Грузию, а после установления там советской власти в 1921 г. эмигрировал во Францию. С 1940 г. жил в США.

5. Там же. С. 101.

6. Там же. С. 157.

7. Шингарев А.И. (1869—1918) — кадет, депутат II—IV Государственных дум, министр земледелия в первом составе Временного правительства. Автор закона о хлебной монополии, защищал помещичью собственность на землю. В первом коалиционном правительстве — министр финансов, лидер кадетской фракции в Петроградской городской думе, член Временного Совета Республики (Предпарламента). Убит в госпитале анархистствующими матросами.

8. Власть и реформы. С. 673.

9. Львов Г.Е. (1861—1925) — князь, крупный землевладелец, видный земский деятель, юрист по образованию, депутат I Государственной думы, после начала первой мировой войны — председатель Всероссийского земского союза помощи больным и раненым, один из руководителей объединенного комитета Земско-городского союза, премьер-министр в первом и втором составах Временного правительства.

10. Чхеидзе Н.С. (1864—1926) — один из меньшевистских лидеров, социал-демократ с конца 90-х гг., депутат Государственной думы, после ее роспуска — член Временного комитета Государственной думы, формировавшего Временное правительство. В феврале—августе 1917 г. — председатель Петроградского Совета, ВЦИК I созыва. С 1919 г. — председатель Учредительного собрания Грузии, после установления там советской власти эмигрировал во Францию.

11. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. I. С. 471.

12. Там же. С. 470.

13. Третий съезд партии социалистов-революционеров. С. 313.

14. Там же. С. 70.

15. Власть и реформы. С. 675. Переверзев П.И. — адвокат, трудовик, был близок к эсерам, министр юстиции в первом коалиционном Вре-

менном правительстве, отдал в июле 1917 г. распоряжение о предании Ленина суду по обвинению в связи с Германским генштабом.

16. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. I. С. 466.

17. Там же.

18. Макдональд Д.Р. (1866—1937) — государственный деятель Великобритании, один из лидеров лейбористской партии, в 1900—1914 гг. — ее секретарь, в 1912—1924 гг. — казначей. В 1906 г. избран в парламент. Во время первой мировой войны — пацифист. В 1924, 1929—1931 гг. — премьер-министр лейбористского правительства. Возглавляемое им правительство в 1924 г. признало де-юре Советское правительство, в 1929 г. восстановило дипломатические отношения с СССР, разорванные в 1927 г. правительством консерваторов.

19. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. I. С. 228.

20. Там же.

21. Бьюкенен Д.У. (1854—1924) — английский дипломат, в 1910—1918 гг. посол Великобритании в России, глава дипломатического корпуса держав Антанты, участвовал в организации интервенции.

22. Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С. 104.

23. Там же. С. 94—95.

24. Чаянов А.В. (1888—1937) — выдающийся ученый-экономист. Окончил Московский сельскохозяйственный институт (ныне Тимирязевская сельскохозяйственная академия), изучил опыт организации кооперации и агрономической службы в ряде европейских стран, был адъюнкт-профессором Московского сельхозинститута, в 1912—1913 гг. издал «Очерки по истории трудового хозяйства», в 1915 г. — «Краткий курс кооперации». Преподавательскую и научную деятельность сочетал с участием в кооперативных и общественных организациях. Во время первой мировой войны входил в состав различных комиссий Особого совещания по продовольствию, работал в организациях Всероссийского земского союза и Всероссийского Союза городов. Активный участник Февральской революции, в марте 1917 г. на Всероссийском кооперативном съезде избран членом Совета Всероссийских кооперативных съездов. Разрабатывал теорию сельского хозяйства и аграрную реформу. В.М.Черновым как авторитетный ученый, глава научной школы был введен в состав Главного Земельного Комитета, избран депутатом Учредительного собрания. Октябрьскую революцию встретил негативно, но согласился работать в советских учреждениях и кооперативных организациях. Стал профессором Петровской сельхозакадемии. В 1919 г. вышел один из его главных трудов — «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации». В 1928—1929 гг. подвергся резкой критике за «неонародничество» и «защиту кулачества». В 1930 г. был арестован по сфабрикованному делу т.н. «Трудовой крестьянской партии» и приговорен к 5 годам заключения. В 1937 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР. Реабилитирован в 1987 г.

25. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. I. С. 456—457.

26. Там же. С. 458.

27. Там же. С. 462.

28. Там же. С. 464.

29. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. С. 354.

30. Там же. С. 140.

31. Там же. С. 307—308. Каменев (Розенфельд) Л.Б. (1883—1936) — политический и государственный деятель, член РСДРП с 1901 г. В 1908—1914 гг. находился в эмиграции. В 1914 г. вернулся в Россию для руководства «Правдой» и социал-демократической фракцией Государственной думы. Противник апрельских тезисов В.И.Ленина. На VI съезде партии избран членом ЦК. Член Исполкома Петроградского совета и ВЦИК. Выступал против вооруженного восстания в октябре 1917 г. Был сторонником сотрудничества с другими партиями. После победы вооруженного восстания выступал за однородно-социалистическое правительство, за что ЦК был отозван с поста председателя ВЦИК. В дальнейшем — председатель Совета Труда и Оборона. В 1919—1926 гг. — член Политбюро. В 1931—1934 гг. — директор Института мировой литературы. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда. Реабилитирован посмертно. Луначарский А.В. (1875—1933) — государственный и общественный деятель, критик, драматург, академик АН СССР. В революционном движении с конца 90-х гг., большевик, но в 1907 г. примкнул к «межрайонцам». Во время первой мировой войны — интернационалист. Вернулся в Россию после Февральской революции, вместе с «межрайонцами» принят в РКП(б). Депутат Петроградской городской думы, зам. городского головы. В 1917—1929 гг. — народный комиссар просвещения.

32. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. С. 469.

33. Там же.

34. Там же. С. 368.

35. Там же. С. 471.

36. Некрасов Н.В. (1879—1940) — лидер левого крыла кадетов, депутат Государственной думы. В первом составе Временного правительства и первом коалиционном Временном правительстве — министр путей сообщения, во втором — заместитель премьер-министра и министр финансов. Летом 1917 г. вышел из партии. Во время Корниловского мятежа поддержал мнение Терещенко и Зарудного об отставке Керенского, был удален из правительства и назначен генерал-губернатором Финляндии. После Октябрьской революции работал статистиком в Наркомате продовольствия, затем в Казани. В 1921 г. арестован и отправлен в Москву. По рекомендации В.И.Ленина направлен на работу в Центросоюз, где был членом правления до 1930 г. В ноябре 1930 г. арестован и приговорен к 10 годам, в 1933 г. досрочно освобожден, работал на строительстве канала Москва—Волга. В 1939 г. вновь арестован и в мае 1940 г. расстрелян. Терещенко М.И. (1880—1955) — землевладелец, сахарозаводчик, банкир, беспартийный, но примыкал к партии «прогрессистов». Во всех трех коалиционных правительствах занимал пост министра иностранных дел. Один из наиболее влиятельных членов Временного правительства. Во время июльского кризиса выразил недовольство в связи с публикацией материалов о государственной измене Ленина. По его предложению было принято обращение к союзным державам: «Мятеж подавлен, и виновники его привлечены к ответственности... Страна будет делать все нужные приготовления для дальнейшей кампании». Высказался против образования «Предпарламента», формулу «война до победного конца» заменил формулой «война до боеспособности армии». Его поли-

тика вызвала конфликт с военным министром А.И.Верховским, заявившим о невозможности для России продолжать войну. 25 октября арестован в Зимнем дворце. Весной 1918 г. освобожден, эмигрировал в Норвегию и Финляндию. В 20–30-е гг. — финансист во Франции и на Мадагаскаре.

37. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. С. 357–359.

38. Власть и реформы. С. 675–676.

39. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 1.

40. ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 52. Л. 21.

41. ГАР СПб. Ф. 7384. Оп. 7. Д. 10. Л. 17.

42. ГАРФ. Ф. 930. Оп. 1. Д. 60. Л. 123–124.

43. ГАР СПб. Ф. 1000. Оп. 78. Д. 1. Л. 1–2.

44. См.: Урилов И.Х. Мартов. М., 1997. С. 259.

Глава V

1. Нежелательная (лат.).

2. Никитин А.М. (1876–?) — меньшевик, юрист. Во время Февральской революции — председатель Московского Военно-революционного Комитета, с 1 марта — Московского Совета рабочих депутатов. Во втором коалиционном правительстве — министр почт и телеграфов, во время правительственного кризиса — один из пяти членов Директории, в третьем коалиционном правительстве занял пост министра внутренних дел. Заверял Временное правительство 17 октября, что выступление большевиков будет ликвидировано в самом начале, 20 октября выступил с заявлением, что необходимо воевать до тех пор, пока Россия не вернет захваченных врагом территорий. Призывал Предпарламент санкционировать применение вооруженной силы и репрессий для борьбы со всеми анархическими силами. 25 октября 1917 г. арестован, 29 октября — освобожден. Принимал участие в заседаниях подпольного Временного правительства, затем отказался участвовать в его деятельности, поскольку оно не поддержало генерала Духонина. В январе 1918 г. уехал в Ростов-на-Дону. В мае 1920 г. арестован и за сотрудничество с белогвардейской Добровольческой армией приговорен к расстрелу, замененному 5 годами тюрьмы. В 1921 г. помилован и освобожден. В августе 1930 г. арестован, в декабре этого же года освобожден по решению Особого совещания ОГПУ, и дело прекращено. Дальнейшая судьба неизвестна.

3. Скобелев М.И. (1885–1938) — меньшевик, член РСДРП с 1903 г., депутат IV Государственной думы. Во время Февральской революции участвовал в создании Петроградского Совета, избран товарищем председателя. На заседании Петроградского Совета выступил с докладом о созыве Международной социалистической конференции и против сепаратного мира. В мае вошел в состав коалиционного Временного правительства, заняв пост министра труда. Октябрьскую революцию не принял, во время переговоров об однородно-социалистическом правительстве выдвигался на пост министра иностранных дел. Переговоры с большевиками считал гибельными. На Учредительном собрании потребовал создать комиссию для расследования расстрела рабочей демонстрации. В 1920 г. уехал в Париж. Способствовал установлению торговых отношений между Францией и СССР. В 1922 г. вступил в ВКП(б). С 1925 г. в Москве на советской работе. В 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1957 г. Гвоздев К.И. (1883–?) — до 1907 г. примыкал к эсерам, с 1914 г. меньшевик-«оборонец», в 1915 г. — председатель рабочей группы Военно-промышленно-

го комитета С 5 мая 1917 г — товарищ министра труда, с 24 сентября — министр труда в третьем коалиционном правительстве 25 октября арестован, вскоре освобожден Выступал против участия большевиков в однородно-социалистическом правительстве, работал в ВСНХ В 1931 г арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы, в 1941 г — особым совещанием НКВД — к 8 годам В апреле 1956 г освобожден Дальнейшая судьба неизвестна

4 Прислуга на все руки (франц)

5 Вихляев П А после отставки В М Чернова исполнял во время правительственного кризиса обязанности главы Министерства земледелия, но министром так и не стал, видимо, в силу своей непопулярности Несклько позже, уже после того, как было сформировано третье коалиционное правительство, портфель министра был вручен эсеру С И Маслову

6 Верховский А И (1886—1938) — генерал-майор, беспартийный В 1911 г окончил Академию Генштаба С начала первой мировой войны — на фронте Последняя должность — начальник штаба дивизии, предназначенной для высадки на Турецком побережье После Февральской революции выступил с призывом поддержать Временное правительство С разрешения командующего Черноморским флотом А В Колчака заявил о присоединении офицеров к революции и добился включения их представителей в состав Севастопольского Совета рабочих и солдатских депутатов, был избран тов председателем Совета Сторонник выхода России из Первой мировой войны В августе 1917 г назначен военным министром Считал, что нужно распустить худшие, наиболее усталые элементы, т к большая часть армии воевать не будет, чего бы это ни стоило Считал единственным выходом самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира Вышел в отставку и выехал на остров Валаам Вернувшись 3 ноября в Петроград, отправился вместе с Черновым в Ставку, где принял участие в попытке образовать «общесоциалистическое правительство» После провала этих попыток отошел от политической деятельности С 1919 г — в Красной Армии на Восточном фронте, с 1921 г — в Академии Генштаба, с 1930 г — нач штаба Северо-Кавказского военного округа В июле 1931 г коллегией ОГПУ приговорен к расстрелу, заменному 10 годами лагерей В 1934 г досрочно освобожден, в 1938 г Верховным Судом приговорен к высшей мере и расстрелян В 1956 г реабилитирован

7 В М Чернов имеет в виду один из эпизодов Крымской войны Липранди (1796—1864) командовал особым отрядом, отличился в сражении под Балаклавой, план которого разработал и осуществил Генерал Ред Н А (1792—1855) во время войны командовал пехотным корпусом и был убит в сражении при Черной речке

8 Зарудный А С (1863—1934) — народный социалист, адвокат, министр юстиции во втором коалиционном правительстве В июле дал санкцию на время войны закрывать и не допускать собрания и съезды, которые могут представлять опасность в военном отношении Был близок к кадетам (на пост министра рекомендован кадетом М С Аджемовым) К большевикам относился непримиримо, отдал приказ об аресте Ленина В сентябре 1917 г вышел из правительства, обвиняя его в бездействии, и призывал социалистов к коалиции с буржуазией После Октября отошел от партии народных социалистов, работал в советских организациях

9 С позволения сказать (лат)

10 Имеется в виду Б В Савинков

11. Набоков В.Д. (1869—1922) — один из организаторов и лидеров партии кадетов, товарищ председателя ее ЦК, редактор и издатель еженедельника партии «Вестник партии народной свободы» и газеты «Речь». Депутат I Государственной думы. После Февральской революции — управляющий делами Временного правительства. После Декрета об аресте вождей гражданской войны против революции (декабрь 1917 г.) скрылся в Крыму. В 1920 г. эмигрировал. Убит в Берлине эмигрантом-монархистом. Аджемов М.С. (1870—1950) — окончил Лазаревский институт восточных языков и экстерном юридический факультет Московского университета, окончил также медицинский факультет этого же университета. Принимал участие в качестве врача в русско-японской войне 1904—1905 гг. Депутат II и III Государственных дум. Публицист, член кадетской партии с 1906 г., член ЦК партии, лидер его левой группы. Поддержал предложение социалистических депутатов, чтобы Временный Комитет Государственной думы взял на себя формирование Временного правительства, выступил за участие социалистических партий меньшевиков, эсеров, народных социалистов в правительстве. В июле был против отставки правительства, на предполагавшемся суде над Корниловым должен был выступить его адвокатом. Один из авторов положения о Предпарламенте. Неоднократно встречался вместе с Набоковым с лидерами демократических партий с целью блока для борьбы с большевиками. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию. В Париже был известным адвокатом.

12. Так вы не для себя! (лат.). Выражение обычно употребляется как намек на присвоение чужих лавров, на использование плодов чужого труда.

13. Имеется в виду сборник «Вехи», изданный в Москве в 1909 г. группой публицистов и философов. Авторы, в том числе П.Б.Струве, считали революцию 1905—1907 гг. ошибкой, продуктом социалистически настроенной интеллигенции, идеология которой была исторически бесплодной.

14. Шаховской Д.И. (1861—1939) — князь, государственный деятель, внук декабриста, один из основателей журнала «Освобождение», с 1905 г. — член партии кадетов, депутат I Государственной думы, ее секретарь и секретарь думской фракции кадетов. Министр государственного призрения в первом коалиционном правительстве, в 1918 г. — один из учредителей антисоветского «Союза возрождения России». С 20-х гг. занимался литературной деятельностью. В 1938 г. арестован и в 1939 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

15. Украинская Центральная Рада была создана буржуазными и мелкобуржуазными партиями Украины 4(17) марта 1917 г. В своем первом универсале 10(23) июня 1917 г., вопреки требованиям Временного правительства, провозгласила автономию Украины и создала исполнительный орган — Генеральный секретариат. Для ликвидации конфликта в конце июля 1917 г. в Киев прибыла делегация Временного правительства во главе с А.Ф.Керенским, которая признала Генеральный секретариат руководящим органом Временного правительства на Украине. Переговоры с Радой стали одной из причин правительственного кризиса.

16. Коновалов А.И. (1875—1948) — крупный текстильный фабрикант, товарищ председателя IV Государственной думы, один из основателей и лидеров партии «прогрессистов» и Всероссийского союза торговли и промышленности. В 1915—1917 гг. — заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета. С 1917 г. — член партии ка-

детов. В двух составах Временного правительства — министр торговли и промышленности и в третьем, дополнительно, заместитель премьер-министра. 25 октября вместе с другими членами правительства арестован. В начале 1918 г. освобожден и эмигрировал во Францию. В 1924—1930 гг. — председатель правления редакции газеты «Последние новости», издававшейся в Париже П.Н.Милуковым. Последние годы жил в США.

17. Малянтович П.Н. (1870—1939) — присяжный поверенный, выступал защитником на политических процессах. В 1917 г. — министр юстиции Временного правительства. После Октябрьской революции — член Московской коллегии защитников.

18. Дан (Гурвич) Ф.И. (1871—1947) — социал-демократ с 1894 г., один из лидеров меньшевиков, идеолог «революционного оборончества». После Февральской революции — член Исполкома Петроградского Совета и Президиума ВЦИК I созыва. В мае 1917 г. Всероссийская конференция меньшевиков поддержала его предложение о вхождении социалистов во Временное правительство. 24 октября вечером вместе с Н.Д.Авксентьевым и А.Р.Гоцем от имени Предпарламента предложил А.Ф.Керенскому, с целью предупредить вооруженное восстание большевиков, немедленно опубликовать и разослать телеграфом, расклеить афиши, в которых объявить о передаче земли земельным комитетам, об ускорении созыва Учредительного собрания, о предложении союзникам немедленно начать переговоры о мире, предупреждал, что у Временного правительства нет достаточных сил, чтобы подавить выступления большевиков. Предложение было отвергнуто. Врач по профессии, работал в 1918 г. в Наркомздраве, был депутатом Моссовета, на IV Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК. В 1919—1920 гг. служил санитарным врачом в Красной Армии. Подвергался кратковременным арестам. В 1922 г. выслан за границу. В Берлине вошел в редакцию «Социалистического вестника», после прихода к власти Гитлера переехал в Париж, оттуда, накануне оккупации, — в США. Был уверен в неизбежной демократизации советской политики.

19. Румынско-Черноморско-Одесский Исполнительный Комитет Советов солдатских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота, Одесской губернии; Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза; Центральный комитет Балтийского флота; Особое совещание по топливу.

20. Отечественная история: проблемы, поиски, суждения. М., 1992. С. 176—201.

21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 151.

Глава VI

1. Краснов П.Н. (1869—1947) — генерал-лейтенант, в первую мировую войну командовал 3-м кавалерийским корпусом. В октябре 1917 г. А.Ф.Керенский назначил его командующим войсками, которые были направлены с фронта в Петроград для подавления революции. Был разбит, взят в плен и отпущен под честное слово, что откажется от борьбы против советской власти. Уехал на Дон и избран атаманом Донского казачества. Ориентировался на Германию, создал «Дано-Германский союз». В 1919 г. разбит Красной Армией, эмигрировал в Германию, где сотрудничал с гитлеровцами. Был захвачен Советской армией и по приговору Верховного Суда СССР казнен.

2. Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1979. С. 150.

3. Духонин Н.Н. (1876—1917) — во время первой мировой войны генерал-квартирмейстер Юго-Западного фронта, начальник штаба Западного фронта, с сентября 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего А.Ф.Керенского, который после провала похода на Петроград подписал распоряжение о назначении Н.Н.Духонина Главкомверхом. Отказался подчиниться распоряжениям Совваркома, но в то же время, не желая допустить братоубийственную войну, не дал согласия ударным батальонам защищать Ставку и приказал им покинуть город. Был арестован и на вокзале убит толпой солдат.

4. Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М., 1966. С. 127—128. Гендельман М.Я. (1881—1938) — присяжный поверенный, эсер с 1902 г., на III и IV съездах партии избирался членом ее ЦК, с марта 1917 г. — член президиума Моссовета. Выступил против участия революционной демократии во Временном правительстве и против взятия власти Советами. На I Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК и на заседании ВЦИК — членом президиума ВЦИК. Делегат II Всероссийского съезда Советов, руководитель фракции эсеров. В речи на съезде обвинил большевиков в заговоре, заявил о неправомерности съезда и призвал делегатов в знак протеста уйти с заседания. Предлагал создать однородно-социалистическое правительство, без большевиков. Член Учредительного собрания. На процессе правых эсеров 1922 г. приговорен к смертной казни, замененной лишением свободы на 5 лет. В 1938 г. Верховным судом СССР приговорен к расстрелу. В 1989 г. посмертно реабилитирован.

5. Второй Всероссийский съезд Советов. М.—Л., 1928. С. 127—128.

6. Спириин Л.М. Россия. 1917. М., 1987. С. 173.

7. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 15. Л. 59.

8. Краткий отчет о работах IV съезда партии социалистов-революционеров. Пг., 1918. С. 25, 26,

9. Там же. С. 23.

10. Там же. С. 22.

11. Краткий отчет о работах IV съезда партии социалистов-революционеров. С. 23.

12. Там же. С. 146.

13. Там же. С. 143.

14. Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов. 1917. 12 декабря.

15. Там же.

16. Краткий отчет о работах IV съезда партии социалистов-революционеров. С. 146.

17. Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов. 1917. 12 декабря.

18. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 687.

19. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 140; Голос трудового крестьянства. 1917. 10 декабря.

20. Там же.

21. Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции. М., 1991. С. 358.

22. Голос трудового крестьянства. 1917. 10 декабря. Коллегаев А.Л. (1887—1937) — эсер с 1906 г., за революционную деятельность исключен из Харьковского университета, в 1909 г. арестован и выслан за границу, учился в Парижском университете. После Февральской революции — член Казанской губернской земской управы, лидер казанских

левых эсеров, председатель Казанского губернского совета крестьянских депутатов, один из инициаторов его постановления о передаче частновладельческих земель волостным комитетам, занимал позиции близкие к большевикам. На VIII Петроградской губернской конференции эсеров избран членом ПК эсеров. Участник Октябрьского вооруженного восстания, на II Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК, член бюро по созыву учредительного съезда партии левых эсеров, избран на нем членом ЦК. В декабре 1917 г. назначен народным комиссаром земледелия. Депутат Учредительного собрания, подписал обращение в поддержку его роспуска. Выступал против Брестского мира, но считал ошибкой разрыв блока с большевиками и выход из правительства. Осудил левозероверский мятеж 6 июля 1918 г. Один из организаторов партии «Революционного коммунизма», в ноябре 1918 г. вступил в РКП(б). В дальнейшем на военной и хозяйственной работе. В 1936 г. арестован, в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

23. Карелин В.А. (1891—1938) — из дворян, юрист. Эсер с 1907 г., журналист — сотрудничал в газете «Смоленский вестник», харьковской газете «Утро». Во время I мировой войны — интернационалист. После Февральской революции — руководитель харьковских левых эсеров, председатель Харьковской городской думы, критиковал ЦК эсеров за участие в коалиционном Временном правительстве, выступал за создание «однородного социалистического министерства». Приветствовал переход власти к Советам, но вооруженное восстание считал ошибочным, как неправомерное оценивал отношение Ленина и Троцкого к социалистическим партиям и как пагубное — нежелание правых эсеров и меньшевиков искать компромисс с большевиками. Избран членом ВЦИК, членом ЦК левых эсеров, в числе 7 левозероверских министров вошел в правительство в качестве народного комиссара государственного имущества. На Учредительном собрании стремился к соглашению с эсероверским большинством. После заключения Брестского мира стал одним из инициаторов разрыва правительственного блока, за участие в антиправительственном мятеже 6 июля осужден заочно, скрывался, в декабре 1918 г. выехал на Украину, в феврале 1919 г. арестован и доставлен в Москву, в октябре 1919 г. освобожден, работал в юридических учреждениях Харькова. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно.

24. Голос трудового крестьянства. 1917. 10 декабря.

25. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. М., 1997. С. 274.

26. Там же. С. 266. Володарский В. (Гольдштейн М.М.) (1891—1918) — член РСДРП с 1905 г., неоднократно подвергался арестам, в 1913 г. эмигрировал в США, где вступил в Американскую социалистическую партию. В 1917 г. вернулся в Россию, избран членом Петроградского комитета РКП(б), членом президиума Петроградского Совета. После Октябрьского вооруженного восстания — комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, член президиума ВЦИК. Убит террористом в Петрограде 20 июня 1918 г.

27. Там же. С. 282.

28. Там же. С. 285.

29. Там же. С. 287.

30. Вишняк М.В. Созыв и разгон Учредительного собрания // Октябрьская революция в воспоминаниях белогвардейцев. М., 1925. С. 15. Вишняк М.В. (1883—1976) — юрист, публицист, политический деятель. Окончил юридический факультет Московского университета, сотрудни-

чал в ряде изданий, в т.ч. в журнале «Русское богатство», в 1905 г. вступил в партию эсеров и вошел в состав Московского комитета партии. В революцию 1905 — 1907 гг. член редакции газеты «Известия», органа Московского Совета рабочих депутатов. В 1906 г. арестован, бежал, эмигрировал в Германию, вернулся нелегально в Россию в 1907 г., вновь арестован и освобожден под залог. В годы Первой мировой войны — оборонец. После Февральской революции на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов избран членом Исполнительного Комитета, участник III и IV съездов социалистов-революционеров, редактор центрального органа партии газеты «Дело народа». Участник Московского государственного и Демократического совещаний, вошел в состав Временного Совета Российской республики (Предпарламента). Избран членом Учредительного собрания и его секретарем. Оставил интересные воспоминания об Учредительном собрании. Участвовал в VIII съезде партии. В 1919 г. эмигрировал во Францию, где в 1919—1940 гг., участвовал в деятельности партии социалистов-революционеров, был одним из издателей и редакторов ее журнала «Современные записки». В 1940 г. выехал в США, сотрудничал в журнале Нью-Йоркской группы эсеров «За свободу». В 1952 г. вместе с Черновым подписал обращение 14 русских социалистов «На пути к созданию единой социалистической партии».

31. Правда. 1918. 7 января.

32. Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С. 343.

33. Вишняк М.В. Созыв и разгон Учредительного собрания. С. 153.

34. Там же.

35. Протасов Л.Г. Указ. соч. С. 310.

36. Вишняк М.В. Созыв и разгон Учредительного собрания. С. 153.

37. Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 110.

38. Протасов Л.Г. Указ. соч. С. 319.

39. «Союз русского народа» — черносотенная монархическая организация, созданная в 1905 г. Пользовалась покровительством царского двора. По составу очень разнородна: в нее вошли и помещики (лидер «Союза» — крупный бессарабский помещик, депутат Государственной думы В.М.Пуришкевич), и духовенство, мелкая буржуазия, значительную долю составляли люмпены. Это и имеет в виду В.М.Чернов. Распущена после свержения самодержавия.

40. «Вольное экономическое общество» — учреждено в 1765 г. крупными землевладельцами с целью рационализации сельского хозяйства, повышения производительности труда. Проводило конкурсы, публиковало первые статистико-географические исследования России, способствовало развитию различных отраслей сельского хозяйства, внедрению новых культур и технологий. В XIX в. стало центром буржуазной экономической мысли в России. В разные периоды в нем сотрудничали М.И.Голенищев-Кутузов и Г.Р.Державин, адмирал А.И.Сенявин и И.В.Вернадский, Д.И.Менделеев и М.М.Ковалевский, М.И.Туган-Барановский и Е.В.Тарле и др. В 1915 г. деятельность общества фактически прекратилась, в 1919 г. оно было распущено.

41. Кокоскин Ф.Ф. (1871—1918) — один из кадетских лидеров, министр (государственный контролер) во втором коалиционном правительстве. Был убит в больнице матросами-анархистами.

42. В средние века так называли отряды наемников, которые то входили в состав какой-либо армии, то сражались и грабили на свой страх

и риск. В XIX в. так стали называть узкие кружки людей, преследующих какие-либо личные цели.

43. Нищие, босьяки (итал.) деклассированные элементы в Южной Италии. Во время неаполитанской революции 1792 г. использовались королем Фердинандом IV для расправы с революционерами.

44. Германские крейсера «Гебен» и «Бреслау» в августе 1914 г. провалились из Средиземного моря в Константинополь. Чтобы избежать их интернирования или возвращения в Средиземное море, Германия предложила Турции в 24 часа решить вопрос об их покупке, и на кораблях были подняты турецкие флаги. В октябре 1914 г. совершили нападение на Севастополь, неоднократно производили обстрел побережья и транспортов, избежав решительного боя с русскими кораблями. В январе 1918 г. «Гебен» подорвался на минах и был увен в Босфор.

45. В 278 г.н.э. царь Эпира Пирр ценой огромных потерь разбил войско римлян, и впоследствии его армия была наголову разгромлена римлянами. Отсюда выражение «пиррова победа», т.е. победа, фактически приводящая к поражению.

46. Автор перефразирует «Евангелие от Матфея» гл. 27, 35 о распятии Иисуса Христа: «Распявшие же Его делили одежды Его бросая жребий».

47. Статья публикуется по авторской рукописи. РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 49. Л. 103–130.

Глава VII

1. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

2. Вестник Комитета членов Учредительного собрания в Сибири. 1918. Сентябрь. Климушкин П.Д. — член Комитета членов Учредительного собрания (Комуч) из 5 членов, взявших на себя функции правительства после вступления в Самару Чехословацкого корпуса, затем заместитель председателя и управляющий ведомством внутренних дел. После разгрома Комуча эмигрировал в Чехословакию. После окончания Великой Отечественной войны возвращался в Россию, но сложившаяся вокруг него атмосфера в Самаре побудила его вернуться в Чехословакию.

3. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.

4. Там же. Л. 17.

5. Луначарский А.В. Бывшие люди. М., 1922. С. 65.

6. Каледин А.М. (1861–1918) — генерал от кавалерии, окончил Академию Генерального штаба, во время первой мировой войны командовал армией. В июне 1917 г. избран атаманом Донского казачества. В октябре 1917 г. возглавил мятеж, поднятый «Войсковым правительством», вошел в состав триумvirата «Донского гражданского совета», антисоветского правительства, претендовавшего на звание Всероссийского. Потерпев поражение 29 января 1918 г., сложил с себя полномочия атамана и застрелился. Дутов А.И. (1879 — 1921) — генерал-лейтенант, окончил Академию Генерального штаба. После Февральской революции избран председателем Совета «Союза казачьих войск», возглавил «Всероссийский казачий съезд», в сентябре 1917 г. избран атаманом Оренбургского казачьего войска. В ноябре 1917 г. поднял мятеж против советской власти, возглавил борьбу за ее свержение на Урале. Вошел в состав Комитета членов Учредительного собрания. После провозглашения Колчака Верховным правителем в составе его войск командовал Юго-Западной Орен-

бургской армией. В апреле 1919 г. назначен атаманом всех казачьих войск. В 1920 г. скрылся в Китай. Чекисты предприняли попытку похищения Дутова, во время которой он был смертельно ранен. Чехословацкий корпус был сформирован из солдат Австро-Венгерской армии чехов и словаков, добровольно сдавшихся русским войскам. В 1918 г. выступил против советской власти (название «мятеж», как обычно называют выступление, вряд ли правомерно, т.к. солдаты корпуса не были российскими подданными и официально корпус входил в состав французской армии), сверж советскую власть в Поволжье. Опираясь на него, эсеры создали Самарское правительство — Комуч.

7. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

8. РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 7—8.

9. Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1966. С. 371.

10. Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 143. Вольский В.К. (1877—1937) — член партии эсеров с 1903 г. В 1917 г. критиковал Временное правительство, как «не оправдавшее надежд демократии», выступал против сепаратных переговоров с Германией, осудил выступление большевиков в июле 1917 г. Октябрьскую революцию оценивал отрицательно. На VIII Совете партии (май 1918 г.) выступал за «борьбу за национальную независимость России» (против Брестского мира). После Совета ЦК партии направил его в Поволжье для организации восстания против советской власти, стал председателем Комуча. После установления власти Колчака арестован в Екатеринбургe, ушел в подполье, участвовал в совещании лидеров Комуча, принявшем решение о прекращении вооруженной борьбы с советской властью. Возглавлял Уфимскую делегацию эсеров, подписавшую соглашение с большевиками о совместной борьбе с Колчаком, за что был исключен из партии. Вместе с другими участниками группы «Народ» образовал партию социалистов-революционеров (меньшевиков). В 1922 г. арестован, в 1925 г. постановлением Особого совещания ОГПУ выслан на 3 года, в 1937 г. расстрелян по приговору Верховного суда СССР.

11. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М., 1921. С. 66.

12. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Т. 1. Париж, 1963. С. 469—470.

13. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 20. Л. 24.

14. Там же.

15. Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Т. 1. С. 453.

16. Дело народа. 1919. 20 марта.

17. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 69—71.

18. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 38—41.

19. Третий съезд партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. С. 108.

20. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 33.

21. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 18. Л. 38—39.

22. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 27. Л. 8.

23. Там же. Л. 6.

24. Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. С. 300.

25. Вольский В.А. (1877—1937) — дворянин, член партии эсеров с 1903 г., руководитель Вологодской организации партии. С 1911 г. работал в кооперации, использовал свою деятельность для пропаганды эсеровской идеологии, создания под легальным прикрытием боевых групп. После Февральской революции работал в Твери, избран членом Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, членом Учредитель-

ного собрания. В январе 1918 г. объявлен контрреволюционером, подлежащим аресту. Председатель Съезда членов Учредительного собрания, после колчаковского переворота возглавил Уфимскую делегацию, заключившую соглашение с большевиками. В 1922 г. арестован в Москве и осужден на три года. После освобождения жил в Тамбове. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР. Буревой (Сопляков) К.С. (1888, по другим данным 1880—1934) — крестьянин, член партии эсеров с 1905 г., за участие в разгромах помещичьих усадеб арестовывался и высылался. Работал в крестьянских организациях. На IV съезде эсеров избран членом ЦК, примыкал к черновскому центру. В 1918 г. присоединился к Самарскому Комучу, после колчаковского переворота один из организаторов группы «Народ». В 1922 г. арестован, выслан в Ташкент, но затем вновь арестован и расстрелян. Святицкий Н.В. (1887—?) — эсер, член Учредительного собрания, в 1918 г. секретарь Комитета членов Учредительного собрания. После колчаковского переворота вошел в группу «Народ», позднее работал в советских учреждениях.

26. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.

27. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

28. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 42 — 44.

29. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 23. Л. 62.

30. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 9. Л. 49.

31. Чтобы республике (государству) не был нанесен ущерб.

32. Для России.

33. В.М.Чернов имеет в виду делегацию партии социалистов-революционеров.

34. Информационный бюллетень «Для России».

35. Брешко-Брешковская Е.К. (1844—1934) — участвовала в революционном движении с 1873 г., поэтому ее впоследствии называли «бабушкой русской революции». Участвовала в «хождении в народ». Была осуждена по так называемому «процессу 193-х» и с 1874 по 1896 г. была на каторге и в ссылке. В 1899 г. вместе с Гершуни сыграла главную роль в создании «Рабочей партии политического освобождения России», которая в качестве основного средства политической борьбы провозгласила индивидуальный террор и в 1902 г. влилась в партию эсеров. В 1903—1905 гг. находилась в эмиграции. Неоднократно избиралась в ЦК эсеров. В 1907 г. вновь арестована и сослана в Сибирь. Выступала защитницей террористической тактики. После Февральской революции энергично поддерживала Временное правительство и лично А.Ф.Керенского. Октябрьскую революцию встретила враждебно. В 1919 г. эмигрировала.

36. Речь идет о так называемом «санитарном кордоне» — группе государств на границах Советской России, как бы отделяющих ее от Западной Европы (Эстония, Латвия и др.).

37. Подчиниться или уйти.

38. Суррогат, неполноценный заменитель (нем.).

39. Предварительные вопросы для обсуждения.

40. [высказаться] разделительно, более мягко.

41. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.84. Д. 273. Л. 71—78.

42. Голос России. 1921. 12 марта.

43. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. С. 390.

44. Петриченко С.М. (1892—1947) — из крестьянской семьи, окончил два класса городского училища, работал металлургом, в 1914 г. призван во флот, в 1919 г. вступил в РКП(б), в 1921 г. во время волнений

в Кронштадте возглавил Временный революционный комитет. После поражения восстания с частью гарнизона ушел в Финляндию, в 1922 г. вступил в контакт с советской разведкой, от него было получено несколько важных сообщений. В 1941 г. арестован финской разведкой, в 1944 г. освобожден. В 1945 г. вновь арестован и передан в органы контрразведки Советской Армии, приговорен к десяти годам заключения, умер в лагере.

45. Кронштадт. 1921. Документы. М., 1997. С. 240.
46. Правда. 1921. 16 марта.
47. Кронштадт. 1921. Документы. С. 256.
48. Там же. С. 305.
49. Там же. С. 364.
50. Янсен М. Суд без суда. 1922. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1994. С. 26–27.
51. Там же. С. 119–120.
52. Известия. 1922. 13 июля.
53. Известия. 1920. 30 ноября.
54. Дзержинский Ф.Э. Биография. М., 1977. С. 267.
55. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 70.
56. Там же. С. 54.
57. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 130. Л. 1–2.
58. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 271. Л. 23.
59. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396.
60. Обвинительное заключение по делу Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических отношениях с иностранными государствами. М., 1922. С. 79–83.
61. Янсен М. Суд без суда. 1922. Показательный процесс социалистов-революционеров. С. 109.
62. Там же. С. 117.
63. Правда. 1922. 28 июля.
64. Правда. 1922. 5 августа.
65. Янсен М. Суд без суда. 1922. Показательный процесс социалистов-революционеров. С. 183.
66. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 198.
67. Там же. С. 197.
68. Урилов И.Х. Мартов. С. 120.
69. Чернов В.М. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж—Прага—Нью-Йорк, 1934.

Послесловие

1. Россия на рубеже веков: исторические портреты. С. 334.
2. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 688.

Содержание

Введение	3
Глава I. МОЛОДОЙ ЛИДЕР НОВОЙ ПАРТИИ	8
Глава II. ТЕРРОР.	25
Глава III. В ЛЕВОМ ЦЕНТРЕ.	44
Глава IV. МУЖИЦКИЙ МИНИСТР	60
Глава V. ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ	82
«Листки из политического дневника»	
1. Разрешение «кризиса власти»	82
2. Психология властебоязни	87
3. Коалиция без коалиции	91
4. Предпоследние ошибки	94
Глава VI. ЗЕНИТ.	102
Глава VII. ЗАКАТ	140
Послесловие	175
Примечания	177

К.В.ГУСЕВ

**В.М.Чернов. Штрихи
к политическому портрету**

Художественное оформление А.Сорокин

Компьютерная верстка Н.Мерзляков

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 1.07.99.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 13,0. Уч.-изд.л. 15,3. Тираж 1000 экз. Заказ № 922

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

ППП типография «Наука» Академиздатцентра «Наука» РАН
121009, Москва, Шубинский пер., 6